

ОЛЕГ ДИВОВ

ВОЙНА МИРОВ

ПРОФЕССИЯ:

ИНКВИЗИТОР

Олег Игоревич Дивов
Война миров
Серия «Профессия:
инквизитор», книга 7

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16903629

Дивов, Олег Игоревич. Война миров: Издательство «Э»; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-85857-6

Аннотация

Все оказалось нелепо и страшно. Цепь жестоких убийств и терактов могла вывести инквизитора Маккинби к вождям заговора. Но заговора как такового нет, только драка за власть. Вместо революции будет переворот. Вместо Федерации – управляемый хаос. Вместо Нового Мира – гражданская война. Как и обещала Делла Берг – вас надули. Сразу всех.

На кону жизни миллионов и судьбы миллиардов людей. Если готовы отвечать за них – организуйте свой заговор. Пригласите беглого эльдорадского диктатора и его заклятого врага; звездных принцев и генералов; диссидентов и контрразведку; неудачливых религиозных деятелей, у которых увели из рук тоталитарную секту и продали новому хозяину. Хорошая компания. На подхвате – настоящие индейцы, гениальный программист и

отставной сатанист. Станьте государственными преступниками. Иначе нельзя. Совесть не позволяет.

Трудно понять, кто друзья, кто враги. Трудно понять, кто следующая мишень. И где-то бродит русский диверсант: он вроде бы за наших, только у него проблемы в семье и плохое настроение.

Содержание

Пролог	6
Часть первая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	191

Олег Дивов

Война миров

© Дивов О., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

А неплохо звучит: «Я устала от внешней политики».

Эта фраза будет хороша в устах блистательной и неотражимой Офелии Гвиневеры ван ден Берг, княгини Сонно, на светском приеме во дворце. Небрежно бросить: ах, увольте, ваше превосходительство, я устала от внешней политики, мне случалось в молодые годы заниматься ею, а она занималась мной, ха-ха, и положительно утомила, давайте лучше поговорим о ваших чудесных лошадях.

На языке майора Берг утомление внешней политикой описывается куда как проще: мамаша Вальдес мне еще в Эльдорадо осточертела, да и сынок ее, честно говоря. Опекать интриганку, потерявшую влияние, но по-прежнему мнящую себя крупной фигурой, – спасибо большое. Вальдесиха еще наломает дров, это к гадалке ходить не надо, я сама вам гарантирую как великая колдунья индейского народа. Ну и пешка, уверенная, что она ферзь инкогнито, тоже не подарок. Энрике только и ждет, когда его начнут разыгрывать по-крупному.

Правда, есть одно «но»: игра может обернуться непредсказуемо для всех сторон. Игрокам кажется, будто они управляют процессом, только есть подозрение, что сами они – внутри процесса, которым рулит кто-то извне. А еще в игру лезет окровавленными лапами маргинальная секта, выпе-

стованная нашей разведкой и отбившаяся от рук до такой степени, что великий Кид Тернер лег на дно и не рискует высунуться, а хитроумный и практически всемогущий Джет Ашен имитирует запой, да так одаренно, что даже верная секретарша вот-вот бросит господина статс-секретаря. Никого кроме меня это не смущает, нет? Для эльдорадцев предчувствие государственного переворота – нормальное состояние, а земляне как-то отвыкли. Может, я поэтому нервничаю, глядя на Энрике и его драгоценную маму.

Я бы дорого дала, чтобы променять эту сладкую парочку на страшного-опасного Арриньо, от которого они сбежали. С Арриньо я не постыдилась бы поделиться своими страхами – естественно, в объеме, разумно достаточном для решения текущей задачи. А он в ответ не постеснялся бы честно сказать, что думает. Тоже, конечно, в разумных объемах. Но мы бы друг друга поняли, и те, кому надо – услышали наш разговор. Арриньо был политиком от Бога, умел играть, не прикидываясь, и обыгрывать, не обманывая. Он посто играл сильнее всех на своей территории.

Я по жизни практик и хорошо соображаю, когда надо решать тактические задачи. Сейчас тактической задачей оказалась пресловутая внешняя политика, и до меня впервые дошло, в какую западную я попала с Вальдесами. Опять попала, и опять с ними. Повторилась история моей нелегальной работы в Эльдорадо: я не могу без приказа выйти из игры, а приказа не будет. Исполняйте свой долг, офицер Берг.

Раньше меня совсем не волновало, что непосредственная работа с диссидой целиком сосредоточена в руках военного министерства – это казалось естественным. С точки зрения официальной Федерации диссидентские миры как бы не существуют вовсе. Это даже не мятежные провинции, скорее просто неосвоенные территории, где орудуют неустановленные частные лица, которым надо бы дать по рукам. Федерация еще не успела призвать их к порядку, но обязательно призовет, территории освоит, и наступит там счастье. Бывают и исключения. Пока мы собирались с духом, прикидывая, как бы нам обустроить Сибирь, русские вполне могли стать диссидентами. У них для этого все было, включая царя, без которого они никуда, зато едва царь образуется – попробуй к ним сунься. Ну, мы думали-думали, а русские уже сами надумали, что им с нами удобнее – и вошли в Федерацию на правах штата, вместе со всеми своими национальными особенностями и абсолютно неуместным по демократическим понятиям государем. И Федерация сделала вид, будто так и надо, лишь бы не было войны. А недавно выяснилось, что, пока мы опять собирались с духом, китайцы сами навели у себя порядок, страшноватый, но устойчивый, и у них тоже есть царь, даже целый император – не иначе, от русских нахваталась, – и мы в общем готовы признать этот прискорбный факт за норму, а нелегитимный Шанхай за суверенный Большой Китай. Потому что Китай действительно большой, и заранее не угадаешь, кто кого шапками закидает, если дей-

дет до конфликта... Легко проскочила этап признания маленькая пограничная Куашнара, всем настолько удобная в статусе транзитной зоны, что проще было ее милостиво простить и обозвать государством, чем пилить на части с тем же Шанхаем, простите, Китаем, и неминуемо упустить кусок в жадные лапки Эльдорадо.

А с Эльдорадо у нас – проблема. Мы с самого начала были вполне в состоянии задавить их военной силой. Но это дорого, чревато потерями и вообще негуманно, а особенно негуманно в том смысле, что китайцы тут же шарахнут по нам с фланга. Поэтому, до достижения прочного мира с Шанхаем – о чем наши и не мечтали, – куда умнее казалось зажать диссидентов в кольцо военных баз и перейти к тайным операциям. Либо выпестовать более-менее вменяемого диктатора, либо довести Эльдорадо до полной разрухи. На словах это звучало очень мило, только закончились тайные операции созданием Ордена Евы, кровавой баней в Куашнаре, массовыми убийствами по всей Федерации, а теперь и на Земле.

И нравится это мне или нет, а ведь если искать виноватого, кто всю кашу заварил, ответственность за такой печальный исход должна нести специальная военная разведка. А в конечном счете, ее управляющий орган – Министерство обороны, и конкретно Колин Ронту с Джетом Ашеном. И я бы семь раз подумала, кто более достоин показательной порки. Ронту, конечно, редкостный хлыщ и скользкий тип, но будем справедливы, он еще не родился, когда ситуация уже пошла

по самому дрянному сценарию. Многого он просто не знает. Вдобавок наш министр существо гражданское, политик, задача которого – навести порядок в военном ведомстве. Он в основном думает, как бы выслужиться перед Сенатом. А вот его девяностолетний заместитель по национальной безопасности, прожженный старый черт, обязан знать все и отвечать за все.

А он пытается распутать то, что сам помогал запутать, и похоже, окончательно запутался.

Я в Эльдorado узнала много такого, о чем предпочла забыть. Мне довелось увидеть ту работу разведки, к которой я всю жизнь мечтала приобщиться, достойную искреннего восхищения. А потом – ее теневую сторону, достойную только отвращения, как бы ты родину ни любил, как бы ни был готов ради нее даже сдохнуть. Теперь я наконец-то сложила два и два – и внешняя политика Федерации обернулась той самой тыльной стороной, которая меня, мягко говоря, озадачивала.

В основном делают эту политику случайные люди и мимоходом. У них вообще другие интересы. Они деньги зарабатывают, делят зоны влияния, перенаправляют транспортные потоки... Воруют, короче говоря. Или, что еще страшнее, уверенной рукой ведут народы к свободе и радости. Другой рукой приворывая.

Может, я сама потихоньку становлюсь диссиденткой, а может, просто сказала работа у Августа и опыт последних

лет, напроць развеявший многие иллюзии. В Федерации все выглядит хорошо продуманным, и вообще хорошо выглядит, но за красивым фасадом что угодно может оказаться никуда не годным. На какие-то вещи мы просто закрываем глаза – привыкли. А так не должно быть. И в ситуации с Эльдorado для меня очевидно: нарушено то, что разведка зовет «связностью операции». В Сенате уверены, будто они знают, что нам делать с Арриньо – черта с два, это Арриньо вас делает два раза. Нет, при всем моем уважении, доктор Арриньо не настолько хорош, чтобы в одиночку перехитрить всю Федерацию. Просто у Джета Ашена на его счет особое мнение, и он позволит диктатору сыграть, как считает нужным. Кстати, у мамыши Вальдес тоже свое мнение. И у Энрике. И совсем особое мнение у того, кто стоит за Орденом Евы. Надеюсь, очень надеюсь, что какое-то мнение есть у сибирской контрразведки. Прямо хочется позвать Диму Павлова и попросить его сделать что-нибудь поистине ужасное, чтобы этот бардак с перепугу закрылся.

Извините, но в терминах майора Берг это именно бардак, а никакая не внешняя политика. А на кону вообще-то судьбы миллионов людей. И моя заодно. И моего сына.

Слишком многое отдано на откуп тем, кто, по идее, такие вопросы решать не должен. Слишком многое зависит от преданности и доброй воли исполнителей. Так нельзя ни воевать с эльдорадцами, ни договариваться. Так вообще нельзя вести дела. Я уже это видела. Я знаю, чем это кончается.

Как тогда, в Эльдорадо.

Часть первая

Золотой Мехико – один из самых прекрасных городов в мире.

Он чудесен днем, когда его белоснежные здания заливают солнце. Он чудесен вечером, когда включается иллюминация, а на улицы выходят нарядные люди. Он чудесен ночью, когда его площади, скверы и величавые набережные пустеют. Но чудесней всего он перед рассветом, когда многоцветная иллюминация смешивается с робкими лучами розовой зари.

Я проверила список заказов из бесплатной диспетчерской. Ничего привлекательного. Зарабатывая я чуть побольше, купила бы абонемент в диспетчерской сеньоры Перес. Там всегда хорошие клиенты. Еще сеньора Перес бережет девушек-таксистов и старается подбирать для них вызовы к женщинам. Пожилым богатым женщинам.

Впрочем, вот есть заказ. Дама с сыном-подростком, место для клетки с котом и два багажных места. Из Центра в Лошину. Семьдесят пять километров в один конец. Вполне успеваю выехать за черту города до семи утра. Если клиентка не провозится с погрузкой. После семи утра я не имею права брать клиентов в городе. Если поймут, штраф уничтожит все мои сбережения на черный день. Конечно, мне не надо копить на старость, но при моем образе жизни черный день

может случаться раз в неделю, а я тут на самообеспечении. К тому же я терпеть не могу Лоцину, ее высокомерных женщин, ее напыщенных мужчин, ее жестоких детей. Не поеду. Пусть даму везет кто-нибудь менее чувствительный к унижению. А я – домой. Вряд ли будет другой заказ, который я успею выполнить до семи утра.

И я повернула на набережную Генерала Франца.

Очень люблю это место. Набережная Франца – не самая шикарная в Мехико. Здесь нет фонтанов и пятиметровых ажурных подставок, увитых тропическими цветами, как на набережной Святой королевы Изабеллы. Нет храмов и арок в римском стиле, как в сквере Памяти Идальго. Нет роскошных ресторанов, театра и сквера, как на площади Принца Фелипе. Здесь только бесконечная, во всю длину набережной, платановая аллея – граница городского парка – и красиво подстриженный газон. Зато именно отсюда лучший вид на мост Святого Доминика. Загляденье просто.

Начинало светать, поэтому загадочную группу людей я увидела издали. Машина у обочины, брошенная с нарушением правил парковки, и четверо мужчин у самого парапета. Машина дорогая, «Севилья», а мужчины – типичные завсегдатаи клубов для рабочих. Странно. Только один хорошо одет.

Через секунду я поняла, что это ограбление. Понятия не имею, зачем богатый парень остановился и вышел говорить с бандитами. Я сбросила скорость, перестроилась так, чтобы

подъехать вплотную, и левой рукой машинально коснулась бейсбольной биты, закрепленной сбоку от сиденья.

Драться мне не пришлось. Завидев мою машину, один бандит побежал к «Севилье», другой ударил богатого мужчину в лицо так, что тот обмяк, и вдвоем с третьим перекинул тело через парапет. Я ахнула – это же убийство! Но трое прыгнули в «Севилью» и тронулись с места аккуратно, когда мне осталось до них пятьдесят метров.

Конечно, я не погналась за ними. Я отправила сигнал SOS в полицию, вместе с фотографией «Севильи», и выскочила посмотреть, нельзя ли помочь мужчине в реке.

Тела я не увидела. Течение здесь было слабое, и глубина не очень большая. Вроде бы ему ничего тяжелого к ногам не привязывали... Я схватила буксировочный трос, пристегнула к машине и прыгнула в воду.

Тело нашла сразу, к счастью. Будь немного светлее, я бы увидела его с парапета. Но это не спасло бы человека – он упал лицом вниз. Я перевернула его, оттолкала к самой облицовке, где под водой, я знала, был небольшой выступ. Летом, когда наступала жара, на этих выступах вдоль всей реки загорали детишки из бедных семей, те, которым родители не могли купить билет на пляж. Я усадила мужчину на этот выступ, обмотала тросом – к счастью, длины хватило буквально впритык, – проверила, насколько крепко сидит. До ближайшей лестницы с набережной к воде было около ста метров, я проплыла их махом.

Наверху меня накрыло волной озноба – легкий ветерок прохватил до костей, а мокрая одежда и волосы добавили неприятных ощущений. Я плюхнулась в машину, стараясь не думать о том, что выспаться мне сегодня не суждено, и вообще день пропал, потому что придется сушить салон. Аккуратно стронулась с места, все время оглядываясь. Когда на уровне парапета показалось безвольное тело, остановилась.

Я сломала три ногтя, когда перетаскивала мужчину через парапет. Проклятье, где же полиция? Они должны были приехать уже давно! Надо бы, по идее, вызвать медиков, но эти явятся еще позже, а сейчас дорога каждая минута. Кажется, придется самой откачивать его.

Когда полиция все-таки приехала, мужчина уже кашлял. Совсем молодой, невольно отметила я. Довольно красивый. Ухоженный. Явно не военный. Он моргал, растерянно смотрел на меня темно-кариыми, практически черными глазами и ничего не понимал.

– Кто вы? – спросил он наконец.

– Долорес Кастро, – ответила я. – Таксистка. Я видела, как вас бросили в реку, и помогла выбраться.

Он мученически закрыл глаза. Хотел что-то сказать, но снова зашелся кашлем.

Полицейские оттеснили меня от него. Я не слышала, о чем они говорили. Потом занялись мной. Я сдала им копию записи со своего регистратора, и в принципе на этом их интерес ко мне иссяк. Понятно, что потом меня еще несколько раз

выдернут в полицию – давать устные показания, – но прямо сейчас мне разрешили убираться восвояси.

Мужчина тем временем поднялся на ноги. Полицейские убеждали его поехать в госпиталь, а он отказывался. До моего слуха донеслось: «...вызову такси, не так уж это и сложно». Конечно, удержаться я не могла:

– Сеньор, зачем вызывать, я уже здесь, и у меня есть еще целый час для работы. Если сеньор живет неподалеку, я с радостью отвезу его. К тому же это будет лучше, чем ждать другую машину. Сеньору лучше не стоять на ветру, можно простудиться.

Строго говоря, с моей стороны это было форменное хамство. Мужчины такого круга не ездят на дешевых такси. И даже предлагать им свои услуги не рекомендуется. Мы, таксисты на арендованных машинах, клиенты бесплатной диспетчерской, для них не лучше попрошаек или женщин легкого поведения. Такого человека, в случае беды, прекрасно довезет полиция. Но я видела, что его воротит от полицейских. Он брезговал ими.

Конечно, на меня зацыкали. Даже хотели объяснить, где мое место. Но мужчина прекратил разговоры одним властным жестом и пошел к машине:

– Хорошо. Ехать недалеко.

Я распахнула перед ним дверцу. Он застыл:

– Простите, у меня одежда мокрая.

Какой вежливый! И совершенно не заносчивый.

– Не беспокойтесь, сеньор, у меня тоже. Садитесь, я сейчас включу отопление, чтобы вы согрелись.

Он сел на заднее сиденье. И уставился мне в лицо так удивленно, так пристально, что стало не по себе. Может, он меня где-то видел? Не дай бог, конечно. При моей профессии подобные случайные встречи – однозначный провал.

– Что-нибудь не так, сеньор?

– Вы очень красивая девушка.

Я улыбнулась:

– Так вы готовы ехать?

– Ох, да, конечно.

Он так и пялился на меня, когда я вырулила на проезжую часть.

– Вы тоже... в мокрой одежде.

Он выговорил это с таким усилием, что я чуть не засмеялась. Вот что значит воспитанный мальчик! Ему неловко показывать, что девушка в недолжном виде, а он это заметил. К тому же мокрая ткань облепила мое тело, а мальчик, наверное, никогда не приставал к служанкам в своем доме. И бедная девушка для него – тоже человек.

Он попросил отвезти его в Родники – самый старый квартал Мехико. По легенде, там размещался лагерь первых колонистов, открывших чудесную планету, и посреди квартала до сих пор сохранялась плешка выжженной земли – якобы место посадки кораблей. Я точно знала, что три корабля первой экспедиции сели на низкое плато в ста пятидесяти кило-

метрах отсюда, в предгорьях, и лишь через десять лет перебрались сюда, на берег реки. А выжженная плешка осталась от бандитской войны, когда три группы колонистов делили право на столицу. Собственно, в анналах Эльдорадо та война значится как Первая Гражданская, но, мне кажется, много чести – называть Гражданской войнушку, в которой всех участников, считая нон-комбатантов, насчитывалось около двенадцати тысяч рыл, а суммарное число жертв убитыми и ранеными не дотягивало до пятидесяти человек. Ну и длилась она две недели, пока одна из трех сторон конфликта не раздобыла несколько ракет, посредством которых заставила противников капитулировать. Генерал Франц, на набережной имени которого я так люблю бывать, вообще-то исходно был американским сержантом мексиканского происхождения. Когда началось Рассеяние, он решил, что зря тратит время на службе, быстренько сбил банду, захватил корабль и подался на поиски лучшей жизни. Лучшую жизнь нашел в Эльдорадо. Победив конкурентов, стал первым мэром Мехико, тогда состоявшим из барачков и палаток, а его сообщники – родоначальниками большинства семей, поставивших хунте новых генералов и диктаторов. Иногда Франца называют первым диктатором, хотя диктаторство сложилось как институт спустя восемнадцать лет после его смерти. Умер Франц в возрасте тридцати девяти лет от глистной инвазии, которую здесь называют «нильской лихорадкой». Не оставил по себе ни потомства, ни доброй памяти. Собственно, поэто-

му в Золотом Мехико его имя дали скромной набережной – совсем не почтить нельзя, но и восхищения этот патологически жестокий человек не заслужил.

Что касается Родников, то здесь исходно селились самые влиятельные люди – возле ключей с чистой водой, не зараженной глистами. Сегодня Родники слыли истинно аристократическим кварталом, хотя из-за тесноты и «естественной» планировки жить здесь было неудобно.

Я это место знала лишь по карте, а заехала впервые. Остановились перед высокими воротами. Охранник в форме сержанта подошел, нагнулся к окну. Я знала, что он хочет сказать: мотай отсюда, пока колеса не отстрелили. Поэтому я сразу отклонилась так, чтобы было видно моего пассажира.

– Пропусти, – приказал ему пассажир.

Охранник переменялся в лице и побежал открывать.

– Мне подъехать к дому? – уточнила я.

– Да, пожалуйста. Я хотел бы поблагодарить вас.

– Ну что вы, сеньор! Это совершенно ни к чему.

– Нет-нет. У вас сиденья промокли, вы не сможете работать. Я скажу механику, чтобы привел машину в порядок. А вам нужна сухая одежда, иначе вы заболете. Я не могу допустить этого.

Дальше была суэта, беготня прислуги, моего пассажира с охами и причитаниями увели в дом. Я осталась. Через минуту к машине подошли лейтенант и сержант.

– Выходите, – приказал лейтенант, впрочем, довольно

мягким тоном. Ну привык человек командовать, что ж теперь. – Вас проводят в дом.

Машину забрали, а меня под бдительным оком сержанта пустили в холл. Сразу показали боковую дверь. Правильно, не вести ж меня по парадной лестнице, господа могут огорчиться.

В маленькой комнатушке сидел капитан с седым ежиком и рыбьими глазами профессионального охранника.

– Здравствуйте, – сказал он мне. Ишь ты, вежливый. Обычно допрос начинают без этих телячьих нежностей. – Ваше имя?

– Долорес Кастро.

Он посмотрел на меня с презрением:

– Это полное имя?

– Мария Долорес Лусия Кастро, – послушно ответила я.

– Род занятий?

Ну, все как обычно. Сейчас даст запрос в базу и успокоится. Не, ребята, это еще не допрос, это так, проверка для приличия.

– При каких обстоятельствах вы встретили сеньора Вальдеса?

– Кого-кого? Ох, простите, это был сеньор Вальдес?! Неужели... а я думала, он старше. Знаете, я всегда слушаю его выступления в машине, когда у меня нет клиента.

– Итак?

– Капитан, я не знала, кто это. Я увидела, что человек в

беде. Постаралась оказать помощь.

– Какая же беда?

Я детально рассказала о происшествии. Капитан сверлил меня бездушным взглядом.

– Как выглядели эти негодяи?

Я дала точное описание.

– Вы наблюдательны. И с хорошей памятью.

– Спасибо, капитан. – Я радулыбалась. – Я в школе была лучшей ученицей. И здесь я работаю всего два месяца, а у меня уже пять постоянных клиентов! Им нравится, что я узнаю их и запоминаю их привычки. Представляете, иногда они даже болтают со мной по дороге! Здесь такие радушные люди! Меня дома пугали, что в столице все думают только о себе, никакой душевности от людей не дождешься, но это совсем не так!

Капитан вытерпел мой восторженный фонтан, не перебивая.

– Расскажите о себе.

А я чего, мне скрывать нечего. Тем более что, как я заметила, капитан ни в чем меня уже не подозревал. Когда я рассказывала о покушении, он писал беседу на чип. А потом выключил запись.

Я-то вижу, когда ее выключают.

Но капитану совершенно ни к чему знать, сколько я вижу на самом деле.

И что я вижу.

А вижу я, что он хорошо вооружен и для него это привычно. И устраивать проверки незнакомым гостям, даже тем, кого велел пустить в дом хозяин, – ему тоже привычно.

Видимо, в доме хранятся документы. Потому что личная охрана строится не так.

Он снова выслушал меня. Вызвал сержанта и велел принести кофе. Разумеется, я с благодарностью приняла чашечку. Мне нечасто удастся пробовать такой дорогой кофе.

– Сейчас придет горничная и отведет вас в комнату, – сказал он и поднялся. – Можете задержаться на время, которое понадобится, чтобы вашу машину привели в порядок. По дому не шастать. Позовут – пойдете, без зова из комнаты не выходить.

– Да, капитан.

Он неожиданно позволил себе слабую улыбку:

– Генерал Вальдес намного старше. А вы видели его сына, молодого сеньора Энрике.

И вышел. Ровно через десять секунд явилась горничная – старая, сухая, чопорная. Без единого слова провела меня в комнату и лишь там открыла рот:

– Генерал Вальдес велел позаботиться о вас. Можете принять горячую ванну. Ванная комната вот за этой дверью. Сухая одежда там же. Я принесу завтрак. Можете потом поспать.

И вышла. Я огляделась. Похоже, комната для гостей, пусть и не высшего ранга – в комнате для слуг незачем устраи-

вать персональный санузел. Открыла балконные двери, полюбовалась садом. Высунула голову – балкон узковат, общий для нескольких комнат, практически не украшенный. Прислушалась: тихо. Ни единого голоса не доносится. Надо полагать, хозяйские покои в другом крыле.

Ванна так ванна. Тем более горячая и бесплатная. Конечно, я с удовольствием залезла в воду, основательно прогрелась. В качестве одежды мне выдали ношенные джинсы, рубашку и легкие эластичные тапочки, безразмерные, но удобные. Нижнего белья, конечно, не дали – да с какой бы стати в приличном доме для внезапных гостей держали запасные трусы? Скажите спасибо, что хоть одноразовые расческа с зубной щеткой были. Когда я вышла, на столе уже стоял поднос с едой. Горничная забрала мою мокрую и грязную одежду и оставила меня.

Да, я легла спать. Не могла же я просто уйти отсюда. Мне было интересно, как станут развиваться события.

* * *

События, надо отдать им должное, развивались весьма неспешно.

Я проспала около шести часов, проснулась сама, привела себя в порядок и от нечего делать выползла на балкон. Солнце жарило уже по-летнему, и я вдруг поймала себя на мысли: как здорово, что сейчас весна. Непохожая ни на аркан-

засскую, ни на мадридскую, она была светлой и полной юного куража. Пожалуй, она напоминала мне соннскую весну.

Бывают редкие минуты, когда нелегал может позволить себе эту роскошь – вспомнить, кто он и откуда на самом деле.

Сонно. Там сейчас конец зимы. После этой миссии у меня заканчивается контракт, и мы с Максом уже решили, что служить я больше не буду. По крайней мере, в четвертом округе. Конечно, если мне через несколько лет предложат место в штабе, особенно под началом генерала Маккинби, – это будет серьезный соблазн. Но пока что у нас были другие планы. Мне выделили стипендию в магистратуре, обалдеть можно! Конечно, Макс мог бы и оплатить мое дополнительное обучение, но он вообще не хотел, чтобы я связывала свою жизнь с армией. Его собственная мать тоже не имела степени магистра, и никто не считал ее недоучкой. Наоборот, все говорили: два-три года в армии – вполне достаточный срок для женщины из клана Берг. Можно и вовсе не служить, но Берги слыли воинственной династией, как и моя семья.

Собственно, я так и так хотела взять отпуск после окончания контракта. Я уже добилась в жизни очень многого, могу позволить себе небольшой тайм-аут. Но как раз в это время Макс сказал, что ему сделали очень интересное предложение. Он так долго юлил, ходил вокруг да около, что даже заставил меня поволноваться. А потом выпалил: «Нам нужно снова пожениться». Я рассмеялась, и тогда он рассказал.

Его рекомендовали на пост главы нашей миссии в Куаш-

наре. Даже не советник, не первый секретарь, а сразу простенько и со вкусом – Чрезвычайный и Полномочный Посол Федерации.

Новость была настолько оглушительной, что я несколько секунд не могла подобрать слов. Это именно то, в чем нуждался Макс. То самое место, на котором он мог раскрыться полностью. Его характер, наклонности, ум и образование – все-все, каждая черточка была бы востребована.

Дело за малым: получить дополнительное образование и жениться. Посол не может быть формально неженатым. И, конечно, моя роль – не только оттенять блистательного супруга. Резидент нашей разведки в Куашнаре – вот что меня ожидало. Да, для этого понадобится магистратура. И тут Макс сказал, что вопрос с моей стипендией тоже уже решен, и решен положительно. Мы оба снова поедem в Мадрид, и оба будем учиться. Потом нас ожидает год стажировки в министерстве иностранных дел и – вперед, в Куашнару. Служить Родине.

А еще у меня появились свои планы. Я чувствовала, что этой соннской весной наконец-то решусь. Учеба для моих планов чертовски удобна, и на будущей карьере такие планы скажутся только позитивно. Ведь если у посла будет полноценная семья – не только жена, но и ребенок, – это и для репутации хорошо, и для самого Макса. Он станет серьезнее и ответственнее. Мне казалось, что отцовство ему необходимо и он будет замечательным, веселым, заботливым и мудрым

папой.

Я попрошу Макса на две-три недели свозить меня на Сонно. На наше с ним горное озеро, где нет шумной родни и вообще никого нет. В малюсенький охотничий домик с единственной спальней. Там, в том самом домике на озере, я хотела бы зачать нашего ребенка. Может быть, даже не в спальне, а на большой шкуре у камина. Ой, нет, о чем это я, ни в коем случае. Только не с наследственностью Бергов! Точно ведь пират вырастет...

И я смотрела на эльдорадскую нежную весну с долей светлой грусти. Той особенной грусти, которую люди испытывают, когда освобождаются от своего прошлого, завершают некий этап на жизненном пути. Этап, который давно уже начал тяготить, но вот настал миг расставания – и людям от чего-то и радостно, и немного грустно. Радостно от того, что закончилось обременение, а грустно от того, что чувствуешь, как становишься старше. Я никогда больше не увижу эту весну. Даже через много-много лет, если мы с Максом по-прежнему будем возделывать дипломатическую ниву, мы не приедем сюда. Земля никогда не признает суверенитет Эльдорадо. Куашнара – другое дело. Она мала, безопасна и выгодна именно как мирная страна – в свете наших видов на Шанхай. Суверенитет Шанхая мы тоже признаем, как я догадывалась. Просто потому, что это единственное выполнимое решение. Но Эльдорадо мирные переговоры с нами не грозят.

Поэтому через неделю, а может быть, даже и завтра я по-

лучу приказ об эвакуации и навсегда отсюда улечу. К Максу, который, наверное, уже договорился о повторном венчании и ждет только меня...

– Сеньорита Долорес!

Под балконом стоял очень симпатичный молодой человек, лет тридцати, не больше. Шелковистые темные волосы блестели на солнце, черные глаза смеялись. У него был идеальный нос и округлый мягкий подбородок той благородной формы, которая с возрастом приобретает тяжеловесность без грубости. Красивые скулы, нежно-смуглая кожа. Он еще не приобрел подлинно мужскую статью и для латиноса казался юношей. В Эльдorado дети из хороших семей формируются поздно, очень поздно. Впрочем, крупноватая для его роста голова и короткая шея обещали, что статья – будет, и еще какая статья.

– Сеньор Вальдес, – улыbnулась я. – Как вы себя чувствуете?

– Как заново родился! Пожалуйста, зовите меня Энрике.

– Не могу, это неприлично. Девушке из моего сословия не подобает вести себя так вольно с настоящими господами.

– Бросьте, Долорес. Не возражаете, если я буду называть вас по имени? Долорес, я изучаю философию... Впрочем, это неважно. Важно, что вы спасли меня. Я верю, что между спасителем и спасенным должны возникать особенные отношения, которые выше сословных предрассудков.

Ну да, я уже верю, что ты будешь выше сословных пред-

рассудков. И гендерных тоже. И любых других.

– Вижу, вы сомневаетесь. Хотите кофе? Я как раз соби-
рался выпить кофе, но увидел вас и подумал: хорошо, если
бы вы составили мне компанию. Я смог бы поблагодарить
вас.

– Сеньор Энрике, – я решила, что такое обращение будет
идеальным компромиссом, – это невозможно. Что подумают
ваши родители, когда слуги скажут им, что вы пили кофе в
обществе таксистки? Это ведь ужасно!

В той же Куашнаре такая реплика сошла бы за сатириче-
скую, в Эльдорадо вовсе нет. Тем не менее мы рассмеялись
оба. В порядке избавления от предрассудков.

– Мои родители подумают, что я вас заставил! И вот сви-
детель, – он показал на садовника, работавшего неподалеку.

Садовник прислушивался к нашей беседе с очень хмурым
видом. Ну еще бы, его ж не заставляют пить кофе с госпожой.
А он, может, хотел бы! И даже спасти бы ее согласился ради
такого случая.

– Спускайтесь, – попросил Энрике. – Кофе сервирован в
беседке. А чтобы вы не чувствовали себя неловко, мы можем
говорить о чем-то, что вам интересно. О вашем детстве в де-
ревне. Вы ведь из деревни? Прошу, только не обижайтесь, но
ваше произношение выдает происхождение. Хотите погово-
рить об этом?

Какие обиды, это комплимент. Самый трудный из шести
диалектов испанского, которыми я владела. Я полтора года

его шлифовала и боялась, что так и не освою.

– Но, сеньор Энрике, у меня было самое обыкновенное детство.

– Вы ведь были счастливы? О чем-то мечтали, чему-то радовались, что-то вас огорчало, а что-то давало надежду?

– Конечно!

– Мне это очень-очень интересно! Я очень хочу понять, как живут люди из других сословий.

– Ну, если вам действительно очень интересно... – Я с сомнением оглядела балкон. Никаких лестниц тут не предусматривалось. До земли – метра четыре, с балюстрадой балкона все пять. Чепуховая высота для Деллы Берг, но Долорес Кастро вряд ли умеет прыгать из окон и с балконов. С другой стороны, почему нет? Невелика трудность для деревенской сорвиголовы.

Энрике понял, в чем проблема. О, похоже, мальчик сам когда-то сигал на улицу из окошка. Может, назло родителям, посадившим его под домашний арест, а может, из чисто подростковой тяги к романтическим поступкам.

– Подождите, – попросил он. Окликнул садовника. Через минуту тот подставил к балкону отличную раздвижную лесенку. – Не бойтесь. Это очень прочная лестница. Ею пользуются в саду для работы с высокими деревьями. Она выдерживает вес взрослого мужчины. Если вы вдруг оступитесь, я поймаю вас. Я очень сильный.

– Не беспокойтесь, сеньор Энрике. Я всего два месяца в

столице. А до этого в деревне случалось всякое. Когда на нашу крышу залез любимый кот соседки, застрял и начал вопить, мне пришлось взять такую лестницу, что лучше бы ее вовсе не было... В ней было гвоздей больше, чем дерева.

Я перелезла через перила, нащупала ногой первую ступеньку. С запозданием вспомнила, что нижнего белья на мне нет и при движении это, конечно, бросится в глаза молодому человеку – на то он и молодой человек. Мысленно усмехнулась: опять застесняется.

– Но почему кота пришлось снимать вам? Разве этого не могли сделать сыновья или внуки соседки? Или ваши братья?

– Наша соседка – старая дева, и кот был единственной ее отрадой. А моя мама умерла от гриппа, когда я была младенцем. Папа потом женился на славной женщине из городских. И уехал к ней, а я осталась с бабушкой и дедушкой.

– Вас сослали в деревню, чтобы вы не мозолили глаза маме?

– Нет, что вы! – Я спрыгнула наземь. Энрике, как и ожидалось, смущенно отвел взгляд. – Сеньора Валентина – очень добрая женщина. Она хотела удочерить меня, если Пресвятая Дева не подарит ей родных детишек. Бабушка каждый день молилась, чтобы детишки появились, иначе меня забрали бы, и бабушке с дедушкой стало бы совсем одиноко. И через полтора года сеньора Валентина родила сразу двоих! Но она все равно хотела забрать меня, чтобы у нее была дочка.

Папа сказал, лучше оставить меня с бабушкой и дедушкой, поэтому они с сеньорой Валентиной удочерили девочку-сиротку из приюта.

– Вот как? – изумился Энрике. – То есть ваш отец предпочел взять чужого ребенка? А вас бросить в деревне?

– Но, сеньор Энрике, ведь у меня была семья и был дом. К тому же папа, когда женился на сеньоре Валентине, оставил мне все мамино приданое, чтобы я могла учиться в хорошей школе. А у той девочки совсем ничего не было. Конечно же, папа поступил правильно, ведь сироткам тоже нужны родители и дом.

– Таких, как вы, называют «светлая душа», – вздохнул Энрике.

– Сеньора Валентина все равно меня не забыла. Она даже подарила мне свой старенький автомобиль.

– Станный выбор подарка для девочки – машина.

– Да что вы, сеньор Энрике, отличный подарок, ведь хороший водитель нигде не пропадет. А потом, я была ужасным сорванцом в детстве. Я даже в куклы не играла, совсем. Дедушка боялся, что такие привычки помешают мне найти хорошего мужа. А сеньора Валентина призналась, что тоже росла сорванцом, и ей ведь это не помешало выйти замуж и стать прекрасной женой...

Он все еще отворачивался, а щеки потемнели от непрощеного румянца.

– Пойдемте. – Он повернулся и пошел по широкой садо-

вой дорожке. – Беседка – там. Не волнуйтесь, в саду сейчас работает много слуг, ваша репутация не пострадает ни капельки. – И тут же постарался уйти от опасной темы, преувеличенно радостно сказав: – Я однажды спрыгнул с балкона. Меня посадили под домашний арест за то, что... словом, было одно происшествие в школе... неважно. А мне чрезвычайно важно было встретиться с моими друзьями. И тогда я взял и прыгнул. Ногу подвернул, но не показал, что мне больно, даже когда меня отчитывали за эту проделку. Мне было шестнадцать лет – уже не ребенок, чтобы не уметь терпеть боль.

– Вот поэтому, – сказала я с важным видом, – я и не стала прыгать с балкона. Хотя, конечно, тогда, в деревне, ну, когда спасала кота, я потом спрыгнула с крыши. Потому что кот испугался, стал вырываться и царапаться, и я подумала, что не совладаю с ним одной рукой, когда буду спускаться по лестнице. И просто спрыгнула. Сейчас подумала: что, если я спрыгну и подверну себе ногу? Ведь получится очень неудобно.

– Да, я не простил бы себе, если бы вы повредили ногу... – Тут он почему-то покраснел еще сильнее и быстро добавил: – Или руку. – И стал совсем пунцовым.

Понятно. На почве утреннего покушения, когда молодой человек в буквальном смысле заглянул в глаза смерти, у него проснулись витальные потребности. Теперь у него всякая мысль о ноге связывается с фантазиями о круглой женской

попе, а о руке – наверное, с грудью.

Он привел меня к большой беседке-ротонде с белыми колоннами, каменным полом и крышей-луковкой с флюгером. У стола застыл слуга в белом. Кофе был сервирован на двоих, из чего я сделала вывод, что Энрике вовсе не случайно оказался под моим окном.

– Утром мне показалось, что вы выше ростом. И крупнее, – сказал он, когда мы уселись и слуга церемонно наполнил наши чашечки. – Удивительно, как вы справились.

– Я очень сильная, – доверительным тоном сообщила я. Некультурно закатала рукав выше локтя, согнула руку и показала: – Видите, какие бицепсы?

Моя выходка принесла желанную разрядку: он рассмеялся. И правда, как-то странно вожделеть девушку, которая хвастается своими мышцами.

– Сколько вам лет, Долорес? – спросил он мягко.

– Скоро будет двадцать, – ответила я с готовностью.

– Вы выглядите моложе.

Чудесный комплимент. Особенно если учесть, что мне двадцать четыре и позади у меня шикарный жизненный опыт.

– И удивительно в наше время, что вы к двадцати годам, да еще и занимаясь такой работой, сохранили подобную чистоту и простоту взглядов.

– У меня отличная работа, сеньор Энрике! – Я позволила себе взъерошиться. – Она честная, и я сама себе хозяйка!

– Я не хотел задеть вас. Конечно, любая честная работа хороша. Но все-таки... Таксистам приходится сталкиваться с разными людьми. Не все из них добры и воспитанны. Многие не стесняются обслуживающего персонала, к которому относят и водителей. И особенно люди не стесняются таксистов, которых видят, может быть, в первый и в последний раз. А вы тем более работаете ночью. Должно быть, вам даже приходится развозить по домам пьяных мужчин.

Я легкомысленно пожала плечами:

– До сих пор не приходилось. Бывало, что везла людей навеселе. Но я всегда выбираю таких, чтоб были с женами.

– Разумно, – очень серьезно похвалил меня Энрике. – А почему вы работаете ночью?

– Ночная лицензия – самая дешевая. Когда я приехала в столицу, у меня были деньги. Мне казалось, что их много. Мечтала поступить в колледж. Но жилье в Золотом Мехико очень дорогое. Я не хотела снимать квартиру на паях с другими девушками. Откуда мне знать, как их воспитывали? Я не так наивна, чтобы думать, будто все одинокие девушки в столице блюдут себя. Да даже если блюдут – вдруг они любят сплетничать или слушать громкую музыку? Или у них миллион родственников в деревне, которые постоянно будут приезжать в гости? Поэтому я нашла отдельную квартирку. Да, она крохотная, меньше даже, чем мои комнаты в бабушкином доме. И на самой окраине. Зато я живу в ней одна. Дом прямо рядом со сквером, все соседи – люди при-

езжие, но приличные. Я нарочно искала строгую домовладелицу – такая точно проследит, чтобы ее жильцы были тихими и скромными. Правда, она еще и очень прижимистая, всегда ругается на расход воды или электричества. Сколько ни израсходуешь, она все равно ругается! – Я засмеялась. – Но это не беда. Зато вода в том районе очень дешевая. А мне все равно нужно экономить. Потом я арендовала машину, и получилось так, что оставшихся денег хватило только на ночную лицензию.

– У вас машина арендованная? Я бы не удивился, если бы вы ездили на машине вашей уважаемой мачехи! – Энрике засмеялся. – Выглядит она, мягко говоря, не новой.

– Ну что вы! Ей всего пять лет, а той было шестнадцать.

– Вы меня удивили. Даже не подозревал, что шестнадцатилетняя машина еще может ездить.

– По правде говоря, – призналась я, – я тоже видела только одну такую машину. Остальные отправлялись на переработку куда раньше.

Энрике поднял голову и уставился на что-то позади меня. Я обернулась. Ничего особенного, просто по дорожке от дома медленно и величаво двигался старик в ливрее. Потомственный дворецкий, надо полагать. А Энрике-то не слишком уверен, что за кофепитие с таксисткой ему не прилетит по шее, ишь как напрягся. Люди, которым нечего бояться, смотрят на слуг вопросительно, если те пришли без зова.

– Сеньор Энрике, сеньора Вальдес желает вас видеть, –

сообщил дворецкий.

О, похоже, это было худшее из возможных зол: слуги донесли матери, а не отцу. Энрике кивнул:

– Хорошо.

Дворецкий не сдвинулся с места.

– Что еще? – удивился Энрике с нескрываемым раздражением.

– Я провожу эту девушку в гостевую комнату.

У Энрике лопнуло терпение. Он вскочил и рявкнул:

– Эту девушку зовут сеньорита Кастро! И запомни, Педро: сеньорита спасла мне жизнь. Если я узнаю, что любой из слуг в доме обращается к ней неуважительно, – даже не надейся, что твои дети и внуки будут служить моей семье!

– Да, сеньор Энрике, – ответил дворецкий с едва заметным поклоном и совершенно равнодушно. – Я прослежу, чтобы вся прислуга в доме обращалась к сеньорите Кастро с должным почтением...

Он подвесил конец фразы так красноречиво, что любой бы догадался, какие слова он не произнес – «...в течение того короткого времени, какое мы будем вынуждены терпеть присутствие этой вульгарной особы». Энрике сжал губы, побледнел и очень тепло сказал мне:

– До свидания, сеньорита Кастро.

– До свидания, сеньор Энрике, – пролепетала я, косясь на дворецкого.

Энрике ушел. Дворецкий повернулся и бросил через пле-

чо:

– Следуйте за мной. – И добавил с небольшой паузой: – Сеньорита Кастро. Надеюсь, вы согласитесь вернуться в комнату через дверь. Хотя, если вам удобнее снова пройти через окно, я распоряжусь, чтобы вам подержали лестницу.

– Знаете что?! – вспыхнула я. – С какой стати вы дерете передо мной нос? Вы живете, как и я, на то, что зарабатываете сами! И ваши дети и внуки будут жить так же! Подумаешь, я спустилась с балкона по лестнице! Не на метле же вылетела! Я не солгала, не украла и не убила. А вы смотрите на меня так, словно я нарочно пачкала все серебряные ложки, которые вас заставляли чистить в детстве, когда вы ходили в помощниках младшего лакея!

Он промолчал. Но через несколько шагов неожиданно ответил:

– Вы знаете, чем должны заниматься младшие слуги в хорошем доме? Откуда?

– Моя бабушка служила богатой сеньоре, вот откуда. Она служила с детства, и так хорошо, что сеньора положила ей приданое к свадьбе. На это приданое дедушка с бабушкой купили дом. Да, в деревне, зато – свой, и не в долг, а сразу. Бабушка научила меня всему, что знала. Я даже могу вести дом. Не такой дворец, конечно, но, если я когда-нибудь выйду замуж за владельца молокозавода или архитектора, семье мужа не придется стыдиться меня.

– Только не в Мехико, – процедил дворецкий. – Здесь

любая свекровь будет считать вас деревенщиной. Несмотря на вашу бабушку, которая служила богатой сеньоре где-то в провинции. Не врите только, что вы не провинциалка, – произношение выдает.

– Мне нечего стесняться. В деревне тоже люди живут. А еще я коплю деньги на колледж. У меня будет образование, и я перестану быть деревенщиной.

Дворецкого так потрясло мое простодушие, что он даже головой покачал.

– Хорошо бы вам все удалось, сеньорита Кастро. – И на этот раз заминки перед обращением не было. – Но лучше вам выйти замуж за приезжего вроде вас самой. Тогда родня мужа не будет смотреть на вас свысока. И избегайте входить женой в дом, где есть потомственные слуги, – они вас заклюют, потому что будут считать выскочкой.

Я пригорюнилась, решив, что на сегодня достаточно уже сделала, чтобы расположить дворецкого к себе. Старые слуги – кошмар шпиона. Они хуже любого контрразведчика. Мне и так удалось очень много: со мной хотя бы разговаривали. И даже отеческий совет дали.

– Честно сказать, думаю, что вы совершенно правы, – протянула я уныло.

Мы уже вошли в дом, поэтому он не ответил – еще не хватало, чтобы младшие слуги видели, как он со мной болтает. Он провел меня до самой двери гостевой комнаты и сказал:

– Уже принесли вашу одежду. Переоденьтесь. Через де-

сять минут я буду ждать вас у Зеленой лестницы. Вас хочет видеть генерал Вальдес.

– Ох! – испугалась я.

На это он уже реагировать не стал.

* * *

Десять минут спустя я поднималась по широкой, однако явно не парадной лестнице, глядя в спину дворецкому. Лестница белая, но с тонкими зелеными перилами, – надо полагать, оттого ее и прозвали Зеленой. Судя по тому, как истерты ступени и практически не тронуты перила, – лестница для слуг. Здесь они поднимаются с подносами и всякой затребованной господами поклажей – вот перила и выглядят новенькими, ведь руками их касаются только во время уборки.

Похоже, этот особняк не только внешне, но и внутренне стандартной планировки. Лет сто назад в Мехико так строились нувориши, которым хотелось и просторно, и «традиционно». Традиционным считался трехэтажный квадратный дом с патио, кольцевыми коридорами и четким представлением о том, что где должно находиться.

На третьем этаже дворецкий повернул направо, в западное крыло. Ага, значит, все-таки здесь была перепланировка, ведь традиционно западное крыло отводилось полностью под нужды дорогих гостей. Личные апартаменты хозяев и их родни – в северной части дома, а восточная – для работы.

Там обычно кабинеты, утренние гостиные, обеденная зала, на первом этаже – кухня. Южное крыло, как самое неудобное для отдыха, отдавали прислуге. И правильно – что ей делать в комнатах в течение дня? Она должна вставать с рассветом и ложиться после заката. В это время в южных комнатах жить можно.

Отведенная мне комнатка была с «рабочей», восточной, стороны, которая порядочно затенялась разросшимся парком, поэтому даже утром там было хорошо. А если верить тому, что западное крыло отвели под нужды хозяев – гостей здесь принимали редко и ненадолго, желательно без ночевок. В общем, да, Вальдесы не славились особенным гостеприимством. Не то что основной то ли соратник, то ли конкурент генерала – доктор права Алехандро Луис Гарсиа де Арриньо. Тот – да-а... Его вечера гремели на весь Эльдorado, а уж как молодые выскочки рвались к доктору Арриньо на загородные приемы – словами не описать. Вот уж точно: душу были готовы продать за заветное приглашение, написанное от руки на глянцевой толстой бумаге, без всякого золотого тиснения, отправленное с курьером в подчеркнуто аскетичном конверте из целлюлозной бумаги. Лучше этого была только записка, тоже от руки, небрежным почерком иной раз с пропущенными в спешке слогами, кое-как свернутая, явно неровно оторванная от большого листа, – но данная пером, китайской тушью и на рисовой бумаге.

Доктор Арриньо, главный объект изучения нашей развед-

ки, был завзятый эстет и гедонист, но в чем-то – внезапно прост, как палка. Обе эти грани ничего не говорили о его личности. Он играл – и в гедонизм, и в простоту.

Мне всегда казалось, что разгадка Арриньо лежит где-то рядом с Вальдесом. Арриньо был ровесником дражайшей супруги генерала, матери Энрике, но притом как будто не подозревал о ее существовании. С генералом он общался много и охотно, но – никогда не приезжал к нему домой. Когда-то он единственный поддержал революционные инициативы генерала и тем самым развернул общественное мнение в его пользу; это не помешало ему в следующем году выступить оппонентом Вальдеса-старшего. Арриньо поддерживал и Энрике, часто приглашал его к себе, когда тот был студентом, потом как будто остыл, потом снова заинтересовался... Загадочный человек. Но я думала, что виной тому не переменчивость настроения Арриньо – хотя он мог позволить себе и такое, – а нечто скрытое от общественных глаз, что и определяло логику его будто бы капризов.

Что ж, сегодня у меня будет возможность взглянуть на проблему с другой, ранее недоступной нам стороны: я в доме генерала Вальдеса, и я, кто знает, увижу или даже угадаю тот элемент, который влияет на мнение Арриньо.

А может, и нет.

Дворецкий остановился перед высокой двустворчатой дверью – темное резное дерево, бронзовая фурнитура, – знаком велел мне обождать и вошел. Я успела разглядеть в

щель ковер, застекленные книжные стеллажи до потолка. О-о, библиотека. Ну точно дом перепланирован. Библиотеку обычно размещали в восточном крыле – рядом с рабочими кабинетами хозяев и классными комнатами детей. Надо сказать, в высшем свете Эльдорадо не одобряли полностью домашнее обучение, его считали допустимым лишь для детей с врожденными заболеваниями, мешавшими им встроиться в общество. Ну и, конечно, в фанатично религиозных семьях дома учили девочек.

Меня впустили внутрь. Я зашла и застыла. Деревенской девушке полагается быть либо совершенно равнодушной к книгам – она не понимает, зачем нужны книги, ведь куда лучше провести досуг, скажем, на вечеринке, в крайнем случае прослушать пьесу, – либо благоговейно восторженной. Ведь книги, настоящие бумажные книги – признак богатства и истинного благородства. За свою жизнь деревенская девушка видит бумажную книгу в лучшем случае издали – Библию в кафедральном соборе.

А стеллажи, кстати, пластиковые. Пластик легче в уходе, особенно при интенсивном пользовании, в нем не заводятся вредные для книг насекомые, он не рассыхается и не впитывает влагу. Похоже, библиотека здесь не ради статуса и показного богатства – с книгами постоянно и привычно работают. Краем глаза я ухватила большой письменный стол, на котором лежал экземпляр «Голоса» – бумажный, опять же, – и поверх него раскрытый том с закладкой.

Сам хозяин стоял у окна и курил. Высокий, сухой, практически тощий мужчина, откровенно старый, с редкими седыми волосами, зачесанными назад так, что открывался высокий лоб. Очень темная даже для эльдорадца кожа, серые мешки под черными глазами, щетка коротких усов над узкими губами, квадратный подбородок. Внешне – ну прямо кровавый диктатор, каким его представляет себе большинство землян. На деле – один из самых вменяемых и человеческих персонажей в эльдорадской хунте.

Ему было уже за сто. Родился в Тао, в богатой, но ничем не прославившейся семье. С десяти лет – закрытая военная школа в Мехико. С однокашниками контакты не складывались, он был не из их круга – сын торгаша, здесь это было практически несмываемым клеймом. Закончил блестяще, без труда поступил в университет. Получил чин лейтенанта и назначение на передовую. Хорошо показал себя, вернулся в столицу, чтобы окончить магистратуру. И неожиданно для всех – бац! – женился на единственной дочери тогдашнего диктатора. Брак считался возмутительно неравным, ну как же, девушка из блестящей семьи вышла за выскочку-деревенщину. То, что девушка была на тринадцать лет старше жениха, имела сомнительную репутацию и скверный характер, из-за чего и засиделась в девицах, при всех ее перспективах, – никого не волновало. Главное, что жених с точки зрения хунты был пустым местом.

Брак оказался прочным, но бесплодным. Женщина тя-

жело болела, Вальдес за ней трогательно ухаживал. Кстати, был фантастически верен ей. Тесть отблагодарил зятя быстрой карьерой – к тридцати тот был полковником и служил в контрразведке. Служил на совесть, как все, что он делал. Через несколько лет диктатор ушел в отставку, сохранив себе жизнь, а семье – влияние. Еще через пять лет он умер. Вальдес после его смерти не развелся с быстро стареющей и к тому же бесплодной женой – что, в общем, никого особенно не удивило, поскольку она при всех ее недостатках по-прежнему обеспечивала мужу доступ в высшее общество. Но Вальдес не спешил тащить в столицу друзей детства и провинциальную родню, как сделал бы на его месте любой нормальный выскочка. Не спешил и не спешил, все уже устали ждать. В конце концов надменная аристократия призадумалась: что же это за загадочный тип такой? Послышались голоса, что выскочка Вальдес, наверное, любит свою жену и его некрасивый брак случился по сердечной склонности, а не по расчету. В общем, его простили за непозволительную выходку и даже разглядели определенные личные достоинства.

В шестьдесят пять, будучи генералом, он овдовел. К тому моменту уже никто не вспоминал о начале его карьеры, к нему привыкли. Но тут он снова всех удивил. Вместо того чтобы быстренько жениться на молоденькой, обзавестись наследником и закрепить за семьей положение, которого он добился с таким трудом, Вальдес ушел в запой. Пил несколько лет, ударно, как пьет человек, потерявший смысл жизни. Как

ни странно, общество от него не отвернулось. Он вышел в отставку, но оставался желанным гостем в политических салонах. Наконец бросил пить, получил чин министра информации, через год правительство расформировали. Вальдес почти и не расстроился. И снова ошарашил приличное общество, практически тайно женившись на двадцатидвухлетней девушке, внучке сослуживца. Юная Пилар была ослепительно красивой, жутко переборчивой, с отличным приданым и к тому же принадлежала к еще более знатному роду, чем первая жена Вальдеса. Что она нашла в семидесятипятилетнем старике – загадка. Через семь месяцев родила недоношенного мальчишку, такого слабого, что врачи не позволили взять его домой. Но ребенок доказал свое право на жизнь и в дальнейшем не создавал родителям особых проблем.

После рождения сына Вальдес держался так, словно его устраивала судьба пенсионера. Ни во что не совался, посещал рауты, клуб, занимался спортом, сопровождал жену на балы – танцевал роскошно, и нотка старомодности добавляла ему шарма. Никто не знал, что параллельно он занимался самообразованием. И через пять лет вышел на политическую арену.

Казалось бы, ему там ничего не светит. Ну возраст же. Однако популярность он набрал почти мгновенно. Записи его лекций и выступлений разлетались со свистом. Он предложил реформу армии, медицины и образования. И если, допустим, проблемы комплектации и обучения личного состава

ва на космическом флоте народ волновали мало, то, к примеру, требование бесплатного начального школьного образования и трехступенчатая система медицинского страхования людям очень понравились. Но врагов он себе нажил другим – своей политикой в отношениях с Землей.

В принципе, он предлагал очень разумную вещь. Он сказал: в интересах будущего страны надо перевести конфликт с Федерацией в стадию вооруженного нейтралитета. Никаких налетов и вылазок в глубь вражеской территории. Никаких грабежей колоний за кордоном. Вместо этого – укрепленная граница... По меркам Эльдорадо это заявление прозвучало как предложение устроить революцию вместо освященного традицией дворцового переворота.

Наша разведка им интересовалась, и довольно плотно. Однако считала бесперспективным – в силу возраста. Понятно, что диктатором ему не стать никогда. Но вот его сын... Сын – это может быть интересно.

Я более-менее представляла, кто стоял за покушением на Энрике. И очень жаль, что не могла даже намекнуть генералу об этом. Двадцатилетней таксистке не полагалось такого знать. Строго говоря, я и так вышла за рамки своих инструкций, вытащив Энрике из воды. Обычного пьянчугу разведчик спасти еще может, хотя лучше бы не надо; генеральского сына – один шаг до засветки. Конечно, у меня было оправдание: на набережной Франца камер мало, но они есть. Из реки достанут труп, установят время смерти, потом сопоставят

данные с записями камер, – и тут же полиция ко мне пристанет с неприятными вопросами. Куда ехала, куда глядела, почему не сообщила... А так фактически сами Вальдесы будут вынуждены меня прикрыть от излишнего любопытства – просто чтобы информация о покушении не стала народным достоянием. Такие покушения, знаете ли, больно бьют по репутации генеральских сынков, метящих в крупные политики.

Поэтому я и дальше буду играть простодушную дурочку. Хотя... Есть, конечно, вероятность, что я отправлю на базу отчет о событиях, а мне в ответ скомандуют включаться в дело. Мало ли что меня забросили с другой миссией. Она давно выполнена. И та, которую навесили по ходу, – тоже. Я готовлюсь к выходу, жду отправки. Но отчего бы не нагрузить меня дополнительно, а, пока я еще здесь? Тем более что после возвращения я все равно поеду на учебу, вполне себе повод напоследок вычерпать меня в минус...

Но пока что я пялилась на стеллажи, а генерал наблюдал за мной. Дворецкий сделал едва заметное движение, чтобы привести девушку в чувство, генерал остановил его жестом. Я вздрогнула, словно только что опомнилась, смутилась, стала извиняться. Генерал кивком перебил меня, показал на один из двух стульев возле письменного стола. Я села на краешек. Он сел напротив.

– Педро, принеси нам кофе, пожалуйста, – произнес он мягко. – Сеньорита Кастро... Долорес? Вы курите?

– Ну... Иногда... Как все, в общем.

– Педро, и женские сигареты с пепельницей.

– Ой, – сказала я, – а разве тут можно? Ведь книги... Это для них вредно!

– Почему вы так думаете? Боитесь пожара?

– Н-нет. Не боюсь. Ведь книги далеко от стола. Просто в Музее Национальной Литературы курить нельзя вообще во всем здании. Только на улице. Я спросила, мне сказали, что от дыма бумага стареет.

– Бумага стареет от всего. Но особенно сильно – от света. Тем не менее люди до сих пор читают на свету.

Я засмеялась:

– Но разве можно читать в темноте?

Он улыбнулся.

– И как часто вы бываете в музеях?

– Редко, по правде говоря. Только в Музее Национальной Литературы.

– А там?

– Раз в неделю. У меня абонемент в библиотеку при музее. В нее можно попасть с улицы, а можно через музей. Я хожу через музей, потому что мне нравится, как пахнут книги. И еще потому, что около главного входа часто бывает место на бесплатной парковке!

Он засмеялся.

– Вы любите слушать книги?

– Да. И еще я хочу поступить в колледж, и мне нужно мно-

го знать. Поэтому я купила абонемент в библиотеку. Это намного дешевле, чем подписка в магазинах.

– Вы закончили школу или еще учитесь?

– Закончила. Полную.

– Прекрасно. И кем хотите стать?

– Не знаю еще. Дома я думала, что хочу быть учительницей. А когда приехала сюда, то поняла – архитектором. Но лучше бы мне, наверное, стать врачом. Это нужнее.

– Нужнее, Долорес, работать по призванию. Если у вас есть призвание архитектора, то лучше стать им.

– Так откуда мне знать, какое у меня призвание? Я еще ничему не училась, а разве до учебы поймешь?

– Ну не скажите. Может, вы в детстве строили домики для кукол?

Я сдавленно хихикнула:

– Я вообще не играла в куклы.

– Вот как? А как же вы развлекались? Дети должны играть.

– Я ходила на рыбалку с соседскими мальчиками. Пока бабушка мне не сказала, что я уже большая и мне нельзя ходить на речку только лишь с мальчиками, и тем более нельзя купаться вместе с ними. Еще я любила подстригать кустарники так, что они принимали разную форму. Однажды я выстригла дракона из любимой бабушкиной живой изгороди. Всем соседям понравилось!

– Вы умеете рисовать?

– Да, в школе научилась.

– Как вы оказались на набережной? Это малолюдное место, там нет клубов, ресторанов, стоянок такси.

Ага, началось.

– Я ехала домой. У меня оставалось полтора часа разрешенного времени, и я могла бы взять еще заказ. Но там надо было везти клиентку в Лощину, это очень далеко, а я уже устала. А других приличных заказов не было.

– Но вы живете совсем в другой стороне.

– Да. Мне нравится эта набережная, я просто люблю через нее ездить. Даже если приходится давать крюка. Конечно, если я везу клиента, то выбираю оптимальный путь – это ведь нечестно, везти длинным путем, когда есть короткий. Но когда одна и еду на рассвете – то всегда через набережную.

– И чем же она для вас привлекательна?

– Она красивая. А еще там есть место, с которого очень хорошо виден мост Святого Доминика. Это самый красивый мост, который я видела в жизни! И можно стоять у балюстрады, смотреть на воду – и на мост. Я отдыхаю душой, когда бываю там.

– Но там нет бесплатных парковок, а вы любитель поэкономить.

Какой внимательный старый черт, такого на мякине не проведешь. Он уже мне нравился с чисто профессиональной точки зрения.

– Да, – я позволила себе широкую улыбку, – зато там мало камер, и они стоят так, что целые участки не просматриваются. Еще там почти никогда не бывает полиции. Если осторожно, можно встать с нарушением, прямо у тротуара. И минут десять постоять. Никто не заметит.

– Ах вот оно что! И как же было сегодня? Вы приехали полюбоваться мостом на рассвете, встали, и тут рядом появились люди...

– Нет. Мое любимое место – почти в самом конце набережной. Я ехала и издали увидела «Севилью», припаркованную не только против всех правил, а еще и нагло. И четверых людей. И пока я ехала, то поняла, что трое из них грабят четвертого. Конечно, я решила спугнуть грабителей! Мне и в голову не приходило что-то другое.

– И вы вызвали полицию...

– Конечно! А потом вышла из машины, чтобы помочь человеку в воде. Мало ли что. Пока еще приедет полиция... а вдруг ему в воде станет плохо? Как оказалось, стало.

– Вы отлично плаваете. Научились в деревне, когда ходили на рыбалку с мальчиками?

– Не-ет, – я потрясла головой. – То есть я умела плавать, но так, по-деревенски. А по-настоящему научилась в школе. У нас был бассейн.

– Хорошая школа.

– Самая лучшая в пригороде!

– А вы – настоящий сорванец. Представляю, сколько раз

школьный капеллан наказывал вас.

– Он очень добрый человек, генерал Вальдес. Он никогда не наказывал детей за непослушание и шалости.

– Как же он справлялся? Например, с вами?

– Ну... Он сказал мне после уроков прийти в часовню. Я пришла. Удивилась, потому что пришло еще очень много детей. Неужели все такие хулиганы? – подумала я. Я тогда еще совсем недолго училась в той школе. А капеллан повел нас в большое здание рядом с часовней, там раньше был барак, но его отремонтировали. Оказалось, он там занимался с нашим школьным хором, а тем, кто петь не мог, рассказывал. Об истории Мексики, о Боге, об искусстве. Мне он сказал, что я, наверное, шалю от скуки, так вот мне занятие, и я должна заниматься каждый день в течение недели, а потом обсудить с ним. И включил мне фильм о живописи. Там были все-все древние шедевры! Сказать по правде, это он потом учил меня рисовать. Я стала ходить к нему каждый день, это и вправду было намного интереснее, чем гулять по улице или что-то еще. К тому же я подружилась с девочкой из хора...

– Поразительно умный человек. С таким подходом не удивлюсь, что вы очень набожна.

– Честно говоря, иногда я пропускаю мессу. Но молюсь каждый день!

– Куда вы ходите к мессе?

– В церковь Святого Людовика на Холме.

Пришел Педро и подал кофе с сигаретами. Очень вовре-

мя, потому что старик-генерал мне уже слегка разонравился с профессиональной точки зрения. Повосхищалась – и хватит. Теперь я скорее опасалась его. Настоящий контрразведчик. Надеюсь, ему не понадобится проверять мою легенду. Школа никуда не делась, и капеллана я описала как живого. Другое дело, что мой прототип, настоящая Долорес Кастро, вообще-то была очень тихой и смирной девушкой. К тому же болезненной. Она не шалила на уроках, к капеллану ходила за компанию с той самой подружкой из хора. И плавать, кстати, не умела.

Я пригубила кофе, закурила сигарету. Генерал отошел к стеллажам, отпер стеклянную дверцу и вынул громадный том. Как я определила – альбом по искусству. О господи, зачем это ему?

Он раскрыл том посередине, показал мне картину:
– Узнаете?

Ну, «Мону Лизу» не узнать невозможно. Ты решил устроить мне экзамен на знание живописи?! Генерал показал еще несколько картин, столь же известных и ярких. Я назвала. Потом сообразила, что всерьез меня экзаменовать не станут – нормальная деревенская девочка даже имени Леонардо да Винчи или Рафаэля никогда не слышала. Даже окончившая полную школу.

– У вас отличная зрительная память. Для сравнения: мой младший брат из всего мирового наследия узнал бы в лучшем случае «Мону Лизу». Хотя получил образование куда

лучше вашего. Но его никогда не интересовала живопись. Что ж, если у вас такая память... – Он принес толстую папку и положил ее передо мной. – Посмотрите. Кого-нибудь из них вы видели на набережной сегодня утром?

Я раскрыла папку. Все понятно. Внутри лежали большие глянцевые фотографии прекрасного качества. И почти сразу я нашла снимок одного из «грабителей».

– Вот. Этот был на набережной. Хотя здесь он одет намного лучше.

– Посмотрите еще.

Нет, в папке больше не было ни одного знакомого лица. Впрочем, если честно, кое-кого я опознала – одних по публикациям в прессе, других по нашим ориентировкам.

– И эти трое – они были без машины? Пешком?

– Ну, я не знаю, кому принадлежала та «Севилья»...

– Это машина моего сына.

– Тогда да, выходит, пешком. И вправду удивительно.

– Пока вы ехали, может быть, кого-то видели?

Я покачала головой:

– Нет, набережная была совсем пустой. Пустынней то есть. Ни души. Да в это время там никогда никого не бывает. Там днем много гуляющих.

– Это пешеходы. А машины?

– Тоже нет. Хотя... постойте. Правда, это было не совсем на набережной. Я съезжала с Аллеи, когда мимо проехала машина. Мне показалось, она шла с превышением скорости,

я еще подумала – напрасно. Улицы недавно помыли, а там опасный поворот... Черная «Монберра» этого года выпуска.

На морщинистом лице генерала появилось плохо скрытое удовлетворение.

– Но, наверное, она ни при чем, ведь не станет же владелец такой дорогой машины участвовать в уличном криминале! Хотя... ее тоже могли угнать. Но как? Я слышала, угнать ее почти невозможно...

– Я проверю, дитя мое, – генерал отечески похлопал меня по руке. Потом принес еще одну книгу и положил ее на стол. – Ты слышала о таком человеке – Габриэль Гарсия Маркес?

Я сдвинула брови, решив, что не буду обращать внимания на фамильярность генерала.

– Н-нет.

– Не удивлен. Об этой книге не рассказывают школьницам на уроках словесности. И капеллан о ней вряд ли упомянет. Маркес, девочка, – это легендарный писатель, воспевший наш мир и нашу особенную культуру. Его гений расцвел еще в те столетия, когда никто не помышлял о расселении по Галактике. Тебе обязательно нужно прочесть его книгу.

Я посмотрела на роман влюбленными глазами:

– Бумажная книга!

– Да. Возьми ее, прочти. И вот еще, – он дал мне визитку. – По пустякам не звони. Но если вдруг случится что-то серьезное... Это номер моего секретаря.

Я вышла из библиотеки, прижимая томик к груди и с таким лицом, словно мне было явление Богородицы. Дворецкий проводил меня вниз, к гаражу, около которого уже стояла идеально отмытая машина. Я села, огляделась – да, тачку отчистили и высушили на совесть. Тщательно упаковала книгу в ящик для перчаток – делая вид, что настоящее сокровище именно она, а вовсе не визитка генеральского секретаря, – и тронулась по узкой аллее к выезду.

Габриэль Гарсия Маркес, надо же. Естественно, «Сто лет одиночества». Ну не буду же я рассказывать, что учила по ней испанский. Кстати, в школе. И знаю ее практически наизусть. Да я вообще всех крупных латиноамериканских писателей хотя бы прослушала. Хотя бы самые значимые их произведения. А уж нобелевских лауреатов читать сам бог велел. Особенно будущим разведчикам.

Но бумажный экземпляр я держала в руках впервые. Дорогой подарок. Даже жаль, что я вряд ли смогу вывезти на родину столь ценный сувенир.

* * *

Дома я задержалась лишь на час – переодеться и составить шифровку. И помчалась в клуб на встречу со связной.

Камила Барроса была старше меня на три года, выше на полголовы и, несмотря на свою натуральную блондинистую гриву, родилась в Эльдorado. Еще она была убежден-

ной шлюхой, притом мужиков не ставила ни в грош. Из всех постоянных связных у нее был самый высокий рейтинг надежности.

Если бы кто спросил конкретно меня, я не стала бы ей доверять. Она надежна, лишь пока считает, что помогает контрабандистам делать их маленький бизнес. Стоит ей заподозрить, что она работает на земную разведку, – будет не просто худо, а очень худо. Но руководству Камила нравилась.

За пределами ее специфического патриотизма Камила была даже симпатичной. Иногда. Невзирая на вопиющее невежество, которым она гордилась. Она считала, что Господь создал ее совершенной самкой и надо пользоваться Его даром, пока не кончилась молодость. Очень любила деньги и на дух не выносила распутство, полагая, что, если Господь назначил тебе быть шлюхой, так будь ею, а коль вышла замуж – не смей даже глядеть на сторону. Камила Барроса не курила, прилюдно пила очень мало и копила деньги, рассчитывая заработать на домик в приличном месте. Разумеется, в таком, где ее никто не знал бы. Тогда бы она вышла замуж, родила парочку детишек и исполняла бы роль почтенной матроны до самой смерти с тем же усердием, с каким служила Венере.

Она уже сидела за нашим любимым столиком, когда я вошла. И первое, что она мне сказала:

- Долорес, нам надо искать другое место для встреч.
- В чем дело? – Я аккуратно передала ей шифровку.

- Местные красотки решили, что я отбиваю у них клиентов.
- Ты ж не работаешь в этом клубе.
- И что с того? Я выхожу – а мужики за мной.
- Ладно, по чашке кофе.
- Не хочу тут задерживаться.
- Если мы подождем еще пятнадцать минут, у меня начнется лицензионное время. Тогда я смогу подбросить тебя до работы. А местные мужики, чай, не догонят.
- Да ладно, все уже знают, где я работаю.
- Небось сама и сказала?
- А ты как думаешь?
- То есть претензии местных красоток справедливы.
- Красотки, скажешь тоже. Шлюхи самого низкого пошиба. К полуночи уже пьяные и невменяемые. Не понимаю, за что им платят. Что они могут предложить клиенту? Дохлаю тушку, которая слабо подергивает задними ногами? – Камилла фыркнула и все-таки нажала кнопку на настольном пульте, чтобы нам подали кофе. – Тобой интересовались.
- Кто?
- Местные.
- Тоже конкурентку углядели?
- Не-е. Тебя присмотрели в стаю, помяни мое слово.
- Интересно.
- Банду Весты знаешь?
- Только этого мне не хватало.

– Ну не скажи. Полезное знакомство для одинокой девушки вроде тебя. Веста за своих – горой. Тебе больше не придется возить пьяных.

– Зато мне придется возить трезвых наркочилеров.

– Скорей их жен. Тоже более-менее трезвых.

Я засмеялась.

– Камила, я, наверное, скоро уеду.

– Куда? – искренне удивилась она.

Камила волей-неволей ко мне привязалась. Да, она всего лишь принимала шифровки и передавала их человеку, который приходил к ней под видом клиента. Платили хорошо, а остальное ее не беспокоило. Кто я и откуда? Ну, я могла быть любовницей женатого мужчины, или, например, сектанткой, или вообще офицером эльдорадской контрразведки, но скорее всего – контрабандисткой, как и те наши, с кем Камила контактировала до меня. Лишь бы не иностранной шпионкой.

– В колледж, учиться. Жду приглашения.

– Ух ты, – уважительно сказала Камила. – Колледж – это здорово. Будешь образованная и выйдешь замуж за мальчика из хорошей семьи. Только сначала пришли его ко мне. Я обучу его, как обращаться с женским телом. Для тебя скидку сделаю. А то тебе и так по гроб жизни хватит его маменьки, вечно всем недовольной, еще не хватало, чтоб муж не знал, в какую дырку чего суют и что там сунутым делают.

Нам принесли кофе. Мягко говоря, не чета генеральско-

му. Хотя и дешевле. Впрочем, генеральский мне достался вовсе забесплатно.

– И еще один совет, – продолжала Камила. – На кофе не налегай. От него цвет лица портится. Ты глушишь его так, будто в твоей деревне его строго после воскресной мессы давали попробовать. Если ты нацелилась на хорошую жизнь, береги мордашку. Она тебе пригодится куда сильнее, чем диплом из колледжа.

Я смотрела поверх ее головы. За спиной Камилы две девушки, профессия которых была написана не то что на лбу, а на всем излишне обнаженном теле, целеустремленно двигались к нашему столику. Они плыли сквозь табачный дым и подвыпившую толпу с неотвратимостью акул, почуявших свежую кровь. Стеклянными глазами они уставились в затылок Камилы так, словно в мире ничего, кроме ее белобрысой головы, не существовало. Они не обращали внимания на мужские руки, норовившие хлопнуть их по заду или схватить за талию и увлечь за свой столик. Сейчас их не волновал заработок. Сейчас они кое-кому отомстят за свою неудавшуюся жизнь. Неважно, что Камила никакого отношения к их судьбе не имеет. Важно, что она уже здесь и на ней так легко сорвать зло.

– Кажется, мордашку придется беречь тебе. И прямо сейчас.

Камила оглянулась, переменилась в лице. Встать, а тем более убежать она явно не успевала. В мои планы кабацкая дра-

ка не входила совсем, но деваться было некуда: не могу же я допустить, чтобы мой связной оказался на больничной койке. До койки, возможно, и не дойдет, но Камила пару недель проведет дома, залечивая синяки на физиономии и прочих важных для ее работы местах тела.

Я быстро просчитала обстановку. Эти две – первые ласточки, еще пятеро их товарок кучковались у стойки. Никаких сомнений, что, буде задиры не справятся, они вмешаются. Причем все сразу, толпой. Посетители еще не заметили, что грядет нешуточное развлечение. Большинство мужчин будут сочувствовать Камиле, хотя бы потому, что она заметно привлекательней нападающих. Женщины – наоборот. Пожалуй, кроме тех двух, которые за угловым столиком цедили вино и открыто наблюдали за нами. А вот на них, похоже, можно рассчитывать. Но не сразу. Они подождут развития событий.

А события уже развивались вовсю.

Ближайшая из шлюх, с крашенными в рыжие перья завитыми волосами, вцепилась в холеные кудри Камилы. Та как раз поднималась со стула, находясь в крайне неустойчивом положении, и хватило легкого рывка, чтобы она покатилась на пол. Посетители встrepенулись, превратившись в зрителей. Все головы повернулись к нам, послышался одобрительный возглас. Сейчас они еще и ставки начнут делать на победительницу.

– Эй! – возмутилась я.

Товарка рыжей, костлявая брюнетка со стрижкой под мальчика, окинула меня презрительным взглядом, сочтя, видимо, слишком сублильной и потому неопасной. Камила в этот момент громко охнула, получив смачный пинок по ребрам. Я вскочила, стриженная толкнула меня назад. Я отступила на пару шагов, якобы для того, чтобы устоять на ногах. Потом метнулась к Камиле и очень удачно поймала вместо нее очередной пинок. Выпрямилась, уставилась на рыжую:

– Ты совсем сдурела?!

Естественно, меня послали – не за тем девушки шли, чтобы слушать увещевания и извиняться перед случайными жертвами. От следующего тычка я уклонилась и ответила хуком слева. Рыжая опрокинулась, села на задницу, стриженная ухватила со стола чью-то бутылку и кинулась ко мне. Ну, это чепуха – стриженная отправилась под соседний стол вместе с бутылкой. Кто-то завопил радостно – зрелище же! – а ко мне гурьбой пошли те пять шлюх от стойки. Камила пискнула негодуяще, вскочила наконец.

– Долорес, их пятеро!

– Во-первых, наплевать, во-вторых, семеро, а в-третьих, бежать поздно – нам не здесь, так на парковке навалиют.

Могла бы я добавить, что больше трех будут мешать друг дружке, это правило известно всем полицейским, но промолчала. Я же всего два месяца как из деревни, верно?

Как я и ожидала, драки не получилось. Я уклонилась от всего, что летело мне в физиономию, отоварила кого-то сту-

лом, не позволила ударить Камилу, которая храбрилась за моей спиной. А потом вмешались те две женщины с углового столика.

Они привели с собой пару пожилых и скучных мужиков-вышибал и встали между нами и злыми шлюхами.

– Они первые начали, – сказала одна, показав на местных жриц любви. – Мы видели.

– Да, мы видели, – подтвердила другая. – Эти девушки пили кофе и ни к кому не приставали. На них напали.

Жрицы любви объяснили, что Камила отбивает у них клиентов, а я небось ее ученица. Они загомонили все разом – и так же разом замолчали. Я посмотрела влево. Там между столиков шла женщина лет тридцати, невысокая, худенькая, с аккуратно убранными в пучок волосами, необычно высоколобая, в оливковых брюках-карго и мужской джинсовой жилетке, надетой на клетчатую рубашку.

Вот и Веста пожаловала.

Веста нашу разведку интересовала очень даже сильно. Она сколотила небольшую, человек пятнадцать, но очень крепкую банду, преимущественно из молодых таксисток. Возила верхушку местного криминалитета, а при случае – и контрабанду. Похоже, иногда выполняла для своих клиентов и роль «наружки». Но на сотрудничество с нами не шла ни в какую. А жаль.

Увидев ее, шлюхи резко погрустнели. Веста подошла, тихо поговорила с нашими заступницами, потом сказала вы-

шибалам:

– Я знаю этих девушек. Одна – таксистка, она арендует машину у Баша и ничем, кроме извоза, не зарабатывает. Вторая – зарегистрированная, но работает в другом месте. Здешней клиентуре она не по карману.

Зал оживился, по-новому взглянув на Камилу. Судя по выражению лиц, кое-кто всерьез начал прикидывать, сколько у него денег и правда ли эта роскошная блондинка ему не по карману?

– Они пришли выпить кофе, – продолжала Веста. – Мы часто видим их здесь, и они всегда пьют кофе. Разве двум женщинам нельзя спокойно выпить по чашечке? Какая разница, кем они работают, если сюда они приходят отдохнуть?

Наши противницы наградили Весту яростными, ненавидящими взглядами – на что та не обратила внимания – и молча покинули поле боя. А Веста сделала нам с Камилой приглашающий жест и направилась к угловому столику. По пути к ней притерлась официантка.

– Нам как обычно, – бросила ей Веста. – Но за их счет, – она едва заметно кивнула в сторону стойки.

Возражений не последовало.

Мы уселись, нам подали сырную тарелку и по бокалу отличного красного вина. Я прикинула дозу – в алкогольный кодекс укладываюсь. Впрочем, Веста сама таксистка, знает.

– На твоём месте, – сказала Веста Камиле, – я бы не требовала с владельца этого клуба полуторную ставку.

– Он это заслужил, – парировала Камила.

О, какие восхитительные, пикантные подробности!

– Если ты и дальше хочешь пить паршивый кофе, разбавленное вино и есть пережаренные продукты, которые готовились на десять раз перекипяченном фритюре, – тогда конечно.

– Это интригует, – сказала Камила.

Веста кивнула, принимая ее капитуляцию. Посмотрела мне в глаза. И тут я увидела в ней то, чего не было в рапортах. Я поняла, почему она ловко уходила от всех наших попыток навязать ей сотрудничество.

Она слишком хорошо знала, что это такое. Хотя ненависти или отвращения я не заметила. Нет, она просто боялась.

Спросит, где я набила руку в кабацких драках, или нет?

– Долорес Кастро, – произнесла она. – У меня есть предложение для тебя.

– Мне уже намекнули.

– А я скажу прямо. Одна из моих девочек вышла замуж. Мы все рады за нее. Он отличный парень, есть свой дом и водятся деньжата. Но мне нужна девочка на ее место. Я навела о тебе справки. Ты молодая и приезжая, но ты честная. Ты не возишь пьяных клиентов по всему городу, ты присматриваешь за ними, чтоб они не влипли в неприятности. И ты хорошо водишь. Неожиданно хорошо для девочки из деревни.

Ага, проговорились.

– Если б ты видела наши дороги, то не удивлялась бы.

– Да, я так и подумала. Это хорошо, что ты умеешь водить.

Всех своих девочек я отправляла на курсы экстремального вождения. Тебе это не понадобится.

– Когда осенью случился гололед, я везла по серпантину мамашу с тремя младенцами. И они даже не проснулись! Это не здесь было, здесь я недавно.

Она не ответила. И правильно: эта фраза не на ответ была рассчитана, а на впечатление. Битая жизнью девчонка не станет так примитивно хвастаться.

После паузы в тридцать секунд я вздохнула:

– Веста, у меня уже есть два нарушения. Я не хочу ни во что вписываться, потому что еще одно – и прощай, лицензия.

– Понимаю, – хладнокровно ответила она. – Я не поручаю новичкам того, что может быть интересно полиции. Но я требую очень высокого качества работы. Смотри, какой расклад. В понедельник с утра отвезти детей сеньоры Барки в школу, потом заехать на рынок и купить для сеньоры свежую рыбу, после полудня катать сеньору, куда скажет – она иногда ездит в клуб и к психотерапевту, ну и по магазинам, это святое. В пятницу забрать детей из школы. В воскресенье доставить матушку сеньоры в церковь. И все это – имея в виду, что есть очень много людей, которые хотели бы похитить детей, убить старушку или предъявить кое-что сеньоре. Сеньора чудовищно разговорчива, рот не закрывается. Старушка набожна и на дух не выносит атеистов. Дети – двое

мальчишек, тринадцати и одиннадцати лет, и девочка десяти лет. Как все дети, они уважают тех взрослых, которые в теме их интересов. Их возила Кора. Она со всеми ладила. Кора вышла замуж и оставила работу. Сеньора Барка очень любила Кору и даже пришла к ней на свадьбу. Но теперь сеньору некому возить. Я предложила ей найти личного водителя – она не хочет. Никогда в ее доме не было машин, и не будет, так она решила. Ей нужна проверенная таксистка. И таких ей могу рекомендовать только я. Клиенток, подобных сеньоре Барке, у меня хватает.

– У меня нет дневной лицензии.

– Придется раскошелиться. Оно того стоит. Если проблема, могу дать займы.

– Я еще не согласилась работать на тебя.

Веста медленно и опасно улыбнулась:

– Знаешь, чем я отличаюсь от многих-прочих?

– У тебя хорошая репутация, – нейтрально ответила я.

Она мягко засмеялась:

– Я могу назвать тебе десяток людей с безупречной деловой репутацией. Но таких, как я, больше нет. – Помолчала. – Я не беру процент со своих девочек. Мне ты будешь должна ровно столько, сколько берешь займы. Я даже проценты не начисляю.

– Такая богатая?

– Такая умная. Поэтому и богатая.

– И чем я так интересна для тебя?

– Тем, что ты не воровка.

Я сделала удивленное лицо.

– Сотни девочек из провинции едут в Мехико каждый месяц. Они мечтают найти богатого мужа, хорошо устроиться в жизни. И на пути к своей цели не считаются ни с чем. Обищают клиентов и уводят мужей. Соблазняют сыновей и не гнушаются нелегальной проституцией. И лишь одна из тысячи девчонок пригодна к бизнесу. Но из того малого числа, кто пригоден, очень мало тех, кто еще и умеет работать. И таких девчонок быстро подгребают под себя местные воротилы. Ты думай. Предложения лучше, чем мое, ты не получишь. Я знаю, что тебе предложат другие.

– Твое предложение слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Поэтому девочки от меня уходят только замуж.

Я недоверчиво усмехнулась:

– Не верю. Не может быть, чтоб было так хорошо. Да, я выросла в деревне. Но это не значит, что я верю в сказки. Так не бывает, чтобы за хорошую работу надо было только работать. И ни тебе участия в «клубных делах»...

– Этого я не говорила.

– Ага.

– Обычно я не беру новеньких на такие мероприятия. Но если хочешь сразу влиться в команду...

– Что нужно?

– У меня тоже есть конкурентка, как и у твоей приятель-

ницы. И у нее тоже есть претензии. На мой взгляд, бестолковые. Это рынок, детка, кто делает лучшее предложение, тот и загребает всю прибыль. Хочешь обскакать меня? Не вопрос. Предложи клиентам услуги лучше моих, а не требуй, чтоб я убралась из района.

– Разумно. И где, когда?

– Значит, готова поучаствовать?

– Если там не будет дур, которые вызывают полицию, схлопотав пару оплеух.

– Полиция исключается. Проблемы не нужны никому.

– Тогда... – Я выразительно оглянулась на стойку бара. Там оставались уже только три девицы, и те были мрачные. – Долг платежом красен.

– Подъезжай завтра. Сюда. К шести вечера.

...Этой ночью я не работала. Я вынослива и тренирована, но нормальная девушка после таких передрыг хочет как минимум отоспаться. Не стоит показывать всем, что для меня это – не передрыги, а так, рабочие моменты.

Веста. Веста все-таки будет наша.

И пожалуй, это будет поважней знакомства с семейством Вальдесов.

* * *

Я вела машину предельно нежно, но при каждом маневре Веста вздрагивала и шипела сквозь зубы. Она сильно по-

бледнела, виски намокли от пота. Бледность ее объяснялась болью, а не кровопотерей. Рана выглядела, конечно, страшно, особенно на взгляд человека, который с хирургией дела не имел. В действительности прямой угрозы для жизни нет. Раз Веста до сих пор в сознании – ничего важного не задето.

Банальная потасовка между конкурирующими бандами оказалась лишь прикрытием. Вызывали нас на разборку, а оказалось – собрались немного поубивать. И повод был. Охотно верю, что новенькие или не слишком смелые девочки в команде Весты возили лишь жен да детей тeneвых воротил. А те, кто старше, опытней, поотмороженней, – те делали всякое. Иногда за это приходится расплачиваться. Собственно, мы все поняли, явившись на место. Я увидела лица, а Веста... Веста тоже увидела лица. Я безошибочно распознала мимику, а Веста просто узнала человека, у которого год назад угнала машину с грузом антиквариата. Подозреваю, дело было отнюдь не в антике, а в его начинке, но таких подробностей Веста не знала.

Мы ушли без потерь. Если не считать пары царапин и кучи ушибов у девчонок, ну и пули, которую схлопотала Веста. Не оттолкни я ее – было бы хуже. А если бы я вообще не поехала – положили бы всех. Ну да, две банды не поделили клиентуру, одна сторона явилась обколотая до стекла в глазах, у вожачки был пистолет, у остальных ножи. Банда тупо перебила противниц. Вошла в раж и перебила. Под горячую руку положила и собственную лидершу. Так получилось, да.

А поскольку никто, кроме нее, не знал, чем же Веста так выверила конкуренток и что это за стремный мужик с ними приехал, – заказчик в безопасности.

Не вышло.

И конкурентки живы, и мужика того Веста узнала, и мы ушли от «справедливого возмездия». Дальше Веста разберется сама. Не для личного же пользования она угоняла ту машину с антиком.

А я везла Весту к врачу. В госпиталь нельзя: рана криминальная, полиция заинтересуется, а ответить на неудобные вопросы Весте нечего. Хорошо, что у нее был знакомый хирург. Я не спрашивала, насколько она доверяет мне. Просто дотащила ее до своей машины, наскоро перевязала и поставила перед фактом, что повезу ее к врачу. Весте ничего не оставалось, кроме как назвать адрес.

Это самодеятельность. Может быть, преступная. Я должна быть неприметной таксисткой, а не звездой мелкого столичного криминала. Я уже засветилась в истории с Энрике Вальдесом. Теперь – Веста. Мне никто не поручал вербовать ее. Собственно, даже о том, что она интересна для нас, я узнала по личным каналам. Но, черт подери, мне хотелось под занавес своей карьеры сделать хоть что-нибудь действительно полезное.

Год назад я пришла в четвертый округ, потому что хотела работать в Эльдorado. Первый год после университета я служила в полевой разведке под началом генерала Лайона

Маккинби. Прекрасный командующий. Легенда нашей армии. На него молились и солдаты, и офицеры. Даже мой титулованный по самое не могу супруг преклонялся перед ним. Лайон Маккинби был из аристократической семьи, но сам не имел ни титула, ни богатства. Бедный, но талантливый родственник, которому семья оплатила образование и обеспечила карьерный старт. Он оправдал все надежды, прибавив к семейным капиталам свою безупречную репутацию и славу лучшего командующего федеральным округом. Мой муж – звездный принц, князь, богатый человек – в присутствии Лайона замолкал и считал за честь служить под его началом.

У меня было все, о чем только мечтает выпускник Военного университета. Отличные коллеги, компетентное руководство. Мои навыки и знания использовались наилучшим образом, мои заслуги вознаграждались ровно так, как полагалось по закону и справедливости (включая персональные выволочки почти до слез за закрытыми дверями – за то, что подвергала себя ненужному риску). Меня ценили, уважали, берегли. И как ценный ресурс, и как человека, и как офицера, в обучение которого государство вложило немалые деньги. И карьеру я сделала бы хорошую – причем я точно знала, что от меня для этой карьеры требуется одно: честно служить.

Но я с детства мечтала о специальной разведке – и в Эль-дорадо. Потому что круче только Шанхай, но я туда не го- жусь по внешним данным, и вообще там наши долго не жи-

вут. А Лайону Маккинби нужны были тактические разведчики. Вся спецразведка в Эльдorado управлялась через четвертый округ. И когда у меня закончился первый годичный контракт, я перешла в четвертый.

Да, я попала в Эльдorado, как мечтала. Но уже через месяц поняла, что совершила ошибку. Мне поручили одну только миссию, требовавшую квалификации выпускника Военного университета – самую первую. Я выложилась на полную катушку, но когда вернулась на базу, получила разнос, еще и в присутствии не то что младших офицеров, а даже рядовых. Меня упрекнули, что я, дескать, выпендриваюсь, думаю не о Родине, а о том, как бы себя показать. Оказалось, меня страховали, и то, что я не совершила ни единой, даже малюсенькой ошибки, мне поставили едва ли не в вину.

Сначала я подумала, что меня неправильно поняли. Генерал Маккинби тоже устраивал выволочки за излишний риск, которого, на мой взгляд, не было. Ну, не знают в четвертом округе, как основательно учат в Военном университете, вот и беспокоятся за меня же. Но быстро поняла, как жестоко я ошибалась. Со следующими миссиями справился бы солдат разведбата, и даже не контрактник. Поди туда, оставь это вон под тем столбом, вернись и доложи, что тебя никто не видел. Да зачем солдат – можно было использовать местную агентуру. Я умею практически все, а меня гоняют, как расходный материал. Конечно, я представила свои соображения начштаба. Мне ответили, чтоб я не лезла к старшим по зва-

нию с ценными указаниями.

Если что меня и удивляло в четвертом округе – при абсолютно безобразном командовании результаты все-таки были. Когда я только пришла, мне по секрету шепнули, что в четвертом – самая высокая смертность среди личного состава разведслужбы. Позже я узнала, что и процент перебежчиков самый высокий. От нас валили в Мехико самым беспардонным образом. Этого я вообще не понимала. Дело даже не в лояльности к государству, не в присяге и личном кодексе чести. Я просто не могла взять в толк, как умный человек решается на такой шаг. Ну, елки-палки, контракты у всех годовичные. Не нравится тебе отношение командования – действительно из рук вон плохое, – неужели трудно перетерпеть год и уйти в другое место? Ну как можно променять Федерацию на Эльдорадо?

Признаки усталости я заметила уже через три месяца. Меня гоняли в хвост и в гриву, да, но – как физическую единицу, курьера, а не офицера с блестящей подготовкой. В порядке вещей было, выехав на одну миссию, уже на месте получить дополнительную, с самыми поверхностными инструкциями. Так нельзя делать, ни в коем случае нельзя, это почти стопроцентная вероятность провала.

А потом я разговорила нашего замначштаба. Хороший человек, только усталый и потерявший надежду. Он и сказал мне, что, если я провалюсь, никто особо не расстроится. Все равно я не знаю ничего, что было бы опасно для нашей ра-

боты. Для настоящей работы. В Эльдorado орудовала крупная, мощная агентурная сеть, замкнутая на очень серьезных разведчиков, в Мехико сидело как минимум двое настоящих асов. Но меня к этой сети и близко не подпустят. Там заняты люди, которым командующий доверяет. А я в его представлении – левая. И основная ценность моих миссий не в том, что я выполняю задачу. Мои результаты – мелочь. Главное мое назначение – торчать в Эльдorado, когда операции проводит настоящая сеть. Чтобы, в случае чего, сдать пешку ради спасения ферзя. Вот такой пешкой я и работала. Этим и объяснялись нелепые дополнительные миссии – либо основная операция затягивалась, и меня удерживали в стране до ее завершения, придумывая какое-нибудь занятие для виду, либо я выполняла работу, на которой нельзя светить ценного человека. Обидно ведь потерять крупного диверсанта на ерундовой передаче документов.

Никаких иллюзий после того разговора у меня не осталось. Да, я сказала себе, что это тоже миссия. В конце концов, основную сеть действительно надо беречь. Да, обидно, что меня оценили так низко. Но я офицер, а не бывшая любовница командующего, которую променяли на перспективную невесту.

Через полгода я завалила психологический тест. Это я-то, с моей устойчивой нервной системой?! Начштаба, прочитав рапорт, буркнул: «Какие все нежные... Какого хрена ты в разведку поперлась? Здесь армия, а не курорт для чувстви-

тельных девиц», – и дал трое суток увольнительной на отдых. Но через сутки меня вызвали на базу и приказали готовиться к срочной заброске.

Два месяца назад Макс узнал, что его прочат на место нашего посла в Куашнаре. Пошел к командующему, объяснил ситуацию. Энстон безглаголиво пообещал не использовать меня во внешних операциях. Посижу в штабе, на «бумажках». Моя совесть была абсолютно чиста: в контракте значилось от трех до пяти миссий, а по факту я отработала куда больше. Елки-палки, я только за кордон ходила пятнадцать раз. Контракт выполнен.

Максу потребовалось уехать на месяц. И ровно через сутки после его отъезда я получила очередной приказ. Разумеется, я не стала закатывать истерик в духе «вы же обещали». Я офицер. Я прошла подстройку и четко по графику пересекла границу. Утешала себя мыслями, что это вместе с дорогой всего на две недели, успею вернуться еще до того, как прилетит Макс. Утешала – и знала, что сама себе лгу. Уже случались ненормированные выезды, когда задание выполнено точно в срок, а приказа на выход нет и нет. Никаких гарантий, что в этот раз обойдется. Может, конечно, Энстон устыдится и постесняется так наплевательски относиться к просьбе собрата-принца. Но что-то я в этом сомневалась. У Энстона никаких братьев не было, он считал себя пупом земли и венцом творения. И точно. За сутки до плановой эвакуации я получила очередное задание «вдогон». А эваку-

ацию отменили.

Разумеется, я здорово рассердилась. Я ведь знала, что никакой острой необходимости во мне нет. Просто кто-то где-то готовится к серьезной операции. Он про меня слыхом не слыхивал. Он уверен, что мудрое командование обеспечит его безопасность, и только. Какими средствами – его не волнует. И мне лучше не знать о нем ничего. Чего не знаешь, того не выдашь на допросе. Пешки не сдают ферзей.

Но я была чертовски зла – и вычислила задачу. Крупная диверсия на военном заводе. Честно говоря, я провела бы ее лучше. Но по плану, которого я не знала, мне полагалось отвлечь внимание на себя, случись диверсанту попасть в трудное положение. Тогда пешку выводили прямо под нос контрразведке. Меня бы арестовали, выяснили бы, что я нелегал, ну а дальше...

Так вот, по моим прикидкам, этот случай был, что называется, предопределен. Пешкой должны были пожертвовать с вероятностью, близкой к ста процентам.

Меня никто не учитывал. Вот и хорошо, зато никто не помешал. Я не только самостоятельно организовала диверсанту отход, но и сберегла Родине хорошего разведчика в своем лице. Я перехватила диверсанта там, где меня никто не ждал.

Потом мы поговорили. В безопасном месте. Сидели в машине, не глядя друг на друга. Проклятье, мы, оказывается, были знакомы. Хороший человек. Под конец он сказал: «Раз такие дела... Я устал. Я начал ошибаться. Через неделю у

меня еще одна операция. Поможешь?»

Мы отработали красиво. Не то слово как красиво. Филигранно. А на прощание он дал мне пару очень ценных советов и оставил нужные контакты. «Делла, – сказал он, – всякое бывает. Имей в виду, что, если решишь самовольно вернуться, ни в коем случае не иди напрямую. Выходи через Куашнару и пятый округ. В пятом округе сдавайся нашим, и не военным, а контрразведке. Тогда можешь не беспокоиться за свою жизнь. Может, ты даже по тюрьмам проваландаешься год или два всего. Такие случаи бывали. А вот чего не бывало – чтобы разведчик, самовольно ушедший из Эльдорадо, живым добрался до своей базы в четвертом округе».

Может быть, когда-нибудь его советы пригодятся мне...

В десять вечера Весту положили на операционный стол в глубоком подвале. В одиннадцать она уже пришла в себя после наркоза настолько, что могла двигаться и соображать.

– Долорес Кастро, – сказала мне Веста, когда я вошла в комнату, временно превращенную в больничную палату. – Я обязана тебе.

– Жизнь длинная, сочтемся.

– Не ври только, что ты деревенская дурочка.

Я подставила стул к ее кровати и села.

– Веста, тебе не кажется, что мы слишком мало знаем друг друга, чтобы быть откровенными?

– Надеюсь, ты не имеешь отношения к контрразведке.

– Не имею. Но как, мне даже интересно, ты это прове-

ришь?

– На слово поверю. У меня нет другого выхода. Просто знай: у меня свои счета с ними. На кого угодно другого буду работать честно.

– Даже на полицию?

– Да хоть на землян, – бросила она. – Лишь бы не на тварей, убивших единственного мужчину, которого я любила.

Я не ответила.

– Я мало чем побрезгую, Долорес. Ты спасла мне жизнь. Если понадобится – отплачу любой услугой. Но если ты работаешь на контрразведку...

– А что, так похоже?

Веста хрипло рассмеялась:

– Даже близко нет. Почему и тревожусь. Я с детства в уличной банде. Потом завязала. Я видела многое. Но, Долорес Кастро, поглядела я на тебя... Не-ет, у тебя совсем не такое прошлое, как у меня. Может, ты и родилась в деревне. Только ты не боишься пули. Не могла ты такой опыт получить в своем захолустье. И в уличной банде не могла. А вот в армии – запросто.

Я улыбнулась:

– Представь себе, я действительно служила. Год. Что такого?

– А держишься как простушка, дальше дедова сарая не ходившая. Все-то тебя радует и удивляет.

– Ничего не могу поделать, такой характер. Жадная я до

жизни.

– Ну-ну. Впрочем, это не имеет значения.

Я встала:

– Отдыхай. Вернусь за тобой утром.

– Спасибо тебе.

Я уже приоткрыла дверь, когда Веста окликнула меня:

– Долорес! У тебя оружие-то есть?

– С какой стати?

– Дам тебе один контакт. Наведайся туда сегодня же и купи ствол.

– Зачем?

– Затем, что на меня открыли охоту. И ты засветилась. Тебе нужно что-то понадежней твоей биты. Не говори только, что стрелять не умеешь.

– Умею. – Я пожала плечами. – Научилась именно что дома, в деревне. А в армии еще курс прошла. И ты не поверишь, хотела после армии в полицию пойти.

– А чего не?..

– Бабушка отговорила. Боялась, что я погибну от бандитской пули. Уговорила ехать в столицу и поступать в колледж. Знала бы она, что денег не хватит, я пойду работать таксисткой и все равно влипну в бандитскую разборку!

– От судьбы не уйдешь, – согласилась Веста и сбросила мне контакт. – Ствол купи. За деньги не волнуйся, я тебе на пару недель, пока болею, своих клиентов отдам.

– Хорошо. Отдыхай.

– Будь осторожна.

О себе бы лучше думала, могла бы сказать я. Но, разумеется, не сказала.

* * *

Что делать, я не знала. Редкий случай.

Надо встретить в аэропорту моего преемника и свести его с Камиллой. Это означало, что моя миссия завершена.

Но эвакуация откладывалась на неопределенный срок по техническим причинам. О решении проблемы должен был сообщить наш резидент, с которым мы до сих пор ни разу не встречались.

И ни слова ни о Вальдесах, ни о Весте. Как будто я сбросила устаревший прогноз погоды, а не рапорт.

Как же я устала.

* * *

Преемник категорически не понравился мне. Я даже не могла объяснить, что с ним не так. Приятной наружности молодой человек, типичный латинос с виду, умные глаза, добрая улыбка. Спокойный, рассудительный. С отличным чувством юмора. Камиле он приглянулся, а у нее замечательный нюх на мужскую гнильцу, она все пороки чует раньше, чем

человек о них узнает сам.

Мы сидели в том же клубе, за тем же столиком. Девицы у стойки хмуро косились на нас. Камила звонко хохотала над шутками Эдуардо Родригеса. По легенде, он был парень из пригорода. Среднего достатка, окончил колледж. Я никогда не видела его на базе. Может, он пришел по контракту совсем недавно. Где служил раньше? Мне казалось очень важным это узнать. Но чем больше я к нему приглядывалась, тем отчетливее видела, что Родригес вообще не разведчик по образованию и прежнему месту службы. Гражданский он.

Или – диверсант высочайшей пробы.

Возможно, что в этой миссии мне придется его прикрывать.

А я ни капельки ему не верю.

Хуже всего, что было у меня впечатление – не очень-то он и нуждается в моем доверии.

В любом случае я почувствовала облегчение, когда мы вышли из клуба. Камила отправилась на пастбище, Родригес по своим делам, а я поехала на набережную Франца.

Я раскошелилась на платную парковку. Экономить смысла никакого – вчера я оплатила круглосуточную лицензию, ночью обзавелась пистолетом, денег уже нет и появятся не скоро, так и зачем жалиться над последними грошами? В конце концов, терять нечего. Если деньги кончатся, а эвакуация по-прежнему мне будет светить, как месяц в тумане, – украду. Невелика проблема.

Оставив машину, прошла с полкилометра, встала у балюстрады, засмотрелась на воду. Течет себе и течет... Недалеко отсюда, вон у того столба, должна была оборваться жизнь Энрике Вальдеса... Я вмешалась. Но никому это не интересно.

Вот проклятье!

Тихонечко звякнул мой браслет. Я ответила на вызов.

– Долорес Кастро? – послышался женский голос. Затем собеседница назвала мой идентификационный номер в реестре лицензий.

– Да, чем обязана?

– Кандида Перес, частный диспетчер.

– О, сеньора Перес! Разумеется, я наслышана о вас.

– Очень хорошо. Вы не числитесь в моих списках. Но меня попросили связаться именно с вами. Можете выполнить заказ прямо сейчас?

– Могу, я свободна.

– Клуб «Камышовая лодка».

Я присвистнула – одно из самых фешенебельных заведений Золотого Мехико.

– Приезжаете к клубу и встаете на парковку. Счетчик включаете сразу, как встанете. Таковы мои правила. И на будущее: скажите этому клиенту, что я выполняю подобные разовые заказы, но если он и впредь собирается пользоваться вашими услугами через меня, пусть купит вам абонемент. Дешевле выйдет, чем каждый раз переплачивать вдвое.

– Но, сеньора Перес, я никого не знаю, кто мог бы посещать этот клуб.

– Вы, может, и не знаете, зато вас знают. Этого мне достаточно.

– Как все загадочно.

– Да уж, – согласилась Перес. – Самый, пожалуй, странный заказ в этом году. Как будто человек в жизни никогда не заказывал такси. Но мое дело маленькое – передать.

– Спасибо за заботу, сеньора Перес.

– Не за что. И вот еще: если надумаете купить абонемент – буду рада видеть вас в моем списке. У вас хорошая репутация.

– Даже интересно, кто дал такую рекомендацию, я ведь работаю всего ничего.

– Ну, во-первых, я хорошо знаю Мигеля Баша, у которого вы арендуете машину. А во-вторых, я слежу за отзывами клиентов в других диспетчерских.

– О-о, понятно.

– Всего хорошего. Надеюсь, мы с вами еще поработаем.

– Буду рада, сеньора Перес.

Я дошла до машины, села и несколько секунд тупо глядела перед собой. Все, что мне приходило в голову, – наш резидент изобрел такой экстравагантный способ лично познакомиться. Но зачем это ему?

У клуба я была через двадцать две минуты. Завернула на парковку, где моя машина была самой старой и дешевой да-

же среди такси, включила счетчик. И почти сразу увидела мужчину, быстрым шагом идущего ко мне.

Господи, Энрике Вальдес!

Счастливым такой.

Он плюхнулся в салон и воскликнул:

– Долорес! Как я рад новой встрече! В прошлый раз вы исчезли так быстро, словно сбежали, а я хотел расспросить вас еще...

– Добрый вечер, сеньор Энрике.

– Слушайте, ну зачем вы так официально? Я не высокомерен, совсем...

– Куда вас доставить?

Он задумался:

– А куда бы вы хотели? Может, у вас есть на примете какое-нибудь простое кафе, где вы любите пить кофе? Давайте поедем туда!

– Сеньор Энрике, я не пью кофе с клиентами.

Он удивился.

– Совсем? Хорошо, давайте я буду вашим клиентом только до этого кафе.

– Сеньор Энрике, сегодня я работаю. Мне некогда пить кофе.

Ну да, так он и отстал от меня.

– Хорошо, давайте встретимся завтра.

– Завтра я тоже работаю.

– А послезавтра?

– И послезавтра тоже. Сеньор Энрике, у меня нет средств к существованию, кроме тех, какие я сама заработаю.

– Понимаю. Но ведь когда-то же вы отдыхаете?

– Конечно. В четверг.

– Отлично! Я свободен целый день именно в четверг. Какое совпадение! А чем вы предпочитаете заниматься в выходной?

– Хожу в Народный парк и катаюсь на каруселях, – не выдержала я.

Он засмеялся:

– Вы иронизируете. Но я ловлю вас на слове. Приглашаю вас погулять в парке и покататься на каруселях! Надеюсь, там найдется какой-нибудь действительно впечатляющий аттракцион...

Я повернула голову и посмотрела ему в лицо. Он улыбался.

– Зачем вам это, сеньор Энрике? Мы живем в одном городе, но на самом деле – в разных мирах. Я ничем не превосхожу вашу прислугу, а иной раз и уступаю ей. Вы аристократ, а я деревенская. Вы блестяще образованный, перспективный молодой человек, красивый, с будущим политика, а я – вчерашняя школьница, чей удел пахать и пахать. Даже если мне удастся поступить в колледж и закончить его, я все равно буду пахать. Даже когда я выйду замуж, не смогу оставить работу. Если я буду работать хорошо, мои дети, возможно, смогут не надрываться хотя бы во время учебы. Простите уж

за откровенность... Что у нас с вами может быть общего?

Со стороны могло показаться, что я говорю слишком жестко для простушки Долорес Кастро, но деревенские, они именно такие, когда их задели за живое – режут правду-матку, невзирая на лица. Надеюсь, что лица отстанут наконец.

– Я думаю, что общего у нас очень много, – произнес Энрике мягко. – Нужно лишь поискать. Я понимаю, Долорес, вы опасаетесь показаться скучной... Уверю вас, не покажетесь.

– Я опасаюсь, что, если мы и дальше будем торчать на этой чертовой парковке, мною заинтересуется охрана клуба.

– О, – спохватился Энрике. – Конечно. Помните, где я живу?

Я молча вырулила с парковки и влилась в городской поток. Энрике несколько минут следил за тем, как я шныряла между других машин, потом изрек:

– Вы отлично водите. Профессионально. Я помню вашу историю про машину, которой было шестнадцать лет, но... Где-то доучивались?

– Нет, только сама. Инструктор уверял, что у меня талант.

– Соглашусь с ним.

Снова повисло молчание. Энрике не выдержал:

– Долорес, ну расскажите же, как вы жили эти дни! Что у вас случилось, что видели... Может, возили мамаш с выводами детей? Или бродячего проповедника?

Рассказала бы я тебе... и посмотрела, как ты на ходу за

борт выпрыгнешь.

– Сеньор Энрике, я работаю за деньги, а не потому, что люблю интересных клиентов. Клиентов я предпочитаю тихих, которым нужно то же самое, что и мне: быстро и комфортно доехать из точки А в точку Б. И я очень-очень скучный человек. Я не читала тех книг, какие читали ваши сверстницы из университета. Если честно, я за всю жизнь прочла одну книгу – ее мне дал ваш отец, генерал Вальдес. И то я прочла ее не всю. Остальные книги я только слушала. Я совсем не умею вести разговор так, как вы привыкли в ваших салонах, клубах и прочих гостиных. Я даже не знаю, о чем вы там говорите.

– О том же, о чем и вы со своими друзьями. Сплетничаем, делимся новостями. Иногда – о делах. Но ведь ваши сверстники тоже говорят о делах.

– Дела у нас с вами разные.

– Боюсь, что если я попаду на вечеринку инженеров, то буду чувствовать себя очень глупо, – сказал Энрике. – И совершенно неуместно. Долорес, это – чепуха. Вы стараетесь уверить меня, что вы неинтересный человек. Но зачем? Если я знаю, что вы – интересная.

Я вздохнула:

– Хорошо, сеньор Энрике. В четверг мы ходим в парк, и вы сами убедитесь.

– Я уверен, что ни капельки не разочаруюсь.

Черт подери, да возьми же себя в руки, приказала я се-

бе. Мало ли что пока никаких распоряжений из штаба нет. Вдруг там просто опомниться от радости не могут? Крупная рыбка-то. Может, Энстон в отъезде, а без его одобрения начштаба боится поручить мне самоценную миссию. Нельзя позволять Энрике сорваться с крючка.

Я лукаво покосилась на него из-под ресниц:

– Да, да. Я буду рассказывать вам о содержании крупного рогатого скота и репродуктивной функции у овец, а вы мне – о Канте, Гегеле и войне с республикой США, оттяпавшей у нас Техас и еще кучу территорий.

Энрике опешил. Секунд десять он просто хлопал глазами.

– Вы меня удивили, – наконец выговорил он. – Не ожидал. Девочка из деревенской школы, которая хотя бы слышала о Канте и Гегеле... И такое глубокое знание древней истории...

– Школа была не деревенская, а в пригороде. И лучше бы дедушка рассказывал мне о Габриэле Гарсия Маркесе, который намного интереснее, чем этот его Кант.

– И кем был ваш дедушка?

– Да всего лишь конюхом. Но с придурью. А про историю нам рассказывал школьный капеллан. Тоже был не от мира сего.

– Долорес, я совсем не собирался мучить вас философией, – ошарашенно сказал Энрике. – Я хотел... ну, узнать, что вы любите, чем интересуетесь, какие радости есть в вашей жизни, о чем мечтаете...

– Интересною я архитектурой и живописью. Особенно прерафаэлитами. Мечтаю поступить в колледж, стать архитектором и построить мост лучше, чем мост Святого Доминика. Радости? Люблю гулять по городу. Он очень красив. Жаль, у меня мало времени на прогулки. Люблю слушать книги в машине. Еще люблю хороший кофе и удобную обувь.

– Долорес, – проникновенно сказал Энрике, – я очень смутно представляю, кто такие прерафаэлиты. Навскидку ни одного имени не назову. В архитектуре я не отличу готику от рококо. Точней, отличу – готика это все такое стрелчатое, рококо с завитушками. Или с колоннами?

– О чем же нам говорить?

– О вас, Долорес.

Я свернула к его дому, подкатила к главным воротам и остановилась.

– Мы приехали, сеньор Энрике.

– Погодите. Мы ведь не условились насчет четверга. У меня нет даже вашего контакта...

Я протянула левую руку. Он коснулся моего запястья. У него слегка дрожали пальцы.

– Вот, теперь я знаю, как вас разыскать.

– Сеньор Энрике, вам лучше поторопиться. Я не должна находиться в этом районе.

– Вам слова никто не посмеет сказать.

– И еще подтвердите, будьте добры, показания счетчика.

Он мазнул рукой по сканеру почти раздраженно.

– Долорес, вы так спешите, словно опаздываете. Пожалуйста, еще несколько минут.

– Сеньор Энрике, это неэтично. Я на работе и должна работать. Я обещала уже вам четверг.

– Погодите...

Тяжелые створки ворот дрогнули и поехали в стороны. Я машинально сдала назад, ожидая, что оттуда выедет машина, которой я загородила проезд. Но вместо машины вышел охранник. Подошел к моему окну, сквозь зубы бросил:

– Заведите машину внутрь. И так уже все соседи вылупились.

– Я уже уезжаю. – Я улыбнулась охраннику так заискивающе и виновато, как только могла.

– Я не выйду из машины, если вы не заедете, – вдруг объявил Энрике. – И не выпьете со мной кофе. Вы же любите хороший кофе, верно?

Я подчинилась. Хватит ломаться, в самом деле, еще решит, что неприятен мне. Эти страстно вспыхивающие мальчишки остывают так же быстро – как только одержат победу или убедятся, что победить невозможно.

Остановив машину у парадного входа, я вышла вслед за Энрике. Повернулась и замерла: из сада медленно шли мужчина и женщина. Генерал Вальдес и его супруга. Я не видела ее раньше. Рослая, жгуче красивая женщина, уже далеко не первой молодости, но статная и яркая. Холодное лицо, коп-

на иссиня-черных волос, большие цыганские глаза. Я скромно потупилась, как нашкодившая школьница перед директором, пока она рассматривала меня.

Энрике подошел к родителям, поздоровался.

– Мама, это Долорес Кастро.

– Очень приятно, – произнесла она бесстрастно и даже протянула мне руку. – Вы случайно встретились в городе?

– Нет! Я спросил в клубе, как вызвать такси, меня соединили с диспетчерской, и я попросил, чтобы мой заказ передали именно Долорес.

– И поставил девушку в неловкое положение, – осадила его сеньора. – Что вы собирались делать дальше?

– Я пригласил Долорес на чашку кофе. Она отказывалась, но я уговорил.

– Превосходно. Я думаю, мы сделаем это вместе. – Она повернулась и пошла в дом. Обернулась: – Сеньорита... Кастро, я не ошиблась? Вы приглашены.

Генерал рассеянно кивнул мне и пошел за женой. Я осталась на улице, бунтарски сунула руки в карманы брюк и с упреком посмотрела на Энрике:

– Это уже не просто «неловкое положение». Это кошмар.

– Напрасно вы так, Долорес. Мои родители – лучшие люди на свете. Вы познакомитесь с ними и поймете, что не нужно их бояться.

В холле нас встретил дворецкий. Окинул меня невыразительным взглядом, процедил:

– Сеньорите Кастро что-нибудь нужно?

– Да, – обреченно сказала я. – Вымыть руки. Хорошо, я могу выпить кофе с господами, если им того хочется, хотя мое место в гараже, но я отказываюсь садиться за стол с грязными руками!

– Проводи даму, – велел Энрике и быстро ушел к лестнице на второй этаж.

Дворецкий выполнил распоряжение. Насколько я поняла, санузел был все-таки для слуг, а не господский. Я зашла, включила воду.

– У молодых политиков иногда бывает желание познакомиться с избирателями поближе, – буркнула я, разглядывая свое отражение в зеркале. – Не вижу в этом ничего неприличного, даже если общение происходит так экстравагантно...

– Ничего удивительного. Особенно если избиратель выглядит как вы.

Дворецкий благовоспитанно глядел в сторону.

Я не поверила своим ушам, изумленно подняла брови:

– Да вы шутите. Что он, симпатичных девчонок мало видел?!

– Может, и немало. Только когда вы уехали, он потребовал, чтобы капитан Лопес сообщил ему ваши данные.

Я нервно усмехнулась и тщательно вытерла руки.

– Ну, знаете... Не могу же я относиться к этому, как... как...

– В жизни всякое бывает, сеньорита Кастро.

– Судя по тому, что все в доме относятся к моему появлению спокойно, такое происходит часто?

Дворецкий медленно покачал головой.

– Впервые. – Он помолчал. – Вы первая девушка, которую сеньор Энрике пригласил выпить кофе к себе домой.

Я опешила. Я поняла, о чем он. Энрике далеко не юнец, и если он не водил девушек на свидание, не приставал к молоденькой прислуге, то ясно, чего боялась его семья. Единственный сын, наследник – и гомосексуалист? На Земле никто внимания не обратил бы. Но в Эльдорадо это порок, закрывающий политическую карьеру. Такого человека не во всякий приличный дом пригласят. Если, конечно, в обществе известно о его наклонностях. Удивительное лицемерие и ханжество для страны, где половина хунты тайком соблазняла молоденьких адъютантов. За генералом Вальдесом, положим, таких грешков не водилось, а вот за нынешним диктатором – очень даже.

– Мне кажется, сеньор Энрике просто очень много времени тратил на учебу. Ему некогда было флиртовать с девушками.

– Мы все именно так и думали.

Ну что ж, задача, которую я сама себе выдумала от безделья, будет простой. Фактически сложностей ровно две: убедить мамашу Вальдес в моих непоколебимых моральных устоях и не позволить молодому аристократу влюбиться

слишком уж сильно.

Я не собиралась давать ему надежду.

Дворецкий проводил меня в гостиную, где уже был Энрике. Секундой позже подошли и родители. Все чинно уселись за стол. Я не поднимала глаз.

– Сеньорита Кастро, – начала мамаша, – не скрою, люди вашего происхождения – редкие гости в нашем доме. Позвольте кое о чем спросить вас? Вы грамотны?

– Читать умеет, – весело сказал генерал.

– Да, сеньора.

Я вовремя припомнила, что еще недавно сеньора Вальдес была одной из активисток движения за ликвидацию женской безграмотности.

– Вы учились дома?

– Нет, сеньора. Я окончила школу. Полную.

– О, уже неплохо. И в вашей родной деревне все девочки ходили в школу?

– Увы, нет, сеньора. Ближайшая бесплатная начальная школа – в городе. Не все могли отправить дочерей туда. Я училась в платной, у семьи нашлись деньги на мое образование.

– И как же выходили из положения те, кто не смог учиться?

– Наш священник, отец Томас, немного занимался с детьми. Но к нему ходили преимущественно мальчишки. Девочек учили по домам. А по достижению совершеннолетия

многие шли в армию. Ведь в армии есть курсы для неграмотных. А некоторые после первого года оставались на второй, чтобы получить еще и профессию.

– Вы служили в армии?

– Да, сеньора.

Энрике явно опешил. Генерал улыбался: он-то знал. Он мою легенду просто не мог не проверить. Хорошая легенда, спасибо ей, что выдержала.

– Я тоже воспользовалась армейскими курсами. Я хотела найти хорошую работу, поэтому окончила курсы медицинских сестер.

– И зачем эта профессия таксистке?

Я смущенно улыбнулась:

– Я собиралась работать в полиции, там это серьезное подспорье, сразу дополнительные баллы на конкурсе. Но бабушка настояла, чтобы я поступала в колледж. У меня не хватило денег, чтобы сделать первый взнос за учебу, я отложила поступление на год. Возможно, это к лучшему – я еще не уверена, что медицина – мое призвание. У меня есть год, чтобы определиться. И, в конце концов, полиция от меня никуда не денется.

– У вас хорошие планы на жизнь. А как в вашей деревне относятся к образованным женщинам?

– С завистью!

– Это приятные новости. Еще двадцать лет назад в деревнях женское образование считали чем-то ненужным, а то и

вредным, и не только в провинции так думали... И что вы хотите сделать, получив диплом? Вернетесь обратно в деревню?

– Думаю, что нет. Я могла бы вернуться с дипломом врача. Но наша деревня не так богата, чтобы у врача была хорошая частная практика. А мецената, который построил бы больницу, не нашлось.

Сеньоре стало интересно. Она принялась расспрашивать меня об общих условиях, потом о том, каких политиков и какие идеи поддерживают в деревнях, хотят ли развиваться, каким видят будущее страны, чего хотят для себя. После некоторых моих ответов она победоносно косилась на мужа, из чего я сделала вывод, что у них были какие-то споры.

Энрике молчал и улыбался. Ему все нравилось.

Когда кофе наконец был выпит, со мной довольно тепло попрощались. Энрике вышел проводить меня к машине.

– Значит, до четверга?

– Хорошо, сеньор Энрике.

– Долорес, вам трудно называть меня просто по имени?

– Очень, – согласилась я.

– Надеюсь убедить вас в четверг, что это очень даже просто.

Он сделал такой жест, словно хотел на прощание коснуться моего плеча. Я увернулась и забралась в машину.

Энрике стоял и глядел мне вслед, пока я не выехала за ворота.

В парке Энрике выделялся, как белая ворона на черноземе. Я тридцать раз пожалела о своей шутке. На нас оглядывались все, кто-то хихикал вслед, кто-то неодобрительно косился на меня. А я изо всех сил изображала чистую радость деревенской простушки.

Энрике не сводил с меня глаз. Буквально не сводил. Мне все это жутко не нравилось, и я уже начинала осаживать его. Он стоически терпел и улыбался. Он глядел мягко, ласково и снисходительно. Он считал, что я упираюсь только лишь из-за предрассудков. Он рассказывал мне, что все люди равны, а культурная пропасть при желании легко заполняется. Он уже уговорил меня обращаться к нему на «ты» и по имени. Я не позволила себе ни одного взгляда, ни одного жеста, который можно было истолковать как флирт. Ну а вдруг вербовать его всерьез придется именно мне?

Честно говоря, к шести вечера я безумно устала. И даже рада была, когда Энрике предложил проводить меня, потому что у него есть планы на вечер.

– А ты чем будешь заниматься вечером? – спросил он.

– Как ни странно, читать книгу, которую мне дал твой отец.

– Маркес? Небось «Сто лет одиночества»?

– Да, она очень интересная.

– Она была моей любимой. Когда мне было двенадцать лет.

– Энрике, если бы я выросла в доме с такой библиотекой, я бы сейчас даже и не знала, о чем говорить с мужчинами. Потому что я бы с утра до ночи читала и из-за этого разучилась бы общаться с живыми людьми. Ты вряд ли поймешь, какое это удовольствие, ведь для тебя это привычно.

– Не совсем. До десяти лет мне запрещалось входить в библиотеку одному, без гувернера или родителей. Бумажные книги – огромная ценность. Отец собирал их всю жизнь. И он сказал, что не позволит мне без присмотра взять в руки хоть один томик, пока я не пойму: бумажная книга – это все, что останется от человечества, если Катастрофа случится второй раз. Ты знаешь о Катастрофе?

– Да, нам рассказывали в школе.

– Наверняка вам рассказывали не все. И уж точно вам не говорили, как мексиканцев, женщин с грудными детьми, выбрасывали из американских кораблей, чтобы могло спастись побольше американских граждан. Я не хочу портить вечер экскурсами в историю...

Я опустила голову.

– Потому, Долорес, что это не нужно и даже вредно, – вдруг сказал он. – Прошло несколько веков. Хватит нам уже расчесывать былые раны.

– О чем ты?

– Да о том, что земляне – такие же люди, как и мы. – Он

зло фыркнул. – Я понимаю, тебе дико это слышать. Ты служила в армии. И я буду служить, когда получу докторскую степень. Но это не имеет значения. Я догадываюсь, что именно ты думаешь о тех, кто живет за кордоном. А правда в том, что там живут потомки людей, которые родились на Земле, как и наши предки. Мы все дети одной цивилизации. И отнюдь не все мексиканцы покинули Землю. Эвакуировалось, дай бог, шестьдесят процентов. Многие народы ушли с Земли в куда большем количестве. Те же русские. Кстати, Маркес очень любил русских... Они ушли и основали свою колонию. Но они не воюют. Они вписались в Федерацию. Это русские-то, с их претензиями на особый путь! Есть и такие колонии, в которых живут люди нашего народа. Иначе откуда бы Земля набирала такое количество шпионов с нашим фенотипом? Их много, очень много. Иногда я гляжу на людей на улице и гадаю: кто из них шпион? Им может оказаться любой. Абсолютно любой.

– Откуда ты все это знаешь?

– Не только Земля засылает к нам шпионов. У нас тоже есть разведка.

Я вздохнула.

– Я не питаю ненависти к землянам, – твердо сказал Энрике. – Даже к шпионам. Ну, пожалуй, только диверсанты... Это убийцы, и я отношусь к ним как к убийцам. Но я не понимаю, за что мне ненавидеть всех землян скопом.

– Ты считаешь, мы должны простить землян? Но они

ведь не оставили нас в покое. Сколько наших гибнет каждый год...

– Из-за нашей глупости, – резко ответил Энрике. – Долорес, война – это бизнес. Выгодный. Но когда я возьму власть, я прикрою эту лавочку.

– Что?

– Долорес, мы тратим наши ресурсы на невыполнимую задачу. На личное обогащение нескольких воротил. Это правда. Когда я стану диктатором, я прекращу войну.

– Ты сдашься?!

Он засмеялся, услышав в моем тоне ужас.

– Нет, конечно. Никогда. Но я добьюсь того, что земляне признают нашу независимость. Признали же они Куашнару. И Шанхай почти уже признали. Я подпишу мир. И вместо войны укреплю наши границы. А те ресурсы, которые удастся высвободить, направлю на благо страны. На школы и больницы в деревнях вроде твоей. На снижение фермерских налогов. На новые космопорты. На новые библиотеки для всех. На красивые здания, в конце концов! – Он рассмеялся. – Ты успеешь закончить колледж и стать архитектором, как мечтаешь. И представь, настанет день, когда тебе закажут проект, ну, например, народного университета. Где учеба будет бесплатной, и девушкам вроде тебя не придется батрачить в такси, чтобы поступить в колледж. Наоборот, девушки получают государственную стипендию.

– Я буду голосовать за тебя, – объявила я решительно. –

И всех знакомых уговорю. А ты уверен, что земляне не нарушат договор? Они ж вероломные.

– Долорес, они такие же, как мы.

– Да уж, помнили они об этом, когда была эвакуация с Земли...

– Нам давно пора перевернуть ту страницу истории. Те люди мертвы, и им не станет хуже от того, что мы отомстим их далеким потомкам. Забывать, конечно, нельзя. Вот наша независимость и будет символом того, что мы ничего не забыли. Но независимости вполне достаточно. А чтобы отбить охоту к нарушению договора, нужна крепкая граница. И сильная, мощная, развитая страна. Земляне тоже не дураки, не полезут они к серьезному противнику. Опасаются же они трогать китайцев. И я хочу, чтобы опасались лезть к нам.

– Ты считаешь, мы слабее, поэтому и?..

– Мы намного слабее. Это грустная правда. А все потому, что расходует невосполнимые ресурсы на войну и этим выхолащиваем экономику. Нам нужно всего тридцать лет мира, чтобы набрать силу. Всего тридцать лет, Долорес. Мы с тобой будем еще молоды. И я клянусь, мы еще увидим, как Земля будет нас уважать.

– Хотелось бы.

Мы дошли до парковки, где я оставила машину. Неподалеку замер лимузин Энрике. Рядом с лимузином застыл водитель, он же телохранитель. Покатался Энрике Вальдес на «Севилье» – и хватит.

– Когда у тебя следующий выходной, опять в четверг?

– Да, но я хотела бы часть дня потратить иначе.

– И как?

– Сходить в библиотеку. – Я рассмеялась, потрянув волосами. – Надо готовиться к колледжу. Я не кривлю душой, когда хвалю деревенскую школу, но только здесь, в столице, я поняла, как мало знаю на самом деле. Не хочу выглядеть неотесанной провинциалкой среди других студенток. Поэтому купила абонемент и слушаю разные книги.

– Ты молодец. И ты... Долорес, ты очень умная девушка. Умная и мудрая.

Я улыбнулась, принимая комплимент.

– Может быть, ты и верхом умеешь ездить? – внезапно шутивным тоном спросил Энрике.

– Ну, немного умею, – осторожно сказала я. – Как почти любая сельская жительница.

– Я сходил с тобой в парк, а теперь прошу ответной любезности. Через две недели мы с друзьями планируем верховую прогулку за городом. Поедешь со мной? Обещаю подобрать для тебя самую смирную лошадку.

О черт! Ездить верхом я действительно умела. Но беда в том, что умела слишком хорошо. Получится ли замаскировать мастерство? Верховую езду не объяснишь бабушкой, которая служила в богатом доме и обучила внучку великосветским манерам. Что делать? Отказаться нельзя, такая прогулка – предел мечтаний для разведчика. Мне надо вой-

ти в ту компанию. Но как это выполнить технически?

Деревенская неуклюжая девка по определению будет пошлостью и клоуном в великосветской среде. А в исполнении умелой наездницы – мой спортивный разряд можно, пожалуй, счесть доказательством умения – неуклюжесть будет выглядеть действительно клоунадой. Господа могут и не заподозрить неладное, но там наверняка будут слуги – конюхи, грумы... Эти подвох заметят точно.

– Подумаю, – выдавила я.

– Тебе незачем волноваться, – утешил меня Энрике. – Далеко не все мои друзья – спортсмены. Над тобой не станут смеяться.

– Не знаю, – пролепетала я. – Не могу обещать.

– Подумай. Если хочешь, я могу попросить своего тренера позаниматься с тобой.

– Нет-нет, Энрике, это лишнее.

– И в любом случае в следующий четверг мы снова встретимся? Если хочешь, могу проводить тебя в библиотеку.

Я улыбнулась и села в машину. Энрике дождался, пока я уеду, и лишь затем направился к своему лимузину.

* * *

– Что-то ты пропала. Загордилась, – обронила Камила, подсаживаясь за мой столик без спросу.

Мне не хотелось с ней встречаться. Камила так и не по-

благодарила меня за ту драку. Причем я-то знала, что она действительно была виновата. И Веста знала. Камила приняла наше вмешательство как должное. Не то чтобы я сильно нуждалась в ее признательности, но совесть-то иметь нужно.

– Работаю много.

– Особенно много ты работала вчера, – фыркнула Камила.

– Ты о чем? – делано удивилась я.

– Да видели тебя. Как ты выгуливала в парке этого жеребчика.

Я пожала плечами, сделав вид, что тема для меня неинтересна.

– А может, я не права и ты действительно работала? – Камила засмеялась. – Это ж младший Вальдес был, верно? Ходят слухи, что он не того. Женщины ему ни к чему. Может, тебе заплатили, чтоб ты прикинулась его подружкой?

– За такие вещи платят девочкам из сословия получше моего. А если берут простых, то профессионалок вроде тебя. Что? Если б ты обронила где надо, что в постели он просто зверь, разве не лучше было бы? Уж ты-то знаешь в этом толк.

– Да вот и я удивилась. Почему ты-то?

– А фиг знает, – я расстроено отмахнулась и потянулась за сигаретами.

Камила удивилась:

– Я тебя не понимаю.

– Да нечего тут понимать. Я познакомилась с хорошим человеком. А тут Вальдес. Он на мне не женится никогда.

Думаю, ты это понимаешь. И я понимаю не хуже тебя. Но он ко мне липнет. И я боюсь...

– Что он отпугнет другого кавалера.

– Ну да.

– Ты-то как Вальдеса подцепила?

Я неуверенно повела плечом, оглянулась, как будто нервно.

– Камила, меня убедительно просили не рассказывать об этом. Никому.

– Некрасивая история? – понимающе уточнила она.

– Да как по мне, нормальная история. И поверь, Вальдес в ней выглядел... ну, как нормальный, порядочный человек. Я сама удивилась. Никакой заносчивости. Он славный парень, сам по себе. А я просто оказалась рядом. Чистой воды случайность.

Камила смягчилась:

– А я вчера тоже в парке была. С Родригесом.

Она сделала выразительную паузу.

– Тоже ничего так оказался. Я с ним переспала, не возражаешь? Впрочем, у тебя другие перспективы, зачем тебе Родригес?

– Камила, я едва знаю его, – поморщилась я. – Просто один знакомый попросил свести его с тобой. Ты честный посредник. Понятия не имею, что за бизнес у Родригеса, не имею привычки задавать лишние вопросы. И как человек он меня не интересует. Мне достаточно, что его рекомендовал

мой знакомый, которому я верю.

– Вот и чудесно. Мне он нравится. Я подумаю, может, выйду за него замуж.

Я промолчала. Родригес исчезнет из ее жизни так же внезапно, как и появился. Но я взяла на заметку, что он морально неустойчив. Трахаться со связной – это верх неосмотрительности.

– Мы вчера просто залюбовались вами. Как Вальдес на тебя глядел! Ты не теряйся.

– Камила, отстань. У богатого мальчика случился каприз – попробовать на зубок народные развлечения. Ну что мне, в стриптиз для бедных его тащить? Повела в парк. Надеялась, что он через час соскучится и свалит в какой-нибудь свой клуб для элиты. Терпеливый оказался.

– Дурочка, – ласково сказала Камила. – Бери его в оборот. По нему видно – он уже тепленький.

– Зато родители у него – отнюдь не ослы.

– Они не вечные.

– Камила, я свое место знаю. Это – мужчина не для меня.

– Чушь. Место любой женщины – в постели мужа. И пока в постели все хорошо, мужчину не будет волновать ни твое происхождение, ни деньги, ни знания. На родителей – плюнь. Отец у него старый, долго не протянет. Мать... А тебе не все равно? Тебя любая свекруха будет поедом есть. Эта хоть культурная. Можно стерпеть.

Я покачала головой. Камила выпрямилась, готовясь до-

жать меня.

– Тебе-то какой интерес? – перебила я ее.

– Пока никакого. Но вдруг в будущем пригодится знакомство? Мало ли, сына пристроить в хороший колледж... Ты ведь не откажешь, правда?

Начинается!

– Ты сначала его роди, – отшутилась я, – а то вдруг одни девки будут.

– Рожу, не беспокойся. А если и девки – о них тоже надо позаботиться. Женихов найти...

Вот это наглость.

– Ты становишься популярной, – обронила Камила. – Опять про тебя справки наводили. Спрашивали, давно ли объявилась в столице, знал ли кто-нибудь тебя раньше, откуда ты и с кем общаешься. Люди странные. В наших кругах их никто не знает. Если меня чуйка не подвела – госбезопасность. Возможно, бывшие, сейчас на пенсии и на кого-то частного работают. Меня тоже спрашивали. Деньги предлагали. Ты ж понимаешь, от меня зависит, что сказать.

– А ты много дурного про меня знаешь?

– Это смотря кто и для чего спрашивает. Для полиции ты чиста, хотя твоя внезапная нежная дружба с Вестой их интересует.

– Смотри, как бы Весту не заинтересовала твоя внезапная нежная дружба с безопасниками.

– Ну что ты! Я еще не спятила подставлять Весту. Да и

не полиция это. А чего эти люди хотят, я пока не поняла. Возможно, их твой моральный облик волнует.

– И что ты можешь сказать про мой моральный облик? – я равнодушно пожала плечами. – Подумаешь, есть у меня маленький не совсем легальный бизнес. Так ты в нем тоже участвуешь.

– Кого интересует бизнес? – Камила серебристо рассмеялась. – Я могу привести троих, четверых мужчин, которые скажут, что ты им давала. Аккуратненько, в попку, чтобы будущий лопух, которого ты окрутишь, ни о чем не догадался.

Я прищурилась:

– С каких это пор безопасников стало волновать, с кем я сплю?

– С таких, что это – скорее всего бывшие.

– Не понимаю я тебя.

– А чего тут понимать? Старик Вальдес – бывший контрразведчик. Связи остались. И справки о тебе наводит его сыночек. Которого ты якобы просто выгуливала. Хочет знать, кого поведет под венец – шлюху или девочку, которую достаточно хорошо помыть, чтоб очистить от всей грязи и прочей прозы жизни.

Я посмотрела ей в глаза и медленно улыбнулась:

– Так скажи им, что я перетрахала весь этот клуб. Отлично. Я буду рада.

– Неужели?

– Конечно. Я выйду за другого человека, который не будет

спрашивать у тебя, насколько я чиста. Он сам все узнает, в первую брачную ночь. А твои дочери без полезных знакомств пойдут на панель, как ты, и твой сын будет у них сутенером.

Камила сузила глаза:

– Ну ты и дрянь.

– Я? Камила, ты дура. Тебе нужны связи, и ты начинаешь с шантажа. Я всего-то разок сходила в парк с парнем из хунты, а ты уже подсчитываешь свои барыши. Я не собираюсь замуж за Вальдеса. А он тем более не собирается на мне жениться. Максимум, о чем он мечтает, – о романе без обязательств. Приятное необременительное приключение. Кто-то горничных соблазняет, кто-то снимает шлюх, а кто-то клеится к таксисткам или официанткам.

Камила с явным усилием взяла себя в руки.

– Я хочу выйти замуж. У меня появился шанс. И я хочу устроить свою жизнь.

– Да я отлично тебя понимаю. Вот если бы ты... Помечтаем? Представим, что Вальдес ко мне относится серьезно, а я им увлечена. Это и близко не так, но неважно. Представим. Представим даже, что его родители настолько любят сына, что позволят ему жениться абы на ком. И вот если бы ты попросила меня, чтобы я, используя связи мужа, изъехала из полиции сведения о тебе, о твоём прошлом, с тем, чтобы ни одна сволочь, наводя справки о твоих детях, не узнала, что ты была проституткой, – я бы тебя поняла. И даже пошла бы тебе навстречу. Но ты запросила... Да ты б еще потребова-

ла, чтобы я твоего сына на дочери диктатора женила! Угрожая при этом всего-то наврать про мою бурную сексуальную жизнь. Камила, если сын генерала решит жениться на таксистке, его не будет волновать, скольким мужчинам я строила глазки. Я для него в любом случае отребье. Изначально. Девочка с помойки, которой он оказал милость.

– Я тебя не шантажировала. Я так и хотела поначалу, чтобы ты помогла мне скрыть прошлое, – быстро сказала Камила. – Это просто торг, понимаешь? Я запросила больше, чтобы у меня был запас для снижения цены. Так мы договорились?

Ненавижу работать с дураками. От дураков все проблемы в нашем деле. Ты можешь быть профессионалом высшей пробы, но тебе подsunут дурака, и ты покойник раньше, чем поймешь, что он дурак...

– Нет. Я не собираюсь замуж за Вальдеса.

– А я тебе помогу. Подскажу кое-какие секреты. Самое главное – не давай ему даже целовать себя.

– Камила...

– Веста идет, – перебила она, понизив голос. – Этот разговор – сугубо между нами, ага? И прости, наверное, я была слишком груба с тобой.

– Не то слово.

– Прости! – Она вскочила и почти убежала, едва обменявшись кивками с Вестой.

Веста, ради которой я и приехала в клуб, обошла столик, безразлично посмотрела на стул, с которого встала Камила, и

села на свободный.

– Она уже рассказала, какой фурор ты произвела?

Веста двигалась все еще скованно, но выглядела неплохо.

Чуть бледная, но глаза блестели.

– Можно подумать, из ряда вон выходящее событие.

– На самом деле, да. Выходящее. Ты нас всех удивила. Но наши сплетни – это мелочи жизни. Представь, какой гул сейчас в клубах для элиты!

Камила у стойки пила кофе, демонстративно не обращая внимания на мужчин. Я смотрела ей в спину.

– И все мои знакомые женщины сейчас прикидывают, какие выгоды они получают от знакомства со мной, – процедила я.

– Не все, – сказала Веста. К нам подошла официантка, подала ей кофе, бокал красного вина и зажженную сигарету. – Большинство в ужасе. Потому что из-за твоих знакомств всюду шастают детективы Вальдесов. Что и про кого они разнюхают – неизвестно. Чистеньких у нас нет. А если так пойдет дальше, то твою репутацию будут отскабливать добела. Как это сделать? Да рассовать по тюрьмам всех, кто что-то знает.

– Бред.

– Конечно. Но девки шугаются.

– А кто-то и шантажирует.

Веста задумчиво поглядела на Камилу:

– Некоторые бабы, влюбившись, превращаются в конче-

ных сук. Долорес, ты зря познакомила ее с Родригесом. Ничего хорошего из этого не выйдет.

– Попросили, вот и познакомила.

– Напрасно. Он дерьмо, да и Камила ему под стать.

– Я ничего о нем не знаю. Видела один раз в жизни.

– Скользкий тип. Очень скользкий. И при этом дурной.

Что у тебя за бизнес связан с Камиллой?

– Да мелкая контрабанда, – я покачала головой. – С армии еще кое-какие завязки остались.

– Этот парень, если его взять за жопу, сдаст всех, – тихо сказала Веста. – Я людей насквозь вижу. Мелкая не мелкая, а получишь лет пять.

– И что ты предлагаешь?

– Ничего. Пока. Просто рви все контакты. Чем он сам занимается?

– Без понятия.

– Ничего, Камила нам скажет. Как только сама узнает. Она ж не утерпит, похвастается.

Проклятье, как все худо-то. Главное, у меня на Родригеса был единственный выход – через Камилу. С другой стороны, и у него обо мне были лишь те сведения, какие могла предоставить Камила. Не могли ему в штабе сказать, что я землянка. Никому не говорили. Я по легенде для таких, как Родригес, была местная, из мелкого криминала.

– Насчет Вальдеса хочешь совет? Не обольщайся.

– Веста, и ты туда же. Я не собираюсь за него замуж.

– Замуж на самом деле – проще простого. Мальчики из высшего света в чем-то наивней любого из этих, – Веста кивнула на соседний столик. – Они жизни не знают и верят в романтику. Замуж за такого выскочить – не проблема. Если тебя будущая свекровь не отравит. Но что будет после замужества? Ты сломаешь себе всю жизнь. Никогда не связывайся с парнем, который выше тебя по статусу. Или считает, что выше. А у тебя еще сомнительное наследство в виде Камиллы, которая решила, что самое время вить гнездышко. Своих ресурсов не хватает, вот она и будет рвать эти ресурсы, где только сможет. И с тебя – тоже. Проститутки, знаешь ли, такие. Если она свое тело не жалеет, продавая его любому, у кого есть деньги, то тебя не пощадит тем более.

– Давай поговорим о чем-нибудь другом?

– Конечно. Вот, – она положила на стол передо мной карточку. – Моя клиентура. Я обзвонила всех и предупредила, что следующие десять дней их возишь ты. Здесь все: сводное расписание, адреса, маршруты, привычки. Если не будешь успевать – звони, я пришлю Мануэлу на подмену. Она тормознутая, но надежная. И вот еще что. Ничего не планируй на следующий четверг.

– С радостью.

Веста подавилась смешком:

– Что, планы были, но тебе не понравились?

– Примерно так.

– На весь день занятость не обещаю. Я поеду с тобой,

штурманом. Машина моя. На месте надо быть в четыре утра. Освободимся по выполнению, но не раньше полудня.

– Далековато ехать, да?

– Космодром. – Веста пожала плечами. – Больше тебе знать не нужно.

– Договорились.

– А за Камиллой и ее хахалем я послежу.

Я колебалась несколько секунд. И все-таки обронила. Едва слышно. Не глядя на Весту:

– Не стоит.

Она неспешно отпила вино из бокала. Поставила его на место.

– Вот так? Ты ведь знаешь, чем он занимается?

Мы не смотрели в лицо друг другу. Но я видела, как она побледнела. И как дрогнули губы.

– Это не контрразведка. Все, что могу сказать.

– А больше мне знать и не нужно. – Она взяла сигарету из моей пачки, прикурила, глубоко затянулась. – Зато ты не сдашь меня полиции. И кому похуже.

– Да уж.

– Не зря ты мне сразу глянулась.

Я посмотрела на нее – и прыснула. Она ответила мне.

Несколько секунд мы заливались хохотом, как две школьницы, впервые увидевшие мальчика без штанов.

На воскресенье у меня был единственный клиент – драгоценная матушка сеньоры Барки. Истово верующая старушка просыпалась рано, в церковь желала попадать к шести утра, и даже если ей потом хотелось заглянуть на благотворительную ярмарку на Копях к одиннадцати я уже освобождалась. Никаких других постоянных клиентов у меня не было, поскольку все предпочитали в воскресенье либо спать до полудня, либо ходить в ближайшую церковь пешком, наслаждаясь приятной весенней погодой.

Воскресенье в Золотом Мехико самый тихий день недели. Люди стараются посвятить его семье, магазины закрыты, как и большинство клубов. Спиртное после четырех часов дня не продают, к шести пустеют парки и скверы, а в восемь на улицах и набережных остаются одни туристы – местные стараются лечь пораньше, чтобы выспаться перед понедельником.

Когда я работала по ночной лицензии, то в десять уже возвращалась домой и ложилась спать, устраивая себе импровизированный выходной. А все равно клиентуры нет, разве что запойные пьяницы, завсегда и немногочисленных прионов. Но я таких не возила. Небольшой заработок не стоит потенциальных больших неприятностей.

Исходя из этих особенностей культурной жизни столицы,

я планировала утром поработать, а остаток дня посвятить знакомству с нашим резидентом.

Но вышло иначе. Поздно вечером в субботу позвонила секретарша сеньоры Вальдес. Уточнила, когда мне будет удобно разговаривать. Я везла клиентку, ответила – через двадцать минут. Ровно через двадцать минут позвонила сеньора Вальдес. Честно говоря, я готовилась ко всему – к тому, что сеньора попросит меня оставить в покое ее сына или же предложит участвовать в ее политической акции. Однако сеньора меня удивила.

Ей надо съездить за город. Не привлекая внимания, особо подчеркнула она. А я чего, я догадливая. Сеньора хочет, чтобы семья ни о чем не догадывалась. Вряд ли она встречается с любовником – уж лучше довериться шоферу, чем случайной таксистке, – но какой-то скелет в шкафу у нее определенно был.

Мы условились, что к десяти утра она придет к церкви Святого Людовика на Холме – той, что буквально в паре шагов от моего дома. Отпустит шофера. Семья, естественно, решит, что сеньора задумала поближе познакомиться со мной, – если Энрике можно целый день гулять с Долорес в парке, отчего бы сеньоре не совершить вылазку в бедный квартал? А я заеду за ней, скажем, в одиннадцать.

В воскресенье я отделалась от словоохотливой матушки сеньоры Барки уже к половине десятого и в десять приехала к церкви. Зашла, села на последнюю скамью. Вообще-то я

по крещению лютеранка, но о католичестве знала очень много задолго до поступления в Военный университет. Спасибо дядюшке-епископу, которому скучно быть единственным католиком в семье, вот он и просвещал всех, кто соглашался его слушать. Нет-нет, никакой агитации. Он просто расширял мой детский кругозор. А я, естественно, внимала с жадностью – поскольку с шести лет точно знала, что буду супершпионом и все это могло мне пригодиться. И да, наверное, меня осудили бы ревнители религиозной чистоты, но я в Эльдорадо исполняла все до единого католические ритуалы, какие полагались к случаю. И выглядела куда более натурально, чем многие местные, которые, в сущности, были уже атеистами, а в церковь ходили ради приличия.

Сеньору Вальдес я заметила сразу – она сидела на третьей скамье слева. В дорогом темно-бежевом костюмчике, в шляпке с вуалью – это она называет «не привлекать внимания»? Нет чтоб позаимствовать платице у горничной, на худой конец, купить джинсы, кеды и бесформенную толстовку. А так весь квартал еще месяц будет судачить, вспоминая богачку, заглянувшую в скромную церковь и уехавшую на такси.

Часом позже мы обе вышли из церкви на парковку. Я первая – и распахнула перед сеньорой заднюю дверцу.

– Нет-нет, – быстро сказала она и жестом указала на переднее пассажирское сиденье.

Желание клиента – закон.

– Видите ли, спереди ездят женщины из простого сословия, – пояснила сеньора уже в машине, когда я выехала с парковки. – Благородная дама сядет только сзади. Мне бы не хотелось, чтобы во мне узнали благородную.

– Как пожелаете, сеньора Вальдес.

– К тому же я буду показывать вам дорогу.

– Но есть же карты.

– Я не хочу, чтобы в вашей отчетности фиксировался конечный пункт.

– Он зафиксируется в любом случае, потому что мы туда приедем.

– Пожалуй, вы правы. – Сеньора несколько растерялась. – И что можно сделать?

– А ничего делать не нужно. Вы вызвали меня напрямую, не через диспетчерскую. Значит, для контроля я должна подавать документы только в налоговый департамент, а там никого не интересуют маршруты – лишь километраж. Кроме того, я арендую машину у хорошего человека, который не придирается к тому, по каким дорогам я езжу, и поэтому не проверяет мои маршруты.

– О! Я впервые слышу о таком. Обычно хозяева автопарков проверяют своих арендаторов?

Я кивнула:

– И еще как проверяют! Требуют, чтобы машину эксплуатировали только на дорогах определенного качества, иначе аренду – р-раз! – и вдвое увеличивают. Или штрафуют. Я

могла бы арендовать машину на два года моложе, но таксисту нельзя ограничивать себя в качестве дорог. Куда клиент захочет, туда и везешь. Поэтому арендую у Мигеля Баша. Он сам работал таксистом, понимающий человек. К тому же его машины пусть и старенькие, зато заведомо исправные, не то что в других местах.

– Хорошо, – решила сеньора. – Заячий плес.

– А-а! Мне даже карты не нужны, я знаю это место. Там на другом берегу еще необитаемый дворец на скалах, верно?

– Скажете тоже – дворец, – фыркнула сеньора Вальдес. – Вы дворцов не видали, оттого и считаете всякую большую развалину – значительной.

Я смущенно улыбнулась, признавая ее правоту. Но поймала себя на мысли: это ты, дорогуша, ничего не видела. Дворцовый комплекс Сонно – прямо скажем, новодел, далекий от изящества, – занимает треть площади всего Золотого Мехико. И хотя половина зданий нуждается в срочном ремонте, а часть и вовсе непригодна для жизни, – зато коммуникации работают как часы. И на такой безумной территории живет всего-то несколько сотен человек – родственники и прислуга. Там люди друг к дружке на машинах ездят. А князь, как самый деловой, – на коне. Макс из-за высокого роста ездить верхом не очень любил, но умел. А ты можешь, хотела бы спросить я у сеньоры, позволить себе развести в парке у дома оленей и лебедей? Ну да, ты правильно поняла, для лебедей речка нужна или озеро, а оленям – минималь-

ный простор. А у нас они есть. У нас вообще парк густонаселенный. И на подкорм зверья ежегодно тратятся огромные суммы. Побольше тех, в какие обходится содержание домика вроде вашего. А Берги, между прочим, по меркам нашей аристократии – небогатая семья. Не сравнить с Гамильтонами, я уж молчу про Маккинби и Энстонов.

Ох, что-то я часто стала вспоминать дом. Не к добру. Устала.

– И не бойтесь ехать быстро, – обронила сеньора. – Я люблю скорость.

Ка-ак скажете... Я прибавила газу.

– А еще быстрее можно? – азартно поинтересовалась моя пассажирка.

– Сеньора Вальдес, машина слишком маленькая и легкая.

– Жаль. Ну что же, и это неплохо. У нашего шофера четкие инструкции: ни в коем случае не превышать скорость. Причем мой муж установил для него верхний предел чуть ниже разрешенного по закону. Благородные люди должны передвигаться медленно и величаво. – Сеньора с горечью рассмеялась. – И уж, конечно, подумать нельзя, чтобы я водила сама. С тех пор как двадцать лет назад я побывала в небольшой аварии – вправду, небольшой, мне ничего не угрожало, кроме штрафа, – мой муж строжайше запретил мне садиться за руль.

– Но, сеньора, ведь генерал Вальдес беспокоится за вас.

Сеньора поглядела на меня с подозрением:

– Долорес, вы и вправду такая простодушная? Не верится.

Я пожала плечами, решив заодно не замечать фамильярного обращения.

– Мои подруги считают, что я просто глупа. Там, где любая другая женщина схитрила бы, я говорю правду. И теряю какие-то выгоды.

– А вы, разумеется, знаете, почему так поступаете?

– Да. Правда всегда выгоднее. Правда, щедрость и доброта. Мне не нужно тратить силы на притворство и на то, чтобы помнить, где, что и кому я наврала. Я не боюсь разоблачения. Ложь – она как грязное белье под чистым платьем. Никто не замечает, но тебе неудобно, тебе кажется, что все слышат несвежий запах, и ты все время боишься, что кто-нибудь покажет пальцем – это от нее воняет, от нее!

Сеньора резко отвернулась к окну. Так-так, я попала в больное место. Все-таки к любовнику она едет? Сомнительно. Дамы из высшего света быстрее заведут интрижку с тренером по теннису, чем с деревенским помещиком. А идеальный вариант – адъютант престарелого мужа. Этот и не выдаст – потому что через час после каминг-аута его выбросят в канаву без яиц и с перерезанной глоткой, – и постарается обслужить сеньору по высшему разряду. Ведь если она намекнет мужу, мол, мальчик недостаточно почтителен и расторопен, – на карьере можно ставить крест. Опять же, если хозяин достаточно стар, у амбициозного адъютанта есть шанс жениться на его вдове – и обеспечить себе безбедную

жизнь. Многие так и поступают.

– Вы умеете хранить чужие тайны? – глухо спросила сеньора.

– Разумеется, сеньора Вальдес. Правда, если меня будут допрашивать...

– Исключено, – резко ответила она. – Я не хочу, чтобы мой сын знал, что вы оказали мне услугу.

– А муж?

– Ему не надо говорить. Но если узнает – поймет. Потому что его честь задета не будет никак.

– Хорошо, сеньора Вальдес. Я сделаю все, что вы попросите.

– Это... – Сеньора поднесла руку к губам подозрительно знакомым жестом, но тут же опомнилась.

Я правильно ее поняла. Включила дополнительную вентиляцию, достала самодельную пепельницу на липучке и приклеила ее к крышке перчаточного ящика.

– Пожалуйста, сеньора Вальдес.

– У меня нет сигарет.

– У меня есть, но я не уверена, что вы будете такие курить. – Я достала пачку, показала ей. – Они мужские. Если будете – пожалуйста, угощайтесь.

– О, – сеньора приподняла брови, – вы позволяете себе очень дорогие сигареты.

– Я редко курю и в месяц трачу на них меньше, чем на самый дешевый кофе.

Сеньора глубоко и нервно затянулась. Через несколько секунд успокоилась и заговорила:

– Вы необычный человек, Долорес. Я повидала деревенских девушек, когда проводила политические акции. Все они были хитры, расчетливы, а большинство – еще и лживы. Ими руководила жадность. Никто не желал заглядывать в завтрашний день и отвечать за свои поступки. Увы, это свойство неразвитого разума – рвачество и эгоизм. Дай мне сейчас, а потом хоть потоп. Вы разительно отличаетесь от них. Не удивлюсь, если у вас не было подруг в школе. Или была, но какая-нибудь забитая девочка, которая сразу после подтверждения засобиралась в монастырь. Угадала?

– Вы совершенно правы, сеньора Вальдес. Моя единственная подруга Анхелика – монахиня.

– Пожалуй, даже хорошо, что вы переехали в город. Здесь у вас есть шанс стать счастливой. Но вам будет трудно. Знаете, что подумали бы все мои знакомые, услышав, какие требования установил шоферу мой муж? Что он выскочка, вот и старается показаться благородным в каждом своем поступке. Что он просто сноб. Что больше всего он боится, как бы ему не напомнили, откуда он родом.

– Но ведь на самом деле, сеньора Вальдес, он просто беспокоится о вас, разве нет?

– Да. Конечно. Но многие знакомые до сих пор жалеют меня, что я вышла за выскочку.

Я засмеялась.

– Что смешного вы нашли в моих словах?

– Сеньора Вальдес, вы вышли за человека, который почти на шестьдесят лет старше вас. И неважно, выскочка он или нет. Если вы, будучи юной девушкой, вышли за старика – значит, он достоин верности и уважения. Генерал Вальдес – честный. Никто не может обвинить его в подлости, трусости, жадности или зависти. Он всего добился в жизни сам. И я думаю, что если бы он хотел показаться настоящим аристократом, то он, напротив, позволил бы вам все, что вы хотите. Потому что он еще и очень умен.

– Это правда, – ответила сеньора Вальдес и снова отвернулась.

Какая прелесть. Ну то есть человек сам напрашивается на вербовку.

– Иногда мне кажется, что вы не та, за кого себя выдаете, – произнесла вдруг сеньора и снова закурила. – Я не отказываю провинциалкам в уме и сметливости, но вы превосходите всех, кого я видела. А я видела очень много. Вы красивы, начитанны, у вас грубое произношение, но речь правильная. И суждения подобают женщине, которая пожила уж точно подольше вашего. Вы простодушны, но ваше простодушие не имеет ничего общего с простотой «детей природы». Я видела, как вы держитесь за столом. Девочки из деревни так не умеют. Кто вы, Долорес?

Ну зашибись, подумала я. Моя легенда не рассчитана на задушевные беседы с родовой аристократией. Ладно, к сча-

стью, история реальной Долорес Кастро оставляет простор для импровизации, да и, к слову, настоящая Долорес ничуть не уступает мне по части манер, и мозги у нее неплохие. С характером беда, конечно, но девушка догадалась после армии уйти в монастырь, так что ее трусость уже не ее проблема.

– Сеньора Вальдес, вы не захотите со мной разговаривать, если узнаете, – сказала я.

– Ах вот оно что. То есть некая тайна есть?

– Я только прошу вас, – твердо сказала я, – ни за что не выходить из машины, потому что мы уже за городом и вам опасно оставаться тут одной. Я понимаю, что вам будет неприятно оставаться в машине, но подумайте, что есть вещи выше брезгливости.

– О чем вы, Долорес?

– Я незаконнорожденная.

Несколько секунд в салоне было тихо. Сеньора даже пепел не стряхивала. Потом опомнилась:

– И вы думаете, что я отказалась бы даже оставаться в вашей машине из-за этого?!

Я пожала плечами:

– Из-за этого у меня не было друзей в деревне. Меня отдали в школу подальше, чтобы там никто не знал о грехопадении, совершенном моей матушкой. Но там узнали. Поэтому у меня была только одна подруга. Я никогда не ходила в гости к своим ровесницам и ровесникам – их родители счи-

тали, что на мне клеймо и дети замараются, если будут дружить со мной. Я никогда не смогла бы выйти замуж в нашей местности, поэтому уехала в столицу. Но даже здесь люди инстинктивно чувствуют, что на мне печать греха, и сторонятся меня.

– Какая... какое варварство! – с чувством произнесла сеньора. – В наше время – и такие звериные нравы! Только из-за того, что молодая женщина оказалась неразборчива...

– Не только, – невежливо перебила я. – Бабушка очень постаралась, чтобы причиной смерти моей мамы указали грипп. На самом деле она повесилась. Ей было восемнадцать лет. Мне об этом рассказали соседи.

– Какой ужас, Долорес, – сказала сеньора. – И вы расплачиваетесь за грех ваших родителей... Вы знаете, кто ваш настоящий отец?

– Нет, – я покачала головой. – Но бабушка знает. – Я нашла в архиве на чипе фотографию красивой девушки, вывела ее на монитор навигатора. – Это моя мама. – Положим, никаких грехов она не совершала, она была просто сумасшедшей, но кто это проверит? – Моя бабушка с шести лет служила в богатом доме. Когда ей было тридцать восемь, хозяйка дала ей богатое приданое и позволила выйти замуж за конюха. В сорок один бабушка родила мою маму и сразу стала ее воспитывать так, чтобы мама могла служить. Бабушка говорит, что мама была, к несчастью, так же красива, как и глупа. В тринадцать лет ее определили на службу. А в пятнадцать

хозяйка дала ей приданое и нашла стоворчивого мужчину, согласного жениться на беременной. Я знаю только, что моим настоящим отцом был не сын хозяйки, а его друг. Приехал погостить на каникулы, а так он из Золотого Мехико. Но это все, что мне о нем известно. Я даже не выяснила, почему хозяйка дала моей маме приданое, а не выгнала из дома.

– Поэтому-то человек, считавшийся вашим отцом, и отказался брать вас с собой в новую семью?

– Да. Хотя сеньора Валентина упрекала его за это. Я однажды услышала, как она сказала: «Ты должен держать слово. Ты перед Богом поклялся считать эту женщину своей женой, а ее дочь – своим ребенком. Ты не имеешь права отказываться от девочки». Но папа не согласился. Да, я называю его папой, ведь он три года, пока мама была жива, воспитывал меня. Но сеньора Валентина все равно не оставила меня заботой. Если бы не она, я не смогла бы пойти в дорогую школу, не научилась бы водить машину... И она убедила бабушку, что мне лучше уехать в столицу. В деревне мне нипочем не найти мужа. А здесь я могу встретить славного человека.

– И как вы представляете себе будущего мужа? – с легким холодком спросила сеньора.

– О! – Я расплылась в улыбке. – Мне бы хотелось, чтобы он был старше меня. Может быть, даже вдовец. Я буду любить его детей и стану им доброй матушкой. А еще хорошо бы, чтобы он владел молокозаводом. Пусть даже маленьким.

– Почему?

– Потому что, во-первых, тогда я смогу пить парное молоко каждый день, а во-вторых, плохой человек не может владеть молокозаводом.

– Вы уверены?

– Конечно! У плохих людей молоко сразу скисает, это всем известно!

Сеньора вежливо хохотнула.

– К тому же такой человек вряд ли упрекнет меня за мое происхождение, – добавила я. – Ему будет важно, какая я жена, а не кто были мои родители.

– Вы блюдете себя? – спросила сеньора весьма строго.

– Конечно, – я очень натурально растерялась. – Конечно, разве можно иначе?

– Вас видели в компании падшей женщины.

Я изумилась еще натуральнее, чем растерялась.

– Да, я посылала людей разузнать, кто вы, – с вызовом сообщила сеньора. – Потому что у меня единственный сын. Он слишком демократичен, ему кажется, что все люди равны. Поэтому в университете общался с кем попало. И многие девушки из среднего класса мечтают заловить его в свои сети. Держался бы он как подобает – такого не случилось бы.

– Но какой же я средний класс? – Я хихикнула. – Да мне только рот открыть – и все сразу понимают, что я деревенщина.

– Произношение можно исправить. И вам следует приложить усилия, чтобы это сделать. Хорошее произношение еще

никому не помешало. Долорес, разумеется, у меня и в мыслях нет, что вы участвовали в том покушении...

– А нашли негодяев? – с живостью спросила я.

– Разумеется, – сеньора ответила холодно и снова потянулась за сигаретами. – Разумеется! И не сомневайтесь: наказали их по заслугам. Мало им не показалось.

– Надеюсь.

Сеньора поглядела на меня с некоторым удивлением:

– А вы, я гляжу, кровожадная.

– У-у! Сеньора Вальдес, когда я вижу, что трое убивают одного, – конечно, я кровожадная! У меня в машине есть бита, и поверьте, я умею ею пользоваться!

– Вы вообще не приемлете убийства?

Станный вопрос. Она как будто забыла, что я служила в армии, а потом собиралась работать в полиции.

– Сеньора Вальдес, я думаю, что бывает честный бой, когда силы равны, когда один на один. А бывает – убийство. Когда в ход идет подлость. Подлости не приемлю, это так.

– Думаю, в вас с годами заговорила кровь вашего благородного папеньки. Хотя я считаю: он был мерзавец. Гнусно развлекаться с горничными, но еще гнуснее – развлекаться с горничными в доме своего друга. Тем не менее вам не стоит огорчаться: Господь так устроил, чтобы дети плохих отцов вырастали хорошими людьми, вдвойне нетерпимыми ко всякому злу и несправедливости. И поверьте мне на слово: благородная кровь – не водица. Вы еще не раз услышите ее

ГОЛОС.

– Спасибо вам, сеньора Вальдес. Вы говорите точь-в-точь как наш капеллан.

– Не за что. Узнать бы как-нибудь, кто ваш настоящий отец...

– О, сеньора, боюсь, это невозможно. Если только допросить мою бабушку. – Я хихикнула, показывая, какой смехотворной нахожу эту идею. – Я расспрашивала ее. О том, что было, знали лишь трое: моя мама, бабушка и та сеньора, в доме которой все произошло. Вряд ли моему отцу сказали, что горничная, с которой он развлекся, забеременела... Сейчас жива только бабушка. Она наотрез отказалась рассказывать о моем отце. Я знаю лишь то, что сын сеньоры, у которой служила моя мама, был не ровня ему.

– Вы мне кого-то неуловимо напоминаете. Может статься, я знаю вашего отца.

– О, сеньора, право, не нужно его искать. Ну представьте, что он скажет, увидав дочку от – смешно сказать – провинциальной горничной. Да мало ли таких горничных он соблазнил! Может, он и не запомнил этого. А будет выглядеть так, словно я чего-то хочу от него. А я довольна тем, что имею, и ничего не хочу.

– Да, в ваших словах есть толика истины. – Она помолчала. – То, что вы поведали о себе, – трагично. Но это лучше того, чего я опасалась. Я подозревала, что вы притворщица. Вы сообразительная девушка, и вам вполне по плечу выду-

мать такую интригу: притвориться таксисткой, зная, что Энрике очень бережно относится к низкородью, и два месяца следить за ним, выжидая удобного случая познакомиться. А случай представился что надо. Тем более, Долорес, вы действительно не выглядите крестьянкой. У вас неплохой культурный фундамент, вы следите за выступлениями генерала Вальдеса. И вообще так выглядите, словно стараетесь понравиться нашей семье.

– Сеньора Вальдес...

– Но, конечно, – она перебила меня, подкрепив слова резким жестом, – девушка, которая мечтает сделаться моей невесткой, не станет заводить порочащих связей и тем более драться со всякими... темными личностями. Тем более – прилюдно драться. Да еще и в каком-то паршивом заведении. Пожалуй, именно это меня больше всего настораживало.

– Но, сеньора Вальдес! – огорченно воскликнула я. – Конечно же, я хочу нравиться людям. Мне в жизни не приходилось общаться с такими умными и благородными людьми, как вы, как генерал Вальдес или сеньор Энрике. Мне в школе приходилось туго, чуть что не так – и остракизм, а теперь я иногда думаю: вот Пресвятая Дева нарочно показывает мне, что жизнь бывает и другой. Правду сказать, я почти счастлива сейчас. Вы, сеньора Вальдес, и генерал Вальдес, и сеньор Энрике – вы обращаетесь со мной так, словно я ровня вам. Но я понимаю, конечно, что это от вашей вежливости,

а не от того, что я такая хорошая. Я понимаю, сеньора Вальдес, я и вправду все понимаю. Я понимаю, что сеньор Энрике действительно интересуется жизнью простого народа. Что ж, разве мне сложно рассказать ему? А так я живу сама по себе. Уж как получается. Да, приходится иной раз и драться. А что поделаться одинокой женщине? Надо держаться друзей, а там уж – один за всех и все за одного. Вы вот еще сказали – про падшую женщину. А Камила не падшая, она несчастная, у ее родителей не было денег, чтобы заплатить за школу. Но я уговариваю ее бросить это дурное ремесло. И кажется, уговорила, вот! Она недавно сказала, что встретила хорошего человека, хочет купить дом, выйти замуж и родить много детей. Она хочет быть честной.

– И вы ей верите? Проститутке?!

Я тяжело вздохнула:

– Ох, сеньора Вальдес! Самой страшно. Но ведь у кого-то же получается? Вдруг и у Камилы получится?

– Может быть. И дай Господь ей силы, чтобы вырваться из порочного круга. Но вам, Долорес, я настоятельно советую прекратить всякое общение с ней. Всякое.

– Правду сказать, сеньора, она в последние дни стала невыносима.

– Вот и не общайтесь с ней.

Через десять минут мы прибыли на место. Сеньора попросила остановиться на безлюдной парковке у красивой рощи на вершине огромного пологого холма. Вниз по склону

уходила неширокая, но хорошо утоптанная тропинка, метров через триста переходящая в узкую деревенскую улицу. Сеньора удалилась, а я вышла из машины, якобы ноги размять, и очень быстро нашла на холме точку, с которой все перемещения моей пассажирки были видны как на ладони.

В сущности, мне просто было нечем заняться. Только поэтому я надела линзы и на всякий случай засекала и адрес, и людей, которые вышли к сеньоре из дома. Дом был плохонький, сеньору встретили мужчина, женщина и двое детей – мальчик лет десяти и девочка лет трех. Женщина выглядела забитой и отчаявшейся, мужчина был типичным самодовольным хамом, мальчик брал пример с отца, а девочка еще слишком мала, чтобы характер проявился в каждом жесте.

Сеньора Вальдес явно чувствовала себя не в своей тарелке. Она держала спину идеально прямой, но ее манеры были не более чем хорошей миной при плохой игре. Хозяин дома чувствовал свое превосходство: он же заставил сеньору приехать в эту дыру, приехать одну, без прислуги и охраны. Он и вправду был хозяином – и дома, и положения. И можно не сомневаться: этот свою выгоду не упустит.

Они вошли в дом. Сначала сеньора, за ее спиной мужчина бросил на жену презрительный взгляд – и та еще сильнее втянула голову в плечи. Мальчик, перешагивая порог, оттолкнул сестренку так, что девочка упала. Ну и семейка.

Интересно, что связывает надменную сеньору Вальдес с этим выводком? Ничего приличного мне в голову не прихо-

дило. У поездки был отчетливо криминальный душок. Если бы эта темная личность – хозяин дома – сам явился к сеньоре, можно было бы решить, что Вальдесихе нужны наемники для таких дел, о каких в приличном обществе не говорят. Но она приехала сама.

Шантаж? Скорей всего. Похоже, у сеньоры бурная тайная жизнь. Интересно! Я заметила лавку зеленщика, заперла машину и пошла гулять по деревне.

Через полчаса я вернулась с корзинкой зелени и ранних овощей. Корзиночка стояла в багажнике, распространяя упоительный аромат свежести и эльдорадской весны. Надо сказать, покупка чрезвычайно выгодная: овощи здесь были вчетверо дешевле, чем на рынке в столице, а по качеству даже и получше. У меня сегодня будет необыкновенно вкусный ужин, потому что в лавке на соседней улице – ее рекомендовал зеленщик – я купила еще бутылочку домашнего оливкового масла и две бараньи котлетки. Котлетки мне завернули в три слоя виноградных листьев, причем внутренний пропитали смесью масла и уксуса, – уверяя, что это самый лучший способ хранения мяса. Я поблагодарила, но в машине все равно сунула котлетки в холодильник. Бережного Бог бережет.

А вот о том, что я услышала, подумаю после ужина. Но сеньоре я не завидовала. Честно говоря, окажись я на ее месте, выбрала бы один из двух вариантов. Или доверилась бы мужу, попросив его решить проблему тихо и надежно, или

сама наняла убийцу. Но абсолютно точно не стала бы платить ренту какому-то мерзавцу.

Сеньора вернулась через четверть часа после меня. Уставшая, опустошенная, но умиротворенная.

– Вы так и ждали меня здесь? Не отходя от машины? Вот на этом солнцепеке?

– Ну что вы, сеньора. Я сходила в деревню и обследовала местные лавки. Здесь очень дешевые продукты, и, кажется, сегодня я устрою себе настоящий пир!

– Пир, – безразлично повторила сеньора.

– О да. Ничего синтетического! Мясо, настоящие травы, немного свежих овощей и превосходное масло.

Сеньора покачала головой. Позволила себе откинуться на спинку сиденья, расслабилась. Сняла шляпку с вуалью. Жестом попросила сигарету.

– У вас неплохой вкус. Если, конечно, вы не считаете мясом курицу.

– Баранина, сеньора Вальдес.

– Неплохо, неплохо... И, конечно, вы пообщались с местными сплетниками?

Интересно, кого она хочет обмануть этим нарочито равнодушным тоном?

– Мне кажется, сеньора Вальдес, – я тяжело вздохнула, – что в этой деревне очень не любят одного человека. Мне не сказали, как его зовут. Но говорят, что к нему часто приезжают несчастные женщины из города. Они приезжают несчаст-

ными, а уезжают еще несчастнее. У этого человека очень дурная слава. Люди говорят, он никого не уважает и дерет нос.

– Так и есть, Долорес, так и есть... – пробормотала сеньора. Только тут она заметила, что вертит в пальцах сигарету. Спихватилась, прикурила, затянулась глубоко и уверенно. – Знаете, о чем я думаю?

– Нет, сеньора Вальдес. Откуда бы?

– Вы не похожи лицом на свою маму. Она хорошенькая, но по ней видно низкое происхождение, – отметила сеньора. – А вы другая. Но Боже ты мой, какая трагическая история с вами приключилась! Теперь я понимаю: вы такая странная из-за того, что общались не со сверстниками, а с немногими взрослыми, которые не подвержены предрассудкам.

Я не ответила. Сеньора всячески показывала, как она возмущена дикими нравами.

– Что же, Долорес, – сказала она наконец, – не беспокойтесь, что я стану вас осуждать. Я из тех женщин, которые полагают: дети не должны быть наказаны за грехи родителей. Разумеется, какая-то расплата бывает... Взять хоть меня. Мне приходится платить за грехи моего деда.

– О, – понимающе кивнула я. – Тогда я примерно догадываюсь, чем зарабатывает на жизнь тот мужчина с дурной славой. И почему вся деревня его ненавидит.

– Да. Раньше в эту деревню ездила моя сестра. Но недав-

но ее муж узнал, куда и зачем она ездит, и запретил ей это делать.

Врет, как дышит. Мне даже интересно стало, сумеет ли она на ходу выдумать историю, которая могла бы поспорить с моей по части достоверности.

– Боюсь, что моему мужу это тоже не понравилось бы. Но больше всего меня пугает мысль, что проведает мой сын.

Ага, в голосе появились искренние нотки. Похоже, действительно боится. Ей нужен посредник, чтобы разрулить эту темную историю, и сейчас благородная дама сделает едва ли не самую большую глупость в своей жизни – попытается купить меня.

– Конечно, сеньора Вальдес.

Она вздрогнула, сообразив, видимо, что ляпнула бестактность в присутствии незаконнорожденной.

– Долорес, я хотела бы, чтобы вы правильно поняли меня.

– О, сеньора Вальдес, разумеется, я понимаю вас. Такие грехи надо прятать от семьи, – добила я ее.

– Об этом я и говорю. О том, что вы, будучи такой же, решите, что я отвергаю... отвергаю эту семью. Тогда как дело совершенно в ином. Я уже говорила, мой сын демократичен. Он слишком демократичен, если вы понимаете, о чем я.

– Понимаю, – весело сказала я. – он уже все уши мне прожужжал о своих взглядах на общественное устройство.

Сеньора нахмурилась:

– Вы как будто смеетесь.

– Нет. Просто, сеньора Вальдес, мне все говорят, будто я простодушна. Только рядом с вашим сыном я чувствую себя стреляным воробьем, так он наивен. Он читал всех тех сумасшедших философов, о которых мне рассказывал дедушка. Мой дедушка правильно смотрел на вещи. Он сразу сказал мне, маленькой, когда я еще в школу не ходила: единственный неоспоримый закон философии звучит как «человеку свойственно ошибаться». И все эти философы, которые считают, что люди равны, они знают много умных слов, но на самом деле глупы как младенцы. Мир не зря устроен так, как он устроен. Люди не могут быть равными уже потому, что они разные. Ну как можно сказать, что солдат равен генералу?! Все равно что сказать, будто падшая женщина равна почтенной матроне. Как может быть равен преступник честному человеку, а какой-нибудь атеист – истово верующему католику? Как может тупой и ограниченный крестьянин, который мог бы чему-то путному научиться, но просто не захотел, быть равным инженеру, или ученому, или правителю?

– Все они равны перед Богом и законом.

– Мой дедушка говорил, что это иллюзия. На самом деле у них совпадают некоторые права и обязанности. Некоторые. И это совпадение не делает людей равными между собой.

– Вы понимаете, Долорес, что у вас очень отсталые взгляды? – сеньора развеселилась.

– А что с меня взять, я же деревенщина.

– Хорошо, что вы умеете подшутить над собой. – Сеньо-

ра помолчала. – Мой сын при встрече с вами действительно говорит... обо всей этой чепухе, совершенно не предназначенной для ушей юной девушки?

Я сделала вид, что смутилась:

– Не только о ней, сеньора Вальдес.

– А о чем еще? Говорите, не стесняйтесь, я же его мать.

Я замялась:

– Сеньора Вальдес, такое дело... Правду сказать, я хотела бы вашего совета. Сеньор Энрике... словом, он пригласил меня на прогулку. Верхов. Там будут его друзья, все они дети из почтенных семейств. Думаю, получится очень неловко, если я появлюсь там. Но притом я не знаю, как отказаться вежливо. Чтобы не обидеть сеньора Энрике, ведь он был так добр.

Сеньора сначала не поверила своим ушам. Несколько раз переспросила, как именно меня пригласили, уточнила детали. Покачала красивой головой. И внезапно оживилась, словно ее осенила блестящая идея.

– И зачем же вы хотите отказаться? Разве вы, деревенская девушка, не умеете ездить верхом?

– Сеньора Вальдес, я умею ездить на лошади. Люди говорили, что хорошо умею. Мне даже один раз сказали, что если я найду покровителя, то смогу стать спортсменкой. Без покровителя нельзя, это очень дорогой спорт. Но и спортсмены-конники могут легко разбогатеть. Я целый месяц мечтала, что однажды у моего дома остановится роскошная ма-

шина и старый умный человек скажет мне: Долорес, я чувствую, что ты будешь побеждать. Поезжай со мной, я сделаю тебя знаменитой. Но, конечно, все это мечты. Откуда бы в нашей глуши взялись такие люди?

– Так и в чем тогда дело?

– Я не знаю, как принято ездить на таких прогулках. Я то просто скакала, без седла даже, и еще я умею ладить с лошадами. Умею ухаживать за ними. Однажды бабушка отправила меня в конный поход через горы. Я была слишком молода для похода, и бабушка так устроила, что я ехала под другим именем. Я все время боялась забыть, что меня должны звать Вероника, а не Долорес. Но я справилась. Там был один человек в отряде, он показал мне, как научить лошадку танцевать и выполнять трюки. Он тоже сказал, что у меня хорошо получается. Он раньше был тренером, но состарился и теперь водит походы. Но верховая прогулка – это совсем другое. Там будут важные сеньоры и их утонченные дамы. И тут я – девочка из деревни. Мне кажется, надо мной все станут смеяться. Я даже не знаю, как надо управлять лошадкой на такой прогулке.

Сеньора долго молчала.

– Долорес, я помогу вам. Если вы поможете мне.

– Ох, сеньора Вальдес! Да я и так с радостью помогла бы вам!

– С чего бы такая радость?

– Так вы же помогаете незаконнорожденным. Я не смогла

сама поблагодарить сеньору Валентину, жену моего папы, за ее доброту ко мне. И я подумала, что все мы, кто знает вкус благодетеля, должны помогать благодетелям, пусть и не нашим.

– Ах вот оно что! Долорес, я скажу своему тренеру, чтобы он позанимался с вами. Если вы и вправду такая способная, то справитесь легко. В действительности ничего сложного нет. Еще я прикажу своей секретарше, чтобы она подобрала для вас каталоги спортивной моды. Купите себе хороший костюм. Я хочу, чтобы вы выглядели как приличная дама. А вы потом расскажете мне обо всем, что случится на этой прогулке.

Я помрачнела.

– Сеньора Вальдес, вы хотите, чтобы я следила за вашим сыном?

– Глупая! – резко ответила сеньора. – Я не хочу, чтобы ты шпионила за Энрике и подслушивала его разговоры!

О-о, сеньора перешла на «ты». Якобы спонтанно. Видать, решила, что у нас уже особые отношения – родственные тем, какие складываются между хозяйкой и ее доверенной горничной или секретаршей.

– Я хочу, чтобы ты рассказала мне об этих его друзьях! Я хочу знать, кто они, почему Энрике стесняется дружбы с ними и никогда не приглашает домой! – она помолчала. – Может быть, среди них есть порядочные люди. На этих обрати особое внимание. В конце концов, генерал Вальдес то-

же очень демократичен. Конечно, речи быть не может, чтобы пригласить неподобающего человека на семейное торжество. Но, может, нам пора устроить открытый прием. Туда пригласить можно вполне. Даже нужно. Но еще больше смотри на тех, кто непорядочен. Мне очень важно знать, кого нельзя пускать не то что в дом, а даже на порог.

– Хорошо, сеньора Вальдес. Это я могу.

– Умница, – она похлопала меня по руке. – Я тоже думаю, что можешь. Ты ведь таксистка. Генерал Вальдес долго служил в безопасности, и я от него много интересного услышала. Знаешь, что умных таксистов вербуют всегда? Кто-нибудь, да вербует. Чаще всего, конечно, к ним обращается криминалитет. Но с преступниками далеко не уедешь. Их вербуют еще иностранные шпионы. Очень часто. Иной раз даже перекупают у преступных воротил. Это еще опаснее, ведь если шпиона раскроют, его пособников расстреляют вместе с ним. Но я могу понять таких – романтика. Хотя и ненавижу. Нет, Долорес, это не твой путь. Если ты и вправду хочешь выйти замуж за достойного человека, имея притом не только денежное приданое, но и полезные связи, – служи людям государственным. Вот самый лучший путь.

Н-да. Интересно, как сеньора поступила бы, узнав, что вербует иностранного шпиона? Не пособника, а его самого? Почему-то мне казалось, сеньора Вальдес, услышав, что я разведчица, первым делом уточнит мое происхождение и образование. Потом со вздохом достанет пистолет из дамской

сумочки, буркнет: «Что же, не стыдно и руки замарать». Потом ей все-таки будет стыдно, потому что я обезоружу ее и объясню, что отныне она на меня работает.

Но я на службе. Служу Родине и государству. И на базе меня ждет не просто достойный, но и любящий мужчина. Я уже была за ним замужем. Но с тех пор мы оба изменились, повзрослели и изжили проблемы, которые приводили к конфликтам. Мы поженимся еще раз. И будем счастливы. Возможно, сеньора Вальдес когда-нибудь об этом даже узнает – например, если ее сына направят послом в Куашнару, и тот на приеме встретит посла Федерации с супругой...

– Конечно, сеньора Вальдес. Я сделаю все, что вы скажете.

* * *

– Приятно с вами познакомиться, – сказал мой приятный пассажир после обмена всеми необходимыми «верительными грамотами».

Он действительно оказался приятнейшим человеком. Среднего роста, средней внешности, немолод, лицо незапоминающееся, тембр голоса ласкает уши. Хосе Мигель Диэгос, наш резидент в Золотом Мехико уже больше двадцати лет, служащий Департамента образования, женат, трое детей, солидный счет в банке, загородный домик, есть небольшие карьерные перспективы.

– Удивительно, что вас не передали в мое распоряжение

до сих пор, – говорил он. – Мне давно требовался специалист вашего уровня.

– Я правильно поняла, что моя эвакуация снова откладывается?

– Мне очень жаль, Долорес, но обрадовать вас нечем. Не раньше чем через два месяца.

Я промолчала. Надеюсь, даже в лице не переменялась.

Я устала.

Я устала думать по-испански, жить по-эльдорадски, быть этнической мексиканкой. В сущности, я отлично понимала, что это последняя моя миссия в жизни. Я вычерпала свой ресурс досуха. Мне прочили долгую и успешную карьеру, но один-единственный год под началом Энстона поставил на ней крест. Жирный некрасивый крест. Шестнадцать выездов, причем мне приходилось выполнять одновременно параллельные задания, что строгойше запрещено, поскольку зачастую приводит к срыву и провалу даже у опытных разведчиков.

– Я прочел ваши рапорты. Очень хорошо, что вы так вовремя втерлись в доверие к Вальдесам.

Наверное, мне следовало бы застонать. Но я на работе.

– Конечно, мы ведем работу с младшим Вальдесом. Но до сих пор испытывали значительные трудности из-за его семьи. Особенно печально обстоят дела с его мамашей. У нее бурное прошлое, но оно неожиданно стало помехой. Мамаша опасается шантажа, поэтому тщательно контролирует все

контакты сына. Она препятствует его дружбе с некоторыми людьми, поскольку их родители хорошо, слишком хорошо знали ее саму в юности и теоретически могут догадываться о ее тайнах. Теоретически – потому что на практике им ничего особенного не известно. Да, она была весьма свободных взглядов, но кого этим удивишь? Ее в высшей степени либерального сына? Или мужа, которому все ее секретки известны? Да, я думаю, он посвящен. Кто-то ведь должен был профессионально замести следы.

Я вспомнила сегодняшнюю поездку.

– Ее шантажируют. И она не хочет посвящать в свои трудности мужа.

Я рассказала обо всем, что произошло утром. Хосе покинул:

– Да, история. Вам тоже кажется, что за этим стоит не криминал, а какой-то личный позор?

– Если только генералу Вальдесу не пришлось извлекать жену из уголовной тюрьмы, где ее и запомнил этот тип в деревне.

– М-м... Желаете заняться этим на досуге?

– Какая интересная форма приказа, – не сдержалась я.

– Это не приказ.

Он замолчал, и я не торопила его с ответом.

– Видите ли, Долорес, я не получил никаких распоряжений из штаба относительно того, как вас... применять. Мне не сообщили даже вашего настоящего имени. Странно, не

правда ли?

Мне стало немного не по себе.

– Я знаю, что вы подумали, – продолжал Хосе. – Увы, мой опыт подсказывает то же самое. Кому-то вы так крепко насолили, что от вас пытаются избавиться, несмотря на все ваши достоинства и несомненную ценность для государства.

– Удивительно, – ответила я. – Я проводила на базе так мало времени, что ни с кем не успела поссориться. Я не ладила с сослуживицами, но эти нелады – обычное женское неприятие. К тому же мои сослуживицы имели значительно меньше возможностей испортить мою жизнь, чем я – их. А у меня, в свою очередь, не было ни времени, ни желания объяснять всем, кто тут главная сука в стае.

Он вежливо посмеялся.

– Да, хорошее сравнение. Но все же?..

Я отрицательно покачала головой. Я слишком мало значила в подковерных играх штаба и командования округа. Если только у Энстона были давние счеты к Максусу... Сомнительно. Или Макс не знал, что когда-то наступил ему на мозоль. Нет, невероятно. Слишком явно меня подставляли. Энстон не рискнул бы уничтожить даже подружку другого звездного принца, не говоря о невесте или жене. Такие вещи не прощаются. А если учесть, что Макс – Берг и тормоза ему при рождении забыли установить, то Энстон должен быть полным идиотом, чтобы пойти на такой риск. Энстон тот еще подонок, как по мне, но не идиот.

– Я рискнул бы дать вам два совета и обратиться с несколькими просьбами.

– Да чего уж там, Хосе, давайте сделаем вид, что ничего не происходит, и будем работать.

– Это был первый совет. Второй – не пытайтесь уйти самостоятельно. Был неприятный инцидент несколько лет назад. Корабль, который давно ходил через кордон и, разумеется, был на хорошем счету, что у нас, что здесь, наткнулся на случайный пограничный патруль. Внеплановый облет. Патруль отчего-то принял контрабандистов за авангард эльдорадского флота и открыл огонь.

Я вспомнила совет-предупреждение моего знакомого диверсанта уходить строго через Куашнару. И не подала виду, что мне известно, как решать такие задачи.

– Понятно.

– Давайте подумаем, каким направлением вы хотели бы заняться. Веста – это хорошо, но мне кажется, для вас мелковато. Понаблюдайте за ней, а через пару недель мы построим ее в ученицы к хорошему человеку. Теперь Вальдесы... Долорес, вы можете оказать существенную помощь.

– Честно говоря, как раз ими мне заниматься не хочется вовсе. Хуже нет, когда объект влюблен.

– Я понимаю вас, Долорес. Но куда деваться? Издержки производства. Вам всего лишь надо убедить мамашу Вальдес, что некоторые из друзей ее сына – порядочные люди.

– Вы меня уговариваете?

Хосе мягко засмеялся:

– Простите.

– И считаю своим долгом предупредить: у меня началось выгорание.

– Это ваше собственное впечатление?

– Тесты на психическую устойчивость я успешно провела еще полгода назад.

– О-о, – Хосе огорчился. – Но я признателен вам за это сообщение. Не беспокойтесь, я буду учитывать ваше состояние.

– Спасибо.

– Ваш полный рапорт и по Весте, и по Вальдесам мне нужен завтра. Во вторник получите дальнейшие инструкции. Несмотря на то что положение, честно говоря, нестандартное, я уверен, мы сработаемся.

– Последний вопрос: Эдуардо Родригес.

Хосе отвернулся, глядя в окно на город, который погружался в сумерки.

– Вы недовольны им, Долорес?

– Он спит со связной.

– Ага. – Хосе покивал удрученно. – Нехорошо. Жаль. Впрочем, учитывая ваши наработки, и особенно банду Весты, мы ничего не теряем от замены связной.

– В Родригесе вы уверены?

Хосе засмеялся:

– Я даже не видел его.

Я высадила Хосе у клуба, в который он заглядывал каждое воскресенье вот уже десять лет. Во вторник нам предстояло встретиться здесь же.

Поздно ночью я сидела у окна в своей квартирке, глядела на ночной город. Бараньи котлетки давно остыли, зелень подвяла, нарезанные овощи пустили сок. Аппетита у меня не было.

Макс, бедный мой Макс.

* * *

А в понедельник я остро пожалела, что накануне потратила время на готовку вместо того, чтобы составить подробный рапорт. Такого суматошного дня не случалось давно.

Дети сеньоры Барки, три постоянных клиента Весты, а в полдень, едва я выкроила минутку на чашку кофе, прозвонилась сеньора Вальдес и непререкаемым тоном велела мчаться к ней. Я и помчалась. А потом вместе с сеньорой умчалась на другой конец города, где сеньора знала отличную маленькую конюшню с хорошим тренером.

Тренер оказался заодно и владельцем – конюшни, куска земли для свободного выпаса и шести из двенадцати лошадей. Окинув меня опытным взглядом, он велел помощнику вывести спокойного мерина-шестилетку. Минут десять молча следил за тем, как я старалась быть неловкой.

Он наблюдал за мной, а я – за ним и сеньорой Вальдес.

Ох, зря она привезла меня сюда. Тренер был лет на десять ее старше, они давно знали друг друга. Очень давно. И она держалась с ним не то что наравне – еще и питала к нему какие-то чувства. Достаточно было увидеть, как она бросила в его сторону кокетливый взгляд, как мимоходом прикоснулась к его руке... Тренер не придавал значения ее знакам внимания. Относился как к привычному элементу общения.

Через полтора часа он признал меня годным материалом и составил расписание интенсивных тренировок. Потом я отвезла сеньору домой и поехала к себе.

Не успела набросать и четверти отчета, когда позвонила Веста и чужим голосом попросила быстро приехать к Камиле. Очень быстро. Подробности, мол, при встрече.

Я накинула свободную куртку, под которой удобно прятать кобуру с пистолетом, отправила сообщение для Хосе и поехала.

Честно говоря, я готовилась увидеть труп Камилы. И Весту в заложниках. И толпу каких-нибудь бандитов. В крайнем случае пару купленных полицейских. Но все оказалось значительно хуже.

Камила была живее всех живых. Она металась по своей квартирке, как фурия. В гостиной сидела мрачная Веста, курила и монотонным голосом убеждала ее взять себя в руки. На меня взбешенная Камила бросилась с кулаками:

– Ты! Как ты посмела! Да я тебе верила!

Кажется, она забыла, что дерусь я намного лучше. Я от-

толкнула ее и сбила с ног подсечкой. Камила издала вопль и схватила нож. А так мы не договаривались... Нож я отняла, тут и Веста подскочила, вдвоем мы усадили Камилу на стул – ох и здорова коровища оказалась! – и зафиксировали кухонными полотенцами.

– Что случилось-то?

– Парень ее, Родригес, – ответила Веста. – Оказался шпионом. Земным.

– Что? – я недоверчиво распахнула глаза и зашлась смехом. Довольно нервным, подобающим к случаю. – Вы чего, издеваетесь? Да из него шпион, как из меня балерина!

– Это ты! Ты виновата! – вскрикнула Камила. Она уже плакала. – Это ты его привела! А он шпион!

Я отошла на пару шагов, сунула руки в карманы. Веста внимательно, но осторожно следила за мной.

– Послушайте, вы это... не шутите? Да быть того не может! Вы поспорили на бутылку и теперь меня разыгрываете.

– Да я тебе самой за такие шутки!.. – взвилась Камила вместе со стулом. Упала, роняя злые слезы и ругательства. – Отвяжи меня, сука! Слышь?! Тебе все равно не жить, я ж тебя сдам вместе с твоим...

Веста без видимых усилий подняла ее за шиворот, коротко размахнулась и вlepила пощечину.

– Заткнись, – негромко приказала она.

Камила отчетливо испугалась. Я отошла еще дальше, села на подоконник, достала сигареты.

– Девки, что происходит-то? – спросила оттуда. – По-человечески никак нельзя объяснить? Какие-то шпионы, какие-то угрозы...

– Ты хорошо знаешь Родригеса?

– Ты уже спрашивала. Я видела его один раз.

– А тому, кто вас познакомил, доверяешь?

– Веста, в нашем бизнесе никто не доверяет никому до конца. Все может случиться. Но Родригес – шпион... Это даже не смешно.

– Рассказывай, – велела Веста Камиле.

– Перебьетесь! Сначала отвяжите!

– Не вопрос. – Веста медленно расстегнула такую же свободную куртку, как и у меня, показала кобуру. – Поняла, да?

У Камилы расширились, а потом сузились глаза:

– Так вы что, заодно?

– Друг с дружкой – конечно, – согласилась Веста. – Но только своего гнилого приятеля к нам не примазывай. У нас свой бизнес. – Помолчала. – Мозги на место встали? Нормально говорить способна?

Камила скрипнула зубами, но истерику свою задавила. Веста развязала ее.

– А теперь повтори для Долорес то, что сказала мне.

Я старательно делала вид, что не врубаюсь в происходящее. Не верю. Шпионы – они только в книжках бывают, да еще в государственных новостях – всякий раз перед очередным повышением налогов отлавливают десяток-другой та-

ких «шпионов». Но при этом я показывала, что до меня медленно начинает доходить: а дело-то швах. Потому что вместе со «шпионом» гребут и всех его знакомых. А знакомые, между прочим, отнюдь не ангелы, и проблем с законом у каждого выше крыши.

Камила рассказала. Влюбленный в нее Родригес предложил ей сегодня руку и сердце. А когда она радостно согласилась, добавил, что жить придется за кордоном, поскольку он разведчик. Но там жить намного лучше. К тому же там никто не знает, чем занималась Камила в Мехико. Опять же, ему обещали хорошие деньги за диверсию на одном из военных заводов. Диверсию он должен устроить через две недели, и сразу после этого они с Камиллой вылетят в сторону Земли.

– Чушь какая-то, – сказала я. – Камила, он тебе лапши на уши навешал. Ну ты сама подумай – какой диверсант станет доверяться подружке, которую знает неделю?

– А он считал, что я все знаю! Раз передаю его шифровки! И ты... – Камила уставилась на меня.

– Тогда уж и я, – заметила Веста. – Камила, я тоже думаю, что парень наврал. На сочувствие тебя разводит. Он самый обыкновенный альфонс.

– Нет! Он доказал! Он показал мне чипы на несколько разных имен! И допуск на тот завод! А я вот пойду и сдам его полиции!

– Полиция такими вещами не занимается, – озабоченно сказала Веста. – Про чипы ты не говорила. Чипы – это уже

серьезно.

Следующие двадцать минут мы вытаскивали из Камилы новые подробности. Мне пришлось сознаться, что я участвую в схеме доставки мелкой контрабанды, и человек, который попросил меня свести Родригеса с Камилой, – бывший пират, сменивший разбойный бизнес на дело поспокойнее и безопаснее. Пираты долго не живут, это всем известно.

Камила еще разок проплакалась, выпила полстакана дешевой водки и с жаром сообщила, что она шлюха, но не изменница. Она настоящая патриотка, а не какая-то там. И ведь она ему верила, а он оказался мерзавцем...

Поразительно, как бывают глупы женщины, если их поманить обручальным кольцом.

– А ты проверь его любовь, – вдруг посоветовала Веста. – Пусть он перейдет на нашу сторону. Согласится – значит, действительно любит тебя.

– Да мне он не нужен!

– Дура, – сказала Веста. – Если он ради тебя изменит родине – да это же подвиг! А он небось еще и с хорошим образованием – разведчиков учат на совесть. То есть он без работы никогда не останется.

– И ты предлагаешь мне жить с нелегалом? Ищи другую дуру.

– Почему? Он пойдет и сдастся контрразведке.

Камила опешила:

– И чем это лучше?

– Для тебя – тем, что он получит гражданство, что ты будешь знать его настоящее имя. Может, он и на работе в контрразведке останется. А для нас – если он сдастся, нас не тронут. Он же сам назовет своих поделельников.

Я молчала. Веста порола чушь и несла бред. Но Камила ее слушала. Идея ей нравилась. Мне – нет, но другого выхода не остается. Я вышла на кухню, якобы сварить кофе, отправила глубоко зашифрованное сообщение на секретный номер Хосе. Формальности надо соблюдать, даже когда решение известно заранее.

В кухню бесшумно вошла Веста.

– Камила вызванивает своего красавчика, – шепнула она. – Ты уезжай. Я справлюсь.

Я не переменялась в лице, вообще не показала, что удивлена.

– Тебе-то какая выгода?

– А такая, что меня загребут в любом случае. Мне было шестнадцать, и я влюбилась в одного... А он был из агентурной сети. Его сдал такой вот перебежчик. Мой... он так и не заговорил. Умер под пытками. Меня тоже допрашивали. Мне повезло больше: всего-то год по тюрьмам. Потом нашелся хороший человек, помог сменить имя и уехать сюда. Но меня засекретили не слишком-то качественно. Еще бы, я не какая-то важная птица. И если Родригес пойдет сдаваться, меня тоже зацепят.

– Дурацкий план.

– У тебя есть поллучше?

– Конечно. Его предложит Камила.

Веста несколько секунд подумала:

– Ты надеешься, что она вспомнит о твоём знакомстве с Вальдесом? Факт известный, подозрений не вызовет, под этим предлогом мы выведем этих двоих из дома и заманим за город...

– Никаких «за город». Камила дура, но Родригес-то разведчик.

– А где?

– Набережная Франца.

– О! Между прочим, если знать, как там стоят камеры...

– Я знаю. А вот Камила не знает, на какой машине ты едешь.

– Не знает, – подтвердила Веста. – И?..

– Угони.

Веста прищурилась:

– Родригес слишком осторожен, чтобы сесть в нашу машину или посадить нас в свою. Поэтому мы поедem на твоей, а Камила – с ним.

– А потом мы «сломаем» у него перед носом? Долорес, дешёвый трюк. Он не поведется.

– Повеется. Он же не знает, что на этой набережной почти нет камер.

– А потом нам с этой набережной топать через половину города за своими машинками, которые мы бросим здесь. Я

верно поняла, что мы бросим их здесь?

– У тебя девчонок в банде мало? Попроси отогнать на любую парковку километрах в трех-четырех от набережной.

– И ночью две женщины, куда-то идущие пешком, будут заметны, как...

– Как две подруги, которые на рассвете занимаются оздоровительным бегом.

Веста с кривой усмешкой потерла раненый бок, намекая, что в ее положении только спортом заниматься. В кухню вплыла Камила. На личике, смазанном дорогим кремом, таили следы слез и разочарований. В руке она держала рюмку с водкой.

– И долго вы будете секретничать? – с подозрением спросила она.

– Не люблю принимать лекарство на глазах у всех, – парировала Веста.

– Ты больна, что ли? Надеюсь, это не заразно.

Веста молча задрала рубашку и показала шов, оставшийся после ранения. Камила поперхнулась водкой.

– Это...

– Это часть нашего с Долорес бизнеса. Контрабанда разная бывает. За какую-то можно срок схлопотать, а за другую – пулю.

– Тьфу, не желаю ничего об этом знать. Меня вообще не волнует, как вы живете. Хотя, конечно, я кое-что придумала. Взаимовыгодное. Вы хотите, чтобы вас не тронули. А я хо-

чу, чтобы все прошло гладко. Долорес, я почему-то уверена, что твой знакомый Вальдес охотно поможет папочке разоблачить шпиона. Ну, мы понимаем, в каком смысле. Эдуардо очень много знает.

– Я примерно это и хотела предложить. А Родригес – все, согласился? – спросила я.

– Конечно! – Камила рассмеялась. – Разве он может отказать мне?

– Знаешь, все-таки шпион. Мало ли что, – я покачала головой.

– Просто я, в отличие от тебя, умею вызывать любовь у мужчин.

– Камила, любовь любовью, но все-таки мы настаиваем, чтобы с тобой постоянно находился кто-то из нас. Я или Веста. Хотя бы до тех пор, пока Родригес делом не подтвердит свои намерения. Пусть он встретится с Вальдесом, и не с младшим, а с генералом. Мне, кстати, Энрике для этого не нужен, у меня есть визитка генеральского секретаря. Потому что, Камила, ты на Родригесе уже обожглась. Ты умница, но его ложь не распознала. Ты ведь не поняла, что он шпион? То-то и оно. Я не верю ему совсем. И даже думаю, что шпион – это не самое худшее. Хуже, если он лжец или подсадная утка. У нас нет аппаратуры, чтобы проверить его чипы, или что там у него. Пусть этим занимаются специалисты вроде генерала Вальдеса. Вот когда он подтвердит, что Родригес действительно тот, за кого себя выдает, – тогда пожалуйста.

А до тех пор мы тебя одну не оставим.

– Сказала бы уж прямо – боишься, как бы генералу про тебя чего плохого не шепнули. – Камила скривила губки: – Тоже мне, подруга.

– Я генерала не боюсь, и выгоды от него мне тоже никакой, – сказала Веста. – Долорес права. Мужчинам не стоит доверять слишком уж сильно.

– Да мне же веселей в компании будет. Кроме того, женщинам тоже сильно доверять не стоит. – Камила допила водку в рюмке. – Особенно если у них в перспективе выгодный брак. Так что я тоже хочу, чтобы Долорес была со мной. Так и быть, пусть у меня поживет. Можешь прямо сейчас звонить Вальдесу.

– Сначала я хочу убедиться, что Родригес – ценная фигура.

– А мне ты не веришь?

– Камила, ты хоть раз в жизни настоящего шпиона видела?

– А ты, конечно, в свои-то двадцать видела их десяток.

– Она – нет, – сказала Веста. – Зато я видела. Он был настоящий землянин. С Земли. А знаешь, где я это узнала? На допросе, куда притащили тех, с кем он общался. В том числе и меня. Потому что он сам на допросе умер, так и не заговорив. Вот и трясли всех, кто случайно или намеренно оказался рядом. Только ничего не узнали. Он не болтал, как твой Родригес. А еще я повидала достаточно подсадных уток. Вот

они – они болтали много и охотно. И домик у них прямо на самой Земле, и счет в банке, и гарантированная пенсия выше, чем оклад у нашего полковника, и семья, которая с распростертыми объятиями примет беженку из Эльдорадо, у которой ни гроша... Камила, на Земле живет четыре миллиарда душ. Ты представляешь, какая там теснота?! И сколько там стоит домик?! И какие там цены вообще на все, потому что никаких производств на Земле нет давно, все тащат из колоний?! И как родители любого парня, у которого есть офицерский чин и гарантированная пенсия, придираются к девчонке, положившей глаз на их сыночка?! Они ж видят в ней хищницу, решившую через постель устроить себе безбедную жизнь. Вот я и хочу сама послушать Родригеса. Странно мне, что он так легко согласился остаться здесь. То он звал тебя туда, обещал райские кущи, то сам готов остаться в Эльдорадо. Непоследовательно.

– Ему нужна я, а я за кордон – ни ногой.

– И это повод мужику, разведчику, стать тряпкой? Камила, он ведет себя очень странно. Давай уж послушаем. Тебе же не нужен мошенник? Долорес права, даром что моложе нас всех. Надо сначала убедиться, что он тот, за кого себя выдает. А потом уже думать, как вам помочь.

– В любом случае – сейчас ночь. Все нормальные люди спят, – напомнила я. – Если их разбудить, вряд ли они безумно обрадуются. У нас есть несколько часов, вот и поговорим. А ближе к утру, когда важные люди и так поднимутся на ра-

боту, я побеспокою кого надо. Секретарь генерала Вальдеса просыпается в четыре утра, потому что генерал – ранняя пташка, он в пять уже пьет кофе и читает утреннюю газету.

– Ты уже и домашний распорядок узнала. – Камила фыркнула: – Ври потом, что у тебя нет далеко идущих планов.

– У меня есть далеко идущий план получить работу в этом доме, дура! – не выдержала я. – Личным водителем сеньоры! Скажи еще, что плохая работа. И план, в отличие от замужества, реальный и выполнимый!

Камила сдулась.

– И поверь мне на слово, – ехидно добавила я, – мне тоже крайне выгодно привести к генералу перебежчика. Я сразу получаю кредит доверия. Именно поэтому мне не хочется ошибиться и подсунуть ему афериста или, того хуже, шизофреника, который в бреду возомнил себя великим шпионом.

– Ладно, вы меня убедили. В конце концов, правда никуда не денется. Он через час приедет, – сказала Камила. – Говорите, мне не жалко.

– Через час? – переспросила Веста. – Тогда я успею выполнить один заказ сама. Хорошо, что я не отдала его Мануэле, а то мне деньги тоже нужны. Надеюсь, вы без меня не соскучитесь.

Веста уехала, а я осталась. И целый час слушала пьяную Камилу.

Удовольствие, прямо скажем, ниже среднего.

Потом я получила ответ Хосе, и настроение испортилось

окончательно.

Обычно предателя стараются захватить и вывезти на базу для суда. Судьба опасных свидетелей, как правило, менее радужна, хотя возможны варианты. Я выбрала набережную Франца именно потому, что там легче всего организовать похищение, инсценировав убийство, или еще что, впрочем, это уже не мои проблемы, а непосредственных исполнителей.

Хосе с прискорбием сообщал, что исполнителей у него нет. И возможности эвакуировать предателя – тем более. А рисковать мы не можем. Обыск в квартире предателя он, так и быть, проведет сам, уничтожив компрометирующие следы. Но все остальное ложится на мои хрупкие плечи. Убежище для меня в случае каких-либо последствий он предоставит.

Ну спасибо.

* * *

Родригес по-прежнему казался милым. Он ничуть не изменился, в отличие от Камилы. И на вопросы ответил вполне чистосердечно.

– Да я в жизни не думал, что пойду в армию! – Он даже посмеивался. – Я окончил Джорджийский университет, имею степень магистра, у меня до недавнего времени была прекрасная, спокойная работа и замечательные перспективы. Нет, именно домика на Земле у меня нет. Была квартира, крохотная, на Кубе – нет, не колония Новая Куба,

а настоящая, земная Куба, это такой остров в Карибском море. Квартира принадлежала моему прадеду. Я там бывал несколько раз в детстве. Да, я был единственным наследником. Жить в ней я не планировал. На Земле безумно дорогая жизнь. Лучше продать недвижимость и купить нормальный дом для большой семьи где-нибудь в колонии первого радиуса. Я привык жить скромно, откладывал деньги. Потом мне предложили другую работу. В корпорации «АстелТех». Она производит оборудование для внешней обороны...

И не только, могла бы добавить я. Еще очень много такого, что было бы весьма интересно для Эльдорадо. Да уж, Родригес не преувеличивал свою ценность.

– Я получил высший допуск для работы с секретными документами. А через три года, когда я уже закрепился и надеялся на повышение, умер мой отец. И я узнал, что по уши в долгах. Я никогда не задумывался, как живут мои родители. Я ушел из семьи очень рано, как только стал студентом. Почти не общался ни с кем. И вдруг мне приходит вызов в суд. Я не был готов и проиграл суд. Моя мать и брат через суд отказались от всех наследственных прав. Та квартирка на Кубе стала моей собственностью, впрочем, согласно завещанию деда. А вместе с нею – астрономические долги отца. Стоимости квартиры и всех моих сбережений не хватило, чтобы покрыть их. И тут я случайно встретил университетского приятеля, он подсказал выход. Завербоваться в армию. И не абы куда, а... Словом, так я оказался в четвертом

округе. Я прошел все тесты по специальности, я имел личную безупречную репутацию, и мне предложили: пять лет по контракту. Эльдorado. За пять лет я расплачиваюсь с долгами и вновь обретаю финансовую свободу. Конечно, все это очень грустно. Но для меня это был единственный выход. Я подписал контракт. Три месяца в учебке, это обязательно, я же не владел некоторыми методами, которые используются в разведке.

Разумеется, я писала его исповедь на чип. Технический специалист, ха-ха. Три месяца в учебке. Даже не заметил, что я пишу его.

– Я быстро понял, в какую ловушку угодил. Я удивлялся, мне казалось, что разведка – это такая особая область войны, для которой людей готовят сызмальства. Ведь, чтобы успешно работать в Эльдorado, мало быть профессионалом на гражданке. А я... Фактически у меня было только два преимущества. Я этнический кубинец, конечно, у нас в семье все говорили по-испански, и хотя наш диалект отличается от эльдорадского, я быстро подстроился. Внешность у меня подходящая. И я инженер. Я легко могу разобраться в эльдорадских ноу-хау, могу грамотно слить дезу... знаете, есть такой прием, хитрый. Когда инженеры понимают, что какие-то исследования – это тупиковая ветвь, то разработку аккуратно сливают противнику. Разумеется, замаскировав некоторые моменты таким образом, чтобы противник не понял – это тупик. Он будет вкладывать средства, время

и силы в разработку, с виду очень перспективную, и все это будет потрачено зря. Тогда как стоящие направления не получают должного финансирования и из-за этого могут заглохнуть. Очень старый, но надежный и изящный метод, как по мне. Я мог бы этим заниматься весьма успешно. И удивился, когда узнал, что меня наняли для диверсионной работы. Это совсем не то, чем я ценен. К тому же это очень опасно. Когда я попытался изложить свои размышления командиру, меня... мне объяснили, что размышлять вредно. Меня наняли не для того, чтоб я тут размышлял.

Четвертый округ, могла бы сказать я. Просто четвертый округ.

– Я узнал, что в нашем округе – самая высокая смертность в разведке. Это было ужасно. Я осознал, что в глазах руководства ничего не стою. Мясо. Вербовщики, среди которых был и мой университетский приятель, разбросаны по всей Федерации. Они ищут людей вроде меня, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Это намного дешевле, чем много лет готовить уникального специалиста, даже и диверсанта. Никто из таких, как я, не продержался и года. Кто-то погиб. Кто-то уцелел, но попытался расторгнуть контракт и пожалел об этом, оказавшись в худшем положении, чем был до того. Никого в штабе не волнуют переживания исполнителей – дураков по галактике еще много. У меня хватило ума промолчать. То, что творится в четвертом округе... это подсудное дело, по командующему трибунал плачет, он там

живет как феодальный царек. Ему никто не указ. И военный министр пляшет под его дудку. Какие сплетни ходят про нравы в кругах, близких к командующему, я не буду рассказывать, вы женщины, пожалею ваши уши. Я представить не мог, что такое в нашей стране возможно. Круговая порука, воровство, взяточничество, коррупция сверху донизу... Командующий имеет хорошую долю в пиратстве и контрабанде...

А ведь из него мог бы получиться разведчик. Если бы у него была другая душа.

– Конечно, вам трудно понять мои мотивы. Эльдорядцы совсем иначе относятся к своей родине, они умрут, но не оставят ее. Только поймите, я не родину бросаю, я расстаюсь с отвратительным государством. Я не могу любить государство, которое терпит клоаку в четвертом округе. Оно предало меня раньше, чем я его. Оно отказалось от меня. Отшвырнуло, как отбросы. Хотя я не был ни преступником, ни даже аморальным типом. Поэтому... – Он погладил Камилу по руке и ласково улыбнулся. – Я сам не ожидал, что все так получится. Но я встретил женщину, которая... Моя мать меня предала, предала родного сына. А Камилла – она другая. Она за свою семью будет драться до последнего, не считаясь ни с кем и ни с чем. Я всю жизнь мечтал встретить такую подругу. Но встречал лишь женщин, подобных моей матери – законченных эгоисток, которые даже из своих детей пытались получить выгоду для себя... Да и Эльдорадо неплохо выглядит.

Не буду врать: на Земле и в колониях первого радиуса, да даже второго и местами третьего жить намного комфортнее. Эльдorado кажется очень отсталым по сравнению с Землей. Здесь нравы, которые на Земле сочли бы средневековыми. Технически тоже будто позапрошлый век, словно вы после Рассеяния даже слегка деградировали. Это все правда. Но при этом здесь есть некая чистота, которая в Федерации, как мне кажется, уже утрачена. Да, я предложил Камиле сначала уехать со мной. Мне пришлось бы очень трудно, потому что годы, на которые я заключил контракт, я обязан отслужить. Камиле пришлось бы жить со мной на базе. Там небольшой городок, но по уровню комфорта жилья – ничуть не хуже этой квартиры. А за пять лет, уже чуть меньше, она смогла бы получить гражданство и стартовое образование. А у меня появился бы мощный стимул выжить. Я достаточно хитер, чтобы уцелеть – если у меня есть к чему стремиться. Я не эгоист, и мне трудно бороться за себя одного. За семью я боролся бы как зверь...

Я понимала его. Отлично понимала. Я тоже прошла через разочарование и крушение иллюзий. Но не сочувствовала ни капельки. Чтобы обеспечить свое маленькое счастье в Эльдorado, Родригес готов продать десяток-другой людей – тех, кого успел узнать, тех, кого видел в учебке, про кого слышал. Все они погибнут, пока он будет обживать домик в Мехико и наслаждаться профессиональными ласками Камилы.

– Остаться в Эльдorado – это выход для меня. Да, мне при-

дется пройти массу неприятных процедур в контрразведке. Ничего страшного. Зато я навсегда избавлюсь от проклятой финансовой зависимости, я смогу начать жизнь с чистого листа. Я даже особенным каким-то предателем себя не ощущаю. Земля никогда не завоюет Эльдорадо. У нее нет такой цели. Ее устраивает хаос и беззаконие на этой территории – в качестве очага напряженности для Куашнары и Шанхая. Она хочет обессилить Эльдорадо, превратить его в пиратское гнездо. Тогда Куашнара и Шанхай будут тратить силы на защиту себя от разбойников, вместо того чтобы вытеснять землян с Твари. Некрасивая цель. С другой стороны, Эльдорадо никогда не добьется победы над Землей. Не то соотношение сил. Все, что может сделать Эльдорадо, – добиться перемирия и фактического признания своей независимости. Я действительно хороший военный инженер, и я могу помочь своей новой родине в достижении этой благородной цели. Иногда мне кажется, что вся эта череда невероятных совпадений – я встретил Камилу, а у ее подруги есть связи в контрразведке, – это указание свыше. Может, Бог привел меня на этот путь.

Высокие цели, ага. И красная дорожка к пьедесталу везунчика – не ковравая, а кровавая.

– Ну что, вы убедились? – высокомерно уточнила Камилла. – Все в порядке? Долорес, звони этому секретарю.

– Я пошлю ему письмо, так будет вежливо. Прямо сейчас. Если он готов говорить, он сам перезвонит. Я не стану, ра-

зумеется, сообщать подробности.

– Я бы предложил свои формулировки для этого письма, – сказал Родригес. – Все-таки никто из вас не знает, что именно нужно сказать, чтобы нужный человек заинтересовался сразу.

– С радостью, – фыркнула я. – Чего никогда не умела – это писать письма.

Родригес продиктовал несколько строк. Я отправила их вместе с записью его исповеди по адресу Хосе, предложив ему сыграть роль генеральского секретаря.

Все расслабились. Камила снова выпила водки – она начала трезветь, и состояние это ей не нравилось. Сказывалось и пережитое волнение.

– И еще кое-что, девочки, – сказал Родригес. – Вы мне помогаете, и я хочу отплатить вам добром. Когда я улетал с базы, начштаба предупредил меня, чтоб я не глумил. Он имел в виду, конечно, что я могу струсить. Я не трусил, но это первая моя миссия, и я изрядно беспокоился. Он счел, что я боюсь. Видать, для придания мне храбрости он сказал, что в Золотом Мехико почти постоянно находится уникально опасная тварь. Делла Берг. Молодая женщина, ей лет двадцать пять, наверное. Точно не знаю, исхожу из того, какой у нее был боевой опыт. Вот она – профессиональный разведчик. Военный университет Мадрида как-никак. Элита. До того как ее отправили сюда, она ходила на зачистки в наши мятежные колонии. Знаете, что такое зачистка? Ко-

гда очаг бунта сначала подавляется с воздуха, а затем по земле идут люди и физически уничтожают все живое. Считается, что уничтожаются только потенциально опасные объекты, но во время гражданских бунтов опасность может исходить даже от ребенка с камнем. Поэтому – сами понимаете. Я перебежчик, и она постарается ликвидировать меня. Вместе со свидетелями. Предположительно она маскируется под таксистку – самая удобная работа, чтобы колесить по городу, оставаясь неприметной. Будьте осторожны.

Мы с Вестой переглянулись.

– Не та ли бабища, которая меня подстрелила? – задумчиво спросила Веста. – Эдуардо, как она выглядит?

В Весту стрелял мужик. Я отметила ее ход.

– Я не видел ее. Но это не имеет значения, она умеет маскироваться. И имя у нее другое, конечно. Даже несколько имен.

– Если воевала, то у нее приличный рост и мышцы, – изрекла Камила. – Мелкая слабачка не справится с армейской нагрузкой.

– Ну точно, та бабища. Правда, выглядит она на полный тридцатник, – покивала Веста.

– Знаешь, у кого можно наверняка узнать? – Я потеряла подбородок. – У сеньоры Перес. Она же собирает информацию обо всех молодых таксистках. Какой бы ни была эта Деллия Берг...

– Делла, – немедленно поправил меня Родригес. – И не

зацикливайтесь на имени, у нее должны быть другие личины.

– ...она должна где-то арендовать машину. Все время на угнанной кататься не будешь, покупать накладно, тем более что ей наверняка нужно несколько машин – по одной хотя бы на каждую личину. Эдуардо, я правильно рассуждаю? Так вот, сеньора Перес знает все про всех женщин. А там генералу Вальдесу придется только проверить биографию каждой. Это легко, и невинные не пострадают, потому что контрразведка просто даст запрос по месту рождения. Я знаю, ведь меня проверили, прежде чем разрешить встретиться с генералом. Все было вежливо, даже кофе принесли. Я сообщила свои данные, начальник охраны дал запрос и получил ответ. Вот так! – произнесла я с гордостью. – И никаких проблем!

– Это у тебя никаких проблем, – усмехнулась Веста. – А все твои знакомые порядком перепугались, когда личная охрана генерала и его старые друзья принялись уточнять твою биографию.

– А ты представляешь, какую выволочку мне потом устроили?! – возмутилась я. – Они даже про ту драку, когда мы с тобой познакомились, пронюхали! Ничего не скажешь, вот уж кто у нас работает профессионально, это контрразведка. Главное, я дар речи от неожиданности потеряла: на каком основании мне указывают, как жить и с кем общаться? Но решила, что умнее будет промолчать. Вдруг действительно мне повезет получить работу у Вальдесов. Было бы чертовски хорошо.

Родригес улыбался и гладил Камилу по руке. Нервничал, бедолага. Гладит и гладит. Скоро мозоль ей натрет.

Звякнул мой чип. Я проверила – ответ от Хосе. Подтвердил ликвидацию.

– Ну?! – Камила подалась вперед.

– Спрашивает, удобно ли мне говорить сейчас и где перебежчик, рядом со мной или нет. Что отвечать?

– Скажи, что в данный момент нет, но я приеду на встречу сегодня утром. И включи громкую связь. А видеоканал отруби, незачем ему меня видеть. Пока.

Я кивнула и написала ответ. Нужный. Переключила на громкую связь. Через минуту Хосе перезвонил.

Вальяжный голос, строгие формулировки – он звучал, как настоящий генеральский секретарь. Сообщил, что известие заинтересовало генерала Вальдеса. Личную безопасность гарантировать можно, но при условии максимального содействия со стороны Родригеса. Выразил надежду, что перебежчик отдаст себе отчет в том, на какой шаг решился, и понимает: работать с ним будут самые квалифицированные следователи. Обвести их вокруг пальца не выйдет. Тем не менее государство готово пойти навстречу человеку, желающему получить убежище. Генерал Вальдес встретится с перебежчиком сегодня, в пять утра, в своем доме. Пароль для проезда в дом я получу через десять минут почтой.

Родригес остался доволен, но все-таки проявил немного паранойи.

– Не забудь сообщить мне этот пароль.

– Размечтался! – обрадовала его я. – Эдуардо, ты – земной шпион. И мало ли что у тебя на уме. Может, ты выдумал такой хитрый ход, чтобы убить генерала? Втерся в доверие к Камиле, к нам, а только мы уйдем – сообщишь пароль банде живодеров. И страшное убийство свалят на меня, потому что это я договорилась о встрече и кому-то сдала пароль. Нет уж. И в твоей машине мы не поедem, не надейся. Мы поедem на своей, а ты – за нами следом.

– И я не удивлюсь, если генерал живет далеко за городом? – Родригес позволил себе шуточный тон.

Я растерянно похлопала глазами:

– За городом? Почему это? Он в Родниках живет. Отсюда ехать до Аллеи, там по набережной Франца, через мост Святого Доминика – на Большой проспект. Ну и до поворота в Родники. Два шага, можно сказать.

– Через центр города, значит... Хорошо. Но я попросил бы одну из вас поехать со мной в машине.

О, хочет взять заложницу.

– Я не поеду, у меня пароль. А вы сами решайте.

– А я не хочу ехать в твоей тесной машине, – заявила Камилла. – К тому же...

– К тому же всем понятно, что ты не оставишь своего жениха наедине ни с одной другой женщиной, даже если она и вполонину не так хороша собой, как ты, – закончила Веста. – Можно подумать, мы еще не поняли, насколько ты ревнива.

Эдуардо, ты, кстати, обрати внимание – тебе с этой ревнивицей жить и жить.

– Ничего страшного. Я не собираюсь давать ей повода для упреков.

– Тогда едем? – Я встала. – Чем быстрее начнем, тем быстрее закончим. А я хотела бы еще пару часов поспать перед дневной работой.

Мы спустились на парковку. Моей машинки уже не было: Мануэла отогнала ее к моему дому. Родригес усадил Камилу в свою «Найну», а мы с Вестой направились к темно-зеленой «Квадре».

Через полминуты наш маленький кортеж отправился в путь.

* * *

– На месте Родригеса я поехала бы в Родники кружным путем, и без нас. Встретились бы перед воротами, – сказала Веста.

– Он боится упускать нас из виду.

– Думаешь, все-таки не верит?

– На его месте верить нельзя. Никому. Он даже Камиле не верит.

– Но взял ее к себе.

– Потому что отлично понимает – она дура. Он взял ее как заложницу, думая, что мы поопасаемся за ее здоровье и

не станем делать глупости.

– Где его тормозить?

– Напротив фонтанчика на платановой аллее. Знаешь?

– С русалкой, которая больше похожа на беременную горбушу?

Я хохотнула:

– Какая точная характеристика.

– Ты пристегнись, я кое-что придумала. Чтобы он не смог нас объехать, когда мы встанем.

Я покосилась на нее – она не пристегнулась. Тогда я просто вынула пистолет из кобуры, достала и навинтила на ствол глушитель.

– Уверена, что я не лучше? – только и спросила Веста.

– Веста, я не знаю, чего ты стоишь как стрелок. Я даже не о трусости. Я не знаю, сдашь ли ты хотя бы полицейские нормативы по стрельбе. Приходилось ли тебе стрелять по живому, не говоря о людях. Не дрогнет ли у тебя рука.

– Нормативы – ты права, вряд ли сдам. Особенно на скорость. А человека я два года назад убила. У меня была самооборона, но все-таки. То, что сейчас... для меня это тоже самооборона. Хочешь, отдам тебе свой пистолет?

– Зачем?

– Чтобы ты была уверена: я не выстрелю тебе в спину.

Намек я поняла. Впрочем, Веста свою позицию обозначила еще дома у Камилы.

– Веста, «Квадра» – хорошая машина. Ты на ней до этого

ездила?

– Возила одного типа. Он требовал, чтоб возили непременно на его машине. Кстати, только не смейся...

– Представляю, как он тебе насолил.

– Да уж насолил.

– Я вижу, ты регистратор отключила.

– И самописец.

– А резервную систему?

Веста не ответила.

– Резервный чип в одном блоке с основным. Вынуть его быстро не получится. Даже с инструментами – две минуты. Проще всадить пулю в «мозги». Вот для этого тебе пистолет и понадобится.

– Ты даже такие тонкости знаешь. – Веста фыркнула: – Деревенская простушка, два месяца как в такси. Я девять лет, и не знала.

– Я ж говорила, что собиралась работать в полиции. А я девка любопытная и основательная. И память хорошая. Особенно на всякую чепуху вроде устройства разных типов и моделей машин.

Веста покачала головой:

– Знаешь, что мне покоя не дает? Эта женщина, про которую рассказывал Родригес. Представить не могу – женщина ходит на зачистки...

– Веста, он же сказал – она разведчик. Выпускница элитного университета. То есть – офицер.

– И чего?

– Наши офицеры разведки участвуют в зачистках? Ходят и стреляют?

– Гм.

– И почему ты думаешь, что у землян армия устроена по-другому?

– Ну, мало ли.

– Да везде одинаково. Офицер-разведчик – он такой же командир, как и любой другой офицер. Руками он делает только то, что солдаты не могут. Да, диверсионно-разведывательные группы есть, и бывает, что с участием офицера. Но они работают перед налетом с воздуха – и не на зачистке, естественно. А зачистку проводит обычная пехота. С какой стати разведка будет вместе с пехотой отстреливать мятежников? Задача разведки – установить, как вооружен противник, найти его опорные пункты...

– Тоже верно. – Веста помолчала, усмехнулась: – Не стоит, конечно, сейчас об этом спрашивать... Я долго гадала, кто ты. Пираты? Ох, если ты такая, хотела бы я поглядеть на твоего босса.

– Его здесь нет.

– Он... там? – Веста показала глазами на потолок.

– Естественно. Дурак он, что ли, сюда соваться? Насовался уже, в молодости. А сейчас живет себе на Твари, прикидывается уважаемым гражданином и в ус не дует.

– А ты бывала за кордоном?

Я кивнула.

– И как там?

– Да так же, как и здесь. Только люди на другом языке говорят. Моды другие. А так... Веста, люди везде одинаковые. Не знаю, может, только Шанхай чем-то и отличается. А вот в Куашнаре мне понравилось. Когда денег подкоплю, уеду жить туда.

– В Куашнаре и я бывала. Давно. Еще когда сама... – Веста нервно засмеялась. – В общем, встретились две пиратки. Понятно теперь, чего ты так легко приговорила и Родригеса, и Камилу. Международное пиратство всего лишь рангом ниже шпионажа.

– Веста, а как сюда попадают все эти шпионы? – Я поморщилась. – Они ж на наших кораблях и прилетают. И попробуй откажись их везти. Тебе на той стороне тут же кислород перекроют. Ты ж понимаешь, в наше время невозможно вести бизнес так, чтоб государственный человек не имел в нем свою долю. А у государственного человека бывают не только личные, но и государственные интересы. Вот и приходится... искать компромисс.

– Кому ты объясняешь...

Мы выехали на Аллею. Я бросила взгляд на монитор внешней камеры: Родригес не отставал.

– Как ты думаешь, не стоит ли разыскать эту женщину? – спросила вдруг Веста. – Ну, землянку. Предупредить. А то мало ли, кому еще ляпнул Родригес.

– Ты ее не найдешь.

– А ты?

– И я тоже. Но я знаю, кому шепнуть, чтоб ей передали: ее персоной на базе пугают морально неустойчивых инфантилов с комплексом детской обиды на мамочку. Возвращаться-то она будет всяко на одном из наших кораблей.

– Интересно, как она выглядит. Настоящий земной разведчик. Женщина.

– Как угодно. Веста, по нас с тобой можно сказать, чем мы занимаемся?

– По тебе – точно нет. Если, конечно, не окажешься в сложном положении. Так тогда и по мне видно.

– А почему ты думаешь, что у разведчика не хватит мозгов замаскироваться еще лучше пираток?

– Мне нравится, как ты думаешь о людях... Готовность – десять секунд.

– Есть, десять секунд!

Впереди показался тот самый столб, у которого едва не погиб Энрике Вальдес. Похоже, этому столбу все-таки на роду написано стать чьим-то могильным памятником.

Я сгруппировалась.

Веста дала по тормозам.

* * *

Занимался рассвет. Кажется, сегодня будет пасмурно.

Родригес все понял, когда Веста резко затормозила, а потом еще и дала задний ход, врезавшись в его машину. Понять-то понял, только он действительно был гражданским. Когда требуются наработанные до автоматизма навыки боя, это важно.

Вместо того чтобы стрелять, он выскочил из машины и побежал. Типичная реакция неподготовленного человека, у которого скрытая клаустрофобия. Вторая типичная реакция у людей, которым клаустрофобия не грозит, – это закрыть голову руками.

Он успел сделать десять или двенадцать шагов, когда его догнала пуля. Проходя мимо его машины, я дважды выстрелила в салон. Потом – контрольный в голову Родригесу. Размахнулась и выбросила пистолет в реку. Сняла у Родригеса чип, проверила карманы, вынула все, что нашла.

Вернулась к машине. Убедилась, что Камила мертва. Сняла с нее кулон на тонкой цепочке. Подумав, вынула и чип.

За спиной послышались два выстрела – Веста портила «Квадре» резервный чип. Ну вот, а еще собиралась по людям стрелять. Да она в здоровый блок с первого раза не попала. Подбежала, сунулась в салон «Найны» Родригеса, открыла капот, старательно отворачиваясь, чтобы не видеть развороченную голову Камилы. Расстреляла «мозги» второй машины. На этот раз с одной пули. Швырнула пистолет в воду.

Чипы, кулон Камилы и «зажигалку» Родригеса я оставила себе. Вот ведь мерзавец! Его снабдили хорошим оборудова-

нием. Мне не дали. Хотя мне многие вещи жуть как необходимы.

Все остальное я выбросила в ливневый сток. Разумеется, предварительно растоптав. Веста уже стояла на тротуаре, ожидая меня. Вроде ничего, держится, только побледнела. Ничего, сейчас мы побежим – раскраснеется.

Через пятнадцать минут я пожалела, что выбрала такую длинную дистанцию. Веста бежала, не жалуясь, но выглядела отвратительно. Ладно, давай пешком. Тут и технические средства Родригеса пригодятся.

И мы перешли на шаг. Веста заметила, что я время от времени поднимаю руку с зажатым в ладони металлическим цилиндром, удивилась:

– Что это?

– «Зажигалка». У Родригеса нашла. Она портит камеры и прочую электронику.

– Полезная вещь.

– И не говори.

Веста показала себя молодцом. Со своей частью плана справилась на «отлично». Не то чтобы я была ей благодарна – в нашей работе чувства недопустимы, – но Веста заслуживала похвалы.

– Ты надежный партнер, – сказала я.

– Просто не дура. Спасать шкуру легче в компании. Надеюсь, если нас вычислят, ты не забудешь взять меня с собой на ваш корабль.

– Лучше я дам тебе контакт хорошего человека, который возит беженцев за разумные деньги.

– Не хочешь делиться секретами и знакомить с друзьями?

– Да просто я тупо сменю личину и смогаюсь в другой город. Еще и в полицию устроюсь. Веста, я не могу покинуть страну по своей воле. Нет, ну могу, конечно. Но мне не стоит надеяться, что я после этого задержусь в бизнесе хоть на минуту.

– Еще и прихлопнут, сочтя, что ты предала их.

– Ну, на этот случай я меры приняла давно.

– Представляю, какое шикарное у тебя было детство, если ты в двадцать лет настолько предусмотрительная.

Я пожала плечами.

– Мне кажется, будет совсем нелишне подкинуть следствию годную версию, – сказала Веста. – И та драка в клубе будет как нельзя кстати. Много свидетелей, что у Камилы были конкурентки, и очень злые.

– А еще у нее были клиенты.

– Вот и пусть следователи копаются. На пару лет работы. Зачем ты сняла с нее кулон?

– Именно за этим. Подброшу кому-нибудь.

– Давай, – Веста протянула ладонь. – И не показывайся сегодня в том клубе.

Я отдала.

– Если честно, у меня и времени-то не будет.

Мы дошли до парковки. Я отключила камеры. Сели в ма-

шину, Веста завела двигатель.

– Грустно, конечно, все это. Но другого выхода у нас не было.

– Какое счастье, что мы с тобой не работаем на землян. А то так и жили бы в страхе, что очередной недоделок выдаст нас контрразведке.

Веста не ответила. Подумала, наверное, про своего любимого и последующий год по тюрьмам. Я нарочно ей напомнила.

Через двадцать минут Веста высадила меня у сквера, за которым был мой дом.

– Послезавтра встретимся, – сказала она.

– Космодром? Я помню.

Веста попрощалась и уехала.

А я сняла куртку, завязала ее на талии и рысцой направилась в сквер. Дала пару кругов – пусть все видят, чем я занимаюсь, и пошла домой.

Похоже, у меня получится выкроить пару часов на сон.

* * *

Поездка на космодром прошла так гладко, что Веста сама удивилась. То есть не было ни одной проблемы, кроме разве что плохих дорог.

Пока она принимала товар, мне прозвонился Хосе:

– Здравствуй, Долорес. Хорошие новости. Следствие от-

вергло все версии, кроме конкуренции между проститутками. Неплохо сработано.

– Есть чему радоваться.

– Я хотел поговорить с тобой о Весте.

– По-моему, она в самой поре.

– Мне тоже так показалось. Ты поговори с ней обиняками. Пусть заедет к Эве Мендес, там будет ждать психолог. Посмотрим, годится ли она для нас. И есть отличная возможность провести натурные испытания. Ты район Пестрого холма знаешь?

– Там завод.

– Именно. Он расширяется, часть цехов модернизируют, ну и два построят с нуля. Завтра под них будут бить котлован. Четыре направленных взрыва.

– О! – Я засмеялась, сообразив, что задумал Хосе.

– Задание я выдам ей сам. Да, мне кажется, что личная встреча допустима. Например, я подсяду к вам в машину. Сегодня вечером, после того как получу результаты тестов. Но есть небольшая трудность.

– Какая?

– У меня нет людей. Совсем. Роль диверсанта придется сыграть тебе.

– Не вопрос, Хосе. Достань мне реквизит, и я даже знаю, кого сыграю. Ту самую Деллу Берг, которой нас так пугал Родригес.

– Остроумно. Но стоит ли так опасно шутить?

– Зато все сразу будет ясно.

– Хорошо. Реквизит я обеспечу. До вечера.

Обратная дорога заняла у нас два с половиной часа. А когда мы сдали товар покупателю, я преподнесла Весте сюрприз:

– Веста, тобой заинтересовались люди. Но они весьма осторожны.

– Так, – упавшим голосом сказала она.

– Если хочешь выслушать, что они предложат тебе, – сначала придется пройти тесты.

– Ничего себе! – изумилась Веста.

Но на тестирование согласилась. Я отвезла ее в кафе Эвы Мендес, сдала с рук на руки. Через три часа мне предстояло забрать Весту. Чтобы не болтаться без дела, я позвонила Энрике, который с утра уже четыре раза звонил и прислал девять встревоженных писем.

– Энрике, моей подруге нужна помощь, поэтому я не отвечала. Сейчас она у врача, и у меня есть три свободных часа. Потом надо будет приехать за ней.

– Надеюсь, ее болезнь не слишком серьезная, раз она не собирается лечь в клинику.

– У нее разболелся зуб. Она думала, что повредила эмаль, когда вчера грызла орехи, но все намного серьезнее. Два врача, у которых мы побывали сегодня, предложили удалить зуб, а сейчас мы нашли такого, который взялся лечить. Конечно, это дорого, и ей придется истратить почти все свои

сбережения, но удалить, а потом вставить имплант было бы еще дороже.

– Какие сложности! А почему она не хочет лечиться по страховке?

– Потому, Энрике, что она простая таксистка и ее доходы не сравнить с твоими. Никто из нас не может позволить себе такую страховку, в которую входили бы услуги стоматолога, да еще и когда приспичило.

– Извини. Я не хотел подчеркнуть имущественную разницу. Я действительно не знал, что бывают какие-то другие страховки... Еще раз извини. Разумеется, я составлю тебе компанию, пока ты ждешь подругу.

Я назвала адрес – кабачок в трех кварталах от кафе Эвы Мендес. Энрике примчался туда, отстав от меня всего лишь на пять минут. С большим букетом роз. Ладно, цветы прием. Цветы – всего лишь знак эльдорадской вежливости. Правда, их редко дарят на свидании, обычно с ними ходят в гости.

Уже через час я смертельно устала от него. Через два я не выдержала и сделала вид, что получила сообщение.

– Ой, – обрадовалась я, – подруга пишет. Все прошло отлично, предыдущие врачи немного ошиблись в диагнозе, и лечение оказалось проще.

– Хорошая новость.

– Да, а сейчас она ждет меня в кафе по соседству и, в нарушение всех рекомендаций, пьет кофе. Мне нужно срочно

идти, пока она кроме кофе не выпила еще вина.

– Долорес, – он засмеялся, – мне однажды лечили зуб. Нет, он не был больным, я играл в гольф и... Словом, я его сломал. Вечером после лечения я выпил бокал шампанского – и ничего не случилось.

– Хорошо, я так ей и передам.

– Если хочешь, могу пойти с тобой. Мне совершенно не зазорно познакомиться с теми твоими друзьями, о которых ты так заботишься.

– Не стоит, Энрике.

– Но почему?

– Потому что это уже назойливость.

– Или твоя подруга – на самом деле мужчина?

Кажется, он решил, что метко пошутил.

– Энрике, я могу сходить на две встречи с мужчинами в один день, только если кто-то из мужчин будет моим братом или отцом.

– Ты же говорила, у тебя нет братьев.

– Нет родных. Есть полубратья – дети моего отца от второго брака.

– Извини. Тогда... – Он поднялся, чтобы проводить меня до парковки. – Когда мы снова встретимся?

– Не раньше воскресенья, и то если ничего не случится. Воскресенье у меня рабочий день, но вечером бывает мало заказов, можешь позвонить.

– Хорошо. И ты не ответила, составишь ли мне компанию

на конной прогулке.

Я засмеялась.

– Уговорил. Но тебя ждет сюрприз!

– Какой?

– Если я скажу, он перестанет быть сюрпризом.

– Хорошо. Я буду терпеливо дожидаться.

Наконец мы с ним распрощались, и я уехала. На всякий случай нарезала пару кругов по району, чтобы убедиться – он отстал. И только потом пристроилась в углу на крохотной парковке кафе.

Весту пришлось ждать около получаса. Наконец Эва Мендес сама вывела ее в зал – понятно, что с психологом она беседовала где-то в служебном помещении. Веста выглядела осунувшейся и посеревшей. Тяжело уселась за мой столик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.